КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

НОЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1882 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

НОЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го октября 1882 года.

ГОНТА.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при

содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ.**

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.*, обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей*, проф. В. Б. Антоновича, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ Н. Ханенка, Дневникъ св. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Морцѣпанъ и Ганнусковой горѣлки“*, рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЬ КОП**. На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ**.

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

Вмѣсто предисловія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ случайно достались нѣкоторые разрозненные матеріалы по крестьянскому землевладѣнію въ харьковской губерніи. Нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ заинтересовали насъ уже потому, что самому автору, какъ уроженцу этой-же губерніи, уже не разъ бросался въ глаза тотъ загадочный непорядокъ въ нѣкоторыхъ, по преимуществу крестьянскихъ, дачахъ губерніи, который самъ по себѣ не давалъ никакого ключа къ уразумѣнію его причинъ и средствъ его устраненія: это была какая-то механическая смѣсь началъ и порядковъ личнаго и общиннаго землевладѣнія, среди которой видимо было плохо не только крестьянамъ, но и мелкому чрезполосному владѣнію другихъ сословій. По мѣрѣ того, какъ мы дополняли наши скудные матеріалы новыми, причины этой аграрной безурядицы хотя въ основныхъ чертахъ и выяснялись постепенно, но за то общая связь этихъ причинъ осложнялась и расширялась настолько, что самые предѣлы общаго вопроса объ исторіи землевладѣнія въ здѣшней мѣстности постоянно раздвигались и изчезали въ томъ непроницаемомъ туманѣ, который можно назвать заброшенной и забытой исторіей прошлаго нашихъ провинцій. Вслѣдствіе этого намъ пришлось коснуться и общей исторической стороны здѣшней мѣстности, при чемъ даже бѣглый обзоръ мѣстныхъ историческихъ фактовъ показалъ намъ, что *земельный вопросъ здѣсь органически и, можно сказать, на каждомъ шагу представляетъ неразрывное цѣлое съ общей исторіей здѣш-*

няго края, которая и сама, по своей сущности, представляетъ ничто иное, какъ рядъ непрерывныхъ, извнѣ опредѣлявшихся метаморфозъ въ судьбѣ мѣстнаго поземельнаго владѣнія. Такое неожиданное на первыхъ порахъ расширеніе рамокъ мѣстнаго земельнаго вопроса поставило на нашемъ пути нѣкоторыя задачи, выходившія не только за предѣлы нашихъ *не обширныхъ матеріаловъ,* но и за предѣлы нашей личной общей подготовки; ибо вопросъ въ своихъ сложныхъ развѣтвленіяхъ не только шелъ вглубь мѣстной областной и обще-русской исторіи, но и глубоко затрогивалъ нѣкоторые общіе вопросы изъ области права, экономической науки и, можетъ быть, народной психологіи.

Въ виду всѣхъ этихъ внѣшнихъ и субъективныхъ препятствій намъ оставалось или отказаться совершенно отъ мысли браться за непосильный для насъ, при данныхъ условіяхъ, вопросъ, или-же по крайней мѣрѣ хоть поставить его на видъ, хотя-бы со всѣми недостатками, которые неизбѣжно присущи всякому начинанію. Мы предпочли послѣднее, руководствуясь тою мыслію, что иногда самая постановка вопроса на сцену общественнаго вниманія есть уже начало дѣла.

Вопросъ о старозаимочномъ землевладѣніи представляетъ слѣдующія существенныя стороны для своего изслѣдованія: во первыхъ, о самомъ происхожденіи этого землевладѣнія и его дальнѣйшей внѣшней судьбѣ, во вторыхъ, объ основныхъ принципахъ этого землевладѣнія и обусловленныхъ этими принципами внутреннихъ порядкахъ, т. е. было-ли это владѣніе личное и наслѣдственное, или владѣніе общинное, или-же оно представляло собою какое-либо органическое сочетаніе началъ того и другаго типа, съ преобладаніемъ одного изъ нихъ и, въ третьихъ, какой именно характеръ и нравственный складъ воспитывалъ въ народѣ тотъ или другой типъ землевладѣнія, при данныхъ условіяхъ исторіи, и насколько здѣсь причина сама могла быть слѣдствіемъ.

Само собою разумѣется, что случайные и отрывочные матеріалы, какими мы располагаемъ по этому предмету, не даютъ намъ достаточнаго основанія для сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія намѣченныхъ вопросовъ, но мы рѣшились воспользоваться ими хотя для самой постановки общаго вопроса и нѣкотораго освѣщенія указанныхъ его сторонъ, въ томъ предположеніи, что нашъ

трудъ составить, по крайней мѣрѣ, ту *общую первоначальную канву*, при наличности которой легче будетъ оріентироваться и дальнѣйшимъ матеріаламъ по занимающему насъ вопросу. А вопросъ этотъ не только назрѣлъ, но скорѣе уже перезрѣлъ въ самой жизни, которая въ послѣднее время уже слишкомъ серьезно поставила его на видъ и подъ угрозой, можетъ быть, самыхъ печальныхъ осложненій видимо не допускаетъ его дальнѣйшаго отлагательства.

Внѣшней руководящей нитью въ нашемъ изложеніи послужитъ намъ отчасти исторія и содержаніе одного судебнаго старозаимочнаго процесса, именно такъ называемаго „ахтырскаго дѣла", о которомъ года два назадъ такъ много говорилось въ газетахъ, а также нѣкоторые матеріалы по исторіи ахтырскаго полка.

„Ахтырское дѣло" есть только довольно содержательный эпизодъ сложнаго старозаимочнаго вопроса, который, съ одной стороны, затрогиваетъ самыя основы матеріальной жизни значительной части населенія многихъ южно-русскихъ мѣстностей, а съ другой, можетъ быть, существенно дополняетъ и оттѣняетъ собою намъ болѣе счастливый, съ легкой руки Гакстгаузена и славянофиловъ 40-хъ годовъ, вопросъ о поземельной великорусской общинѣ, въ послѣдніе годы, болѣе чѣмъ когда либо, переходящій въ стадію того или другаго своего практическаго разрѣшенія. Но такъ какъ вопросъ о *старозаимочномъ землевладѣніи* во многихъ мѣстностяхъ южно-русскихъ губерній ведетъ свое начало еще отъ временъ первой колонизаціи этихъ мѣстностей (главнымъ образомъ въ предѣлахъ трехъ губерній: полтавской, черниговской и харьковской), то историческая сторона и „ахтырскаго дѣла" неразрывно связана съ превратной судьбой народнаго землевладѣнія, по крайней мѣрѣ въ мѣстности бывшей Слободской Украйны, а потому, при разрозненности и отрывочности находившихся у насъ подъ руками матеріаловъ, мы по необходимости должны были дополнять ихъ, можетъ быть, и довольно извѣстными историческими фактами. Мы однако позволяемъ себѣ думать, что уже самое содержаніе многихъ изъ этихъ матеріаловъ можетъ значительно помочь намъ въ постановкѣ и даже посильномъ освѣщеніи не только общихъ сторонъ поставленнаго нами вопроса, но и вопросовъ нашей темной современности: можетъ быть эти матеріалы лишній разъ остерегутъ насъ отъ нашей почти общей

привычки универсальничать, какъ въ сферѣ теоретическихъ сужденій, такъ и въ практическомъ разрѣшеніи сложныхъ вопросовъ давно лишенной самосознанія нашей общественной жизни, и въ то-же время обнаружатъ причины, почему многія стихійныя движенія современности застаютъ насъ врасплохъ, какъ истинное для насъ deus ex machina. Можетъ быть болѣе близкое ознакомленіе съ такимъ крупнымъ мѣстнымъ вопросомъ, какъ старозаимочный, хотя нѣсколько наведетъ насъ на мысль, что *многія своеобразныя мѣстности нашего обширнаго государства имѣютъ свои специальные вопросы, специальные недуги,* а слѣдовательно требуютъ специальныхъ, а не универсальныхъ рѣшеній и врачеваній и что можетъ быть самое нарожденіе этихъ недуговъ вызвано слишкомъ легкой, традиціонной вѣрой въ примѣнимость циркулярно-универсальныхъ мѣропріятій, не говоря уже о соображеніяхъ и цѣляхъ, стоявшихъ внѣ интересовъ той или другой мѣстной народной жизни и только въ лучшихъ случаяхъ имѣвшихъ своимъ источникомъ субъективно понимаемую государственную пользу.

Вопросъ о старозаимочномъ землевладѣніи въ б. Слободской Украйнѣ стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о происхожденіи, характерѣ и типѣ всего южно-русскаго народнаго землевладѣнія, а этотъ, въ свою очередь, не можетъ быть понятъ внѣ связи съ исторіею землевладѣнія на сѣверѣ Россіи. Намѣтивъ въ самыхъ общихъ чертахъ историческую связь этихъ вопросовъ, мы перейдемъ затѣмъ къ специальному предмету нашего изслѣдованія.

Юридическій характеръ и внутренняя организація землевладѣнія б. московскаго государства въ значительной степени сложились подъ вліяніемъ условій татарскаго ига, не касаясь уже причинъ, лежавшихъ въ исторіи и народномъ характерѣ Великороссіи. „По началамъ монгольскаго государственнаго права, говоритъ Неволинъ, вся земля, находившаяся въ предѣлахъ владычества хана, была его собственностію: подданные хана могли быть только владѣльцами земли". По причинамъ, которыя вѣдомы исторіи, активнымъ и нормирующимъ элементомъ въ московскомъ государствѣ была не столько сама народная жизнь, сколько искони установившаяся ея форма: „одно его, великаго государя, государство". Отсюда единственное основаніе и оправданіе всякаго поземельнаго владѣнія въ Великороссіи заключалось въ службѣ государству; внѣ этого условія по-

земельное владѣніе, какъ нормальное явленіе, не существовало. „Къ концу XVI вѣка, говоритъ русскій цивилистъ (курсъ гражд. права Побѣдоносцева, ч. I, стр. 132—133, изд. 1873 г.) желѣзная воля Ивана IV, очевидно дѣйствовавшая систематически, разбила послѣдніе остатки чистаго вотчиннаго владѣнія и сплавила все землевладѣніе въ московскомъ государствѣ въ одну сплошную массу владѣнія служебнаго“. Только съ конца прошлаго вѣка, со времени жалованной грамоты Екатерины II дворянству, выражено было законное признаніе правъ личной собственности на землю для высшаго дворянскаго сословія, и только указомъ 1801 года было предоставлено право пріобрѣтенія ненаселенныхъ земель всѣмъ россійскимъ подданнымъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ.

При такомъ общемъ юридическомъ характерѣ землевладѣнія Великороссіи, къ ней, какъ извѣстно, присоединилась въ половинѣ XVII вѣка, а отчасти заселилась около этого времени малороссіянами почти вся территорія южной Руси или Украйны, землевладѣніе которой возникло и слагалось подъ вліяніемъ причинъ и началъ весьма своебразныхъ, а послѣ эпохи Богдана Хмельницкаго почти полярно противуположныхъ. Хотя въ бывшемъ литовскомъ государствѣ, подъ вліяніемъ котораго формировалось до эпохи Богдана южно-русское землевладѣніе, право полной собственности на землю принадлежало единственно только великому князю и въ этомъ отношеніи была, повидимому, какъ-бы полная параллель съ юридическимъ положеніемъ землевладѣнія и въ московскомъ государствѣ: но есть основаніе думать, что эта параллель не шла дальше сходства основныхъ государственныхъ воззрѣній на землевладѣніе и не проникала собою фактически всего правоваго строя народной жизни, какъ въ московскомъ государствѣ; а со времени отдѣленія южной Руси отъ Рѣчи Посполитой само собою должно было упраздниться и воззрѣніе объ исключительномъ правѣ государства на землевладѣніе южной Руси. Съ эпохи Богдана земля стала уже фактической собственностію занимавшаго ее народа.

Такъ какъ для самобытнаго развитія народныхъ южно-русскихъ началъ землевладѣнія не оказалось впослѣдствіи благопріятныхъ условій, а органическаго слiянія съ принципами и порядками землевладѣнія въ московскомъ государствѣ, по ихъ рѣзкой во многомъ противуположности, не могло и быть, то послѣдующая исторія

южно-русскаго землевладѣнія, главнымъ образомъ въ Слободской Украйнѣ, представляетъ собою интересную для исторической мысли картину, такъ сказать, механическаго, офиціальнаго воздѣйствія началъ и порядковъ сѣвернаго землевладѣнія на южное. Полная разработка этого вопроса составила-бы общую исторію землевладѣнія Украйны со времени присоединенія ея къ московскому государству, а вмѣстѣ съ нимъ и существенную сторону исторіи южно-русскаго народа. Но, какъ уже объяснено выше, мы намѣтили себѣ гораздо болѣе скромную задачу: изложить въ нѣкоторой посильной системѣ хотя не многіе имѣющіеся у насъ подъ руками матеріалы для будущей разработки этого вопроса въ примѣненіи только къ небольшой части территоріи бывшей Малороссіи или Украйны, именно относительно земель бывшихъ слободскихъ полковъ, территорія которыхъ занимала пространство нынѣшней харьковской губерніи, нѣкоторые южные уѣзды курской и часть воронежской губерніи. По самой разрозненности этихъ матеріаловъ, мы изложимъ оные въ 12-ти отдѣльныхъ главахъ, представляющихъ происхожденіе и отдѣльные фазисы и видоизмѣненія общаго вопроса, сохраняя однако между ними внутреннюю предметную связь.

---

1) Происхожденіе поземельнаго владѣнія слободскихъ полковъ и его мѣстныя особенности.

Слободская Украйна, составляя, по національности большинства ея населенія, часть общей территоріи Малороссіи, почти съ самаго своего заселенія вошла въ составъ московскаго государства и поэтому уже съ давняго времени была подъ прямымъ вліяніемъ московскихъ государственныхъ порядковъ. Это вліяніе могло быть тѣмъ рѣшительнѣе, что колонизація Слободской Украйны производилась на территоріи уже отчасти (хотя изрѣдка) занятой великорусскими окраинными поселеніями; этому вліянію благопріятствовало и то обстоятельство, что всѣ пять слободскихъ полковъ (ахтырскій, сумской, харьковскій, изюмскій и острогожскій) не имѣли того собственнаго объединяющаго административнаго центра, какимъ представлялся гетманскій урядъ въ полкахъ бывшей гетманщины: слободскіе полки никогда не имѣли своей общей гене-

ральной старшины, что, конечно, не могло входить и въ виды московскаго правительства. Въ первое время своего возникновенія и присоединенія къ московскому государству слободскіе полки находились въ непосредственномъ вѣдѣніи посольскаго приказа (замѣненнаго потомъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ), потомъ зависѣли отъ бѣлгородскаго разряда „и отъ губерніи бѣлгородской по гражданскимъ, а по воинскимъ дѣламъ отъ военной коллегіи".

Въ то время, какъ на сѣверѣ Россіи извѣстный строй жизни и ея аграрные порядки слагались и крѣпли цѣлые вѣка, колонизація малолюдной лѣвобережной Украйны, въ большинствѣ ея мѣстностей, принадлежитъ сравнительно позднѣйшему времени и главнымъ образомъ, можетъ быть, XVI—XVII вѣкамъ. Характеръ происхожденія поземельнаго владѣнія въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ этой территоріи довольно вѣрно опредѣляется слѣдующимъ объясненіемъ землевладѣльцевъ, малороссійскихъ козаковъ одного села, въ ихъ поземельномъ спорѣ съ новгородъ-сѣверскимъ спасскимъ монастыремъ въ концѣ прошлаго вѣка: „когда при помощи Божіей малороссіяне зъ гетманомъ Богданомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха, великаго государя, Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая потамисть, покамисть они первѣе подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечки, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, дворы, домы и футоры осягли и позаймали; и потому *сталися всь добра* (имѣнія) *малороссіянамъ быть власними* (собственными) *чрезъ займы*. Оніе-жъ займы свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе копцами обносили и рвомъ окопували, клякамп ограничали и, что хотѣли, въ тѣхъ займахъ строили, гаи возращали и сады заводили, футори, слободи, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ корысть приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мельницъ мѣста, тамъ оніе строили" [1]).

---

[1]) Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. Книга первая. Черниговъ. 1766 г. «Малороссійскіе посполитые крестьяне».

Въ этомъ разсказѣ, говоритъ авторъ цитированной нами статьи: „Малороссійскіе посполитые крестьяне", полная исторія поземельной собственности въ Малороссіи. Отсюда-же видно, что происхожденіе и характеръ поземельнаго владѣнія, какъ въ бывшей гетманщинѣ (нынѣ полтавской и черниговской губерніяхъ), такъ и въ предѣлахъ бывшихъ слободскихъ полковъ, позднѣе слободско-украинской губерніи, съ нѣкоторыми сопредѣльными ей мѣстностями сосѣднихъ курской и воронежской губерній, въ районѣ южно-русской колонизаціи, были почти одни и тѣ-же, ибо вся эта территорія почти до степей Дона была мало-по-малу заселена, за исключеніемъ рѣдкихъ великорусскихъ поселеній, почти сплошнымъ южно-русскимъ населеніемъ. Хотя въ территоріи слободскихъ полковъ, еще съ самаго начала ихъ возникновенія, происхожденіе землевладѣнія было довольно разнообразно,—кромѣ массы вольныхъ заимокъ, были и жалованныя и помѣстныя земли однодворцевъ, главнымъ образомъ, въ сѣверной полосѣ Слободжанщины—по такъ называемой бѣлгородской чертѣ [1]), и самыя заимки съ теченіемъ времени освящались большею

[1]) Въ книгѣ неизвѣстнаго автора: «Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ»... Москва, 1788 г., относительно бѣлгородской черты сказано, что она была проведена въ видѣ рва еще при Михаилѣ Федоровичѣ: начиналась она съ запада «отъ рубежа малороссійскаго бывшей тамъ польской границы» и простиралась до рѣки Дона, слишкомъ на 300 верстъ. По этой линіи были построены съ крѣпостями великорусскіе города: Вольное, Хотомырскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, Нежегольскъ, Короча, Яблоновъ, Новый-Осколъ, Верхососенскъ, Усердъ, Ольшанскъ и Коротоякъ надъ Дономъ. Главнѣйшими изъ этихъ городовъ-крѣпостей были Бѣлгородъ и Новый-Осколъ. «Прилежащими къ сей чертѣ землями, говорится въ этой книгѣ, удовольствованы какъ города во время построенія, такъ въ помѣстные оклады жалованы дворяне, дьяки, подьячіе и дѣти боярскіе; а сверхъ того розданы тѣ земли въ дачи прежнихъ службъ служилымъ людямъ; оставшееся за раздачею пространство, большей частью съ южной стороны линіи, царь Алексѣй Михайловичъ указалъ отвесть и утвердилъ подъ поселенія слободскимъ полкамъ». Но что здѣсь не было и не могло быть какого-либо дѣйствительнаго отвода земель для колонизаторовъ слободскихъ полковъ, это подтверждаетъ и самъ авторъ названной нами книги: «восточная (бывшаго) княженія кіевскаго сторона,.... на которой послѣ слободскіе полки поселились, пробыла около 400 лѣтъ необитаемою пустынью, гдѣ отъ востока и юга набѣги татарскіе однимъ только звѣрямъ, птицамъ и пресмыкающимся не могли воспретить обиталища», почему «земли сіи... со временъ нашествія татарскаго до поселенія слободскихъ полковъ пребыли по большей части пусты»....

частью *жалованными грамотами* московскихъ государей; но такъ какъ въ этихъ правительственныхъ актахъ относительно самаго внутренняго распорядка землевладѣнія не было никакой регламентаціи и съ этой стороны акты обыкновенно ограничивались простымъ упоминаніемъ о „старыхъ козацкихъ обыклостяхъ“, то *національный характеръ населенія, какъ видно изъ массы фактовъ, постоянно клонилъ аграрные порядки къ индивидуальному, участково-наслѣдственному землевладѣнію.* Вслѣдствіе этого характеръ землевладѣнія и Слободской Украйны, подобно аграрному устройству населенія бывшей гетманщины, во многомъ отличается отъ аграрныхъ порядковъ Великороссіи не только въ большинствѣ случаевъ своимъ происхожденіемъ, но и формой, типомъ: вмѣсто обыкновенной *дачи въ помѣстье,* для отбыванія государевой службы, здѣсь, по крайней мѣрѣ для большинства южно-русскаго населенія, была *вольная заимка,* вмѣсто общиннаго владѣнія всѣмъ міромъ великорусскаго селенія или деревни, въ Слободской Украйнѣ почти повсемѣстно, въ предѣлахъ южно-русской колонизаціи, было личное индивидуальное владѣніе, съ обычнымъ переходомъ и дробленіемъ по наслѣдству, изъ поколѣнія въ поколѣніе, что фактически представляло всѣ условія полной поземельной собственности и что для массы населенія Великороссіи юридически стало возможно, кромѣ крѣпостныхъ людей, только съ начала текущаго вѣка (указъ 1801 г.).

Документальнымъ подтвержденіемъ того историческаго факта, что малороссіяне („черкассы“ по московскимъ или великорусскимъ письменнымъ памятникамъ XVII и XVIII вѣковъ) колонизировали не только земли бывшей гетманщины, но и территорію слободскихъ полковъ большей частью *вольно, безъ всякихъ* предварительныхъ откуда-бы то ни было *разрѣшеній,* служатъ многочисленныя историческія данныя, изъ которыхъ однако мы приведемъ лишь немногія, имѣя въ виду судьбу южно-русскаго поземельнаго владѣнія бывшей Слобожанщины главнымъ образомъ уже въ позднѣйшее время, почти исключительно въ текущемъ столѣтіи, и даже за послѣднія десятилѣтія нашего вѣка. Такъ относительно главнаго поселенія ахтырскаго слободско-украинскаго полка, города Ахтырки, есть историческія указанія, что онъ входилъ еще въ составъ литовскаго княжества, т. е. въ предѣлы государственной территоріи бывшей Рѣчи Посполитой. „Сочинителю географическаго словаря извѣстна

была грамота царя Алексѣя 1669 г., въ которой сказано было, что городъ построенъ въ августѣ 1641 г., подъ надзоромъ королевскаго урядника Кульчевскаго, и въ немъ первымъ урядникомъ былъ панъ Якубовскій. Въ актѣ размежеванія границъ 1647 г. сказано, что ахтырскій городъ переданъ Польшею московскому царю вслѣдствіе бывшаго предъ тѣмъ договора. По Чугуевской перепискѣ, Ахтырка является черкасскимъ новопостроеннымъ городомъ въ 1654 г. [1]).

Также точно и основаніе другихъ поселеній западной, древнѣйшей части Слобожанщины, какъ напримѣръ полковаго города Сумъ и бывшаго сотеннаго мѣстечка сумскаго полка Лебедина, историческія преданія относятъ еще до времени присоединенія Малороссіи къ московскому государству, когда первоначальная колонизація этихъ мѣстностей не могла быть подъ вліяніемъ московскаго правительства, а непосредственнаго московскаго вліянія на внутренній аграрный строй Слобожанщины не было и въ позднѣйшее время, по крайней мѣрѣ до начала XVIII вѣка. „Въ 1654 году, говоритъ Побѣдоносцевъ [2]), харьковскій полкъ (впослѣдствіи центръ мѣстнаго управленія) былъ принятъ подъ скипетръ Россіи и вскорѣ поступилъ во владѣніе *посольскаго приказа,* и на ряду съ нимъ образовался другой главный полкъ, изюмскій. Въ послѣдней четверти XVII вѣка начинается рядъ жалованныхъ грамотъ, которыми русскіе государи утверждали за слободскими жителями разныя льготы и привилегіи“ [3]). Такъ за вѣрность слободскихъ полковъ московскому правительству во время политическихъ смутъ въ гетманской Малороссіи при Виговскомъ и Брюховецкомъ тремъ слободскимъ полкамъ—сумскому, ахтырскому и харьковскому была дана жалованная грамота въ 1668 г.: здѣсь Алексѣй Михайловичъ за ихъ вѣрную службу и разореніе „указалъ сложить съ нихъ оброки... съ промысловъ и шинковъ по бѣлгородскому окладу, а промышлять въ городахъ тѣхъ полковъ всякими промыслы безоброчно и безпошлинно“ [4]).

---

[1]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи. Отдѣленіе III, Москва 1857 г. стр. 9—10.

[2]) Тамъ-же, стр. 279, 280 и 441.

[3]) См. его уже упомянутый нами «Курсъ гражд. права», часть I, 1873 г. стр. 350,

[4]) Тоже топограф. описан. харьковскаго намѣстничества 1788 года.

Жалованною грамотою 1682 г. указано слободскимъ полкамъ „пашенныя земли пахать и всякими угодьи владѣть промежь собой *по раздѣлу, по ихъ черкасской обычности*". „Къ числу такихъ обычностей, продолжаетъ авторъ уже названнаго нами „Курса гражданскаго права", перенесенныхъ, вѣроятно, изъ первоначальной родины, принадлежалъ обычай *занимать* пустыя земли для разработки и владѣнія". Такимъ образомъ *заимка* въ слободскомъ краю сдѣлалась главнымъ способомъ пріобрѣтенія собственности. Отсюда видно, что первоначальное заселеніе харьковскаго слободскаго полка, а слѣдовательно и его древнѣйшая поземельная организація (также какъ и ахтырскаго полка) стояли внѣ всякаго официіальнаго вліянія московскаго правительства. Относительно этихъ жалованныхъ грамотъ, какъ древнѣйшихъ, такъ и послѣдующихъ, невольно обращается вниманіе на то обстоятельство, что они почему-то какъ-бы постоянно забываются со стороны московской администраціи, что нерѣдко вызывало въ прежнее время жалобы и челобитныя со стороны слободскихъ козаковъ. Эти жалобы за нарушеніе дарованныхъ правъ относятся еще къ началу царствованія Петра І-го.

Такъ въ жалованной грамотѣ Петра І-го въ 1705 г. „сумскаго полка стольнику нашему и полковнику Андрею Герасимовичу Кондратьеву", между прочимъ, говорится: „въ нынѣшнемъ 705 году били челомъ намъ, великому государю, твоего полку старшина... городовые сотники и рядовые козаки съ товарищи: въ прошлыхъ де годѣхъ дѣды и отцы и братья и родственники и онѣ изъ разныхъ малороссійскихъ городовъ подъ нашу государеву руку на сю сторону Днѣпра (переселились)... и будущіе въ Бѣлгородѣ и въ Курску бояре и воеводы, обнадеживая ихъ нашею государевою не отъемленною милостію и всякими ихъ *черкасскими неотъемленными отъ нихъ обыклыми вольностями,* и велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жилымъ городамъ по бѣлгородской чертѣ, въ дикихъ степяхъ, на татарскихъ сакмахъ, которыми мѣстами хаживали крымскія и ногайскія орды подъ наши государевы жилые украинскіе города, а для размноженія тѣхъ новостроющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на житье всенадежно и иныхъ ихъ братьевъ „*черкасъ*" и тѣми новоприхожими „черкассами" построены городы на путивльскихъ дикихъ земляхъ: Сумы, Судока, Мирополье, Краснополье, Бѣлополье, и къ тѣмъ городамъ уѣзды, села и де-

ревни и... служили они намъ, великому государю, по своему обѣщанію, не щадя головъ своихъ, вѣрно, также и во измѣнные *шаточные времена*, и ко измѣнникомъ не приставились и на прелестныя ихъ ни на какія письма... не склонялись никогда-же; и въ прошлыхъ де годѣхъ (за время отца и братьевъ Петра) для утвержденія ихъ городовъ за тѣ ихъ вѣрныя службы пожалованы, велѣно имъ вмѣсто нашего государеваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья въ тѣхъ городѣхъ жить и нашу государеву полковую службу служить *по черкасской обыклости*, при всякихъ вольностяхъ, и велѣно-же *заимки занимать*, пасѣки *и всякіе грунты заводить* и торговыми всякими промыслы промышлять въ своихъ полкахъ безоброчно и безпошлинно, противъ старой черкасской обыклости, и оброки, которые до измѣны Ивашки Брюховецкаго на мельницы и на всякія угодьи и на торговые промыслы были наложены, за вышеупомянутую вашу службу и ко измѣнникомъ несклонность велѣно тѣ оброки сложить и впредь тѣхъ оброковъ не править *и на тѣ ихъ всѣ вольности и на грунта и на всякіе промыслы ихъ и дѣтямъ ихъ надежду и въ предъидущіе годы даны наши государевы жалованныя грамоты*"... Въ заключеніе грамота эта на имя сумскаго полковника повелѣваетъ ему сдѣлать оглашеніе въ полку старшинѣ и рядовымъ козакамъ „*всякими угодьи владѣть по прежнимъ нашимъ указамъ* и жалованнымъ грамотамъ, какъ прежде сего владѣли безъ всякаго премѣненія" [1])... Такимъ образомъ мѣстная московская администрація, по своему личному усмотрѣнію, или-же по распоряженіямъ свыше, уже предавала забвенію тѣ права и льготы, которыя были формально даны колонизаторамъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Эти привилегіи, по замѣчанію самаго автора „Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества" 1788 г., уже потому были необходимы для слободскихъ полковъ, что „они въ собственномъ военномъ одѣяніи, въ собственномъ вооруженіи, на собственныхъ коняхъ и на собственномъ провіантѣ легкоконными козаками въ войскѣ служили" [2])...

---

[1]) Частная рукописная копія.

[2]) Матеріалы по исторіи Слобожанщины, кромѣ московскихъ архивовъ посольскаго приказа и военной коллегіи, а также архивовъ г. Харькова, разбросаны въ старыхъ изданіяхъ и особенно провинціальныхъ: такъ исторія г. Суджи, входив-

Итакъ въ слободскихъ полкахъ *вольная заимка земель* была главнымъ способомъ пріобрѣтенія поземельной собственности, на сколько правовая сторона землевладѣнія могла имѣть мѣсто въ смутное и тревожное время XVII вѣка. Черкасская или малороссійская колонизація мало по малу заняла и облюднила и бывшія еще въ XV и XVI вѣкахъ, въ территоріи Слободской Украйны, разныя временныя московскія сторожи, опустѣлые острожки, остатки прежнихъ городовъ и селеній, какъ напримѣръ: Олешню, Изюмъ, Валки, Чугуевъ, Царево-Борисовъ и другіе, которые такимъ образомъ и населялись почти исключительно черкассами.

Врядъ-ли будетъ ошибкой предположить, что для колонизаторовъ - черкассъ Слободской Украйны былъ важенъ самый фактъ вольнаго, безоброчнаго владѣнія землей, а не юридическое основаніе этого факта и не правовая сторона ихъ владѣнія: колонизаторы видимо вполнѣ удовлетворялись тѣмъ, что они фактически являлись полными хозяевами занятой ими земли, которой они владѣли и распоряжались, согласно своимъ народнымъ обычаямъ. Наиболѣе древнія жалованныя грамоты московскихъ государей давали имъ право выбора полковой старшины, а также „въ судныхъ и во всякихъ дѣлахъ исправу чинить въ правду по старымъ своимъ козацкимъ обыкновеніямъ“ [1]). Но есть основаніе предполагать, что даже въ древнѣйшихъ слободскихъ полкахъ, какъ напримѣръ ахтырскомъ, сумскомъ и харьковскомъ, вольная заимка военныхъ колонизаторовъ Слободской Украйны уже рано смѣшивалась и съ другими видами землевладѣнія. Такъ изъ актовъ того времени можно видѣть, что еще у первыхъ полковниковъ слободскихъ полковъ встрѣчаются помѣстныя и вотчинныя земли [2]); эти-же полковники и другая полко-

---

шей въ составъ сумскаго козачьяго полка, помѣщена въ историческомъ и географическомъ журналѣ, изданномъ профессоромъ Гавриловымъ въ Москвѣ 1829 г. Въ «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1865 г. № 22 есть небольшая замѣтка «объ отчужданіи старозаимочныхъ земель войсковыхъ обывателей людямъ всякаго сословія».

[1]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, отдѣленіе III, стр. 35.

[2]) См. грамоту ахтырскому полковнику Перекрестову 1786 г. въ историко-стат. описаніи харьковской епархіи.

вая старшина заселяли свои пустопорожнія жалованныя и заимочныя земли въ смежныхъ поселеніяхъ великорусскихъ ратныхъ людей (у дѣтей боярскихъ) и также населяли ихъ черкассами; въ актахъ того времени упоминаются и случаи населенія „новыхъ поселеній“ даже прямо по царскимъ указамъ, при чемъ однако земли предлагались „въ вѣчное владѣніе безденежно“. Иногда чины слободской козацкой старшины получали приказаніе отъ московскаго правительства строить города и поселенія, призывать въ нихъ на вѣчное житье „всякихъ чиновъ черкассъ и дворами и всякими усадьбы ихъ строить“.

Бывали случаи дачи земель отдѣльнымъ лицамъ козачьяго населенія за ихъ заслуги отъ мѣстныхъ полковниковъ и даже уполномоченныхъ правительствомъ бояръ. Не лишено интереса и то обстоятельство, что еще въ первую пору исторіи Слобожанщины, въ ней уже являлось, главнымъ образомъ, путемъ правительственнаго пожалованія, крупное личное землевладѣніе громадныхъ размѣровъ: такъ „жалованная вотчинная милостивая грамота“ Петра I-го на имя сумскаго полковника Андрея Герасимовича Кондратьева (сына сумскаго-же полковника Герасима Кондратьева, знаменитаго своей непреклонной вѣрностью московскому правительству) утверждаетъ за нимъ громадную массу земель, „ихъ помѣстья въ отчину... вѣчно и въ роды неподвижно... и вольно ту вотчину продать и заложить и въ приданое дать и во всякія крѣпости укрѣпить“. По матеріаламъ генеральнаго межеванія 1785 г., упоминаемымъ въ томъ-же историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, въ рукахъ фамиліи бывшаго сумскаго полковника Кондратьева оказалось свыше 119,000 десятинъ земли. Даже духовный авторъ этого описанія какъ-бы невольно замѣчаетъ: „изумительно, какъ много милостей излито было на домъ Герасима Кондратьева!“ Мы не будемъ теперь касаться вопроса о томъ, насколько согласовались признававшіяся прежними грамотами старыя „черкасскія или козацкія обыклости“ съ появленіемъ подобныхъ латифундій, но по всей вѣроятности ко времени введенія крѣпостнаго права въ Слободской Украйнѣ эти латифундіи уже были заселены черкассами, обращенными такимъ образомъ въ крѣпостное положеніе. Въ ахтырскомъ полку усиленнымъ „собираніемъ земель“ занялся почти современникъ знаменитаго по царскимъ милостямъ сумскаго пол-

ковника, ахтырскій полковникъ Ив. Ив. Перекрестовъ, по заявленію котораго въ ахтырскомъ полку будто-бы еще въ его время не стало „порожнихъ земель и дикихъ полей и разныхъ угодій“ и поэтому онъ пріобрѣталъ земли у дѣтей боярскихъ, ближайшихъ къ малорусскому населенію ахтырскаго полка великорусскихъ поселеній— Олешни, Вольнаго и Хотьмыжска. Современемъ онъ чѣмъ-то навлекъ на себя гнѣвъ Петра, вслѣдствіе чего указомъ 1704 г. онъ неожиданно лишенъ былъ званія полковника; огромныя имѣнія его были отобраны въ казну, а подъ конецъ его жизни, уже послѣ 1721 г., его, уже больнаго, умирающаго старика, начальство потребовало къ суду въ Архангельскъ, „по какимъ-то дѣламъ архангельской крѣпости“. Начальству объяснили его физическое положеніе; но все-таки получился отвѣтъ: „не взирая ни на что, выслать его въ Архангельскъ“. Старикъ умеръ въ дорогѣ. При конфискаціи имѣній Перекрестова малая толика перепала и князю Меньшикову. Другая крупная конфискація помѣстій, по приказанію Петра (1711 г.), обрушилась на тогдашняго бригадира слободскихъ полковъ Шидловскаго, благодаря интригамъ того-же Меньшикова и Рагузинскаго. Такимъ образомъ конфискованныя земли снова составляли особый фондъ въ рукахъ московскаго правительства и вносили новый элементъ пертурбаціи въ только что возникавшій порядокъ личнаго заимочнаго владѣнія.

При такомъ разнообразіи происхожденія, категорій и юридическаго положенія поземельнаго владѣнія въ Слободской Украйнѣ, только характеръ внутренняго устройства козачьихъ поселеній повидимому оставался неизмѣннымъ: насколько извѣстно по мѣстнымъ преданіямъ и старымъ актамъ *въ земельныхъ дачахъ слободскихъ козаковъ почти вездѣ существовало участко-наслѣдственное землевладѣніе,* со всѣми послѣдствіями индивидуальной, личной собственности: семейнымъ раздѣломъ, куплей, продажей, завѣщаніемъ и т. п. Въ этомъ порядкѣ аграрнаго устройства заключалась, по видимому, одна изъ существенныхъ чертъ старой черкасской „обыклости“ и народныхъ вольностей. Но есть основаніе думать, что и эта особенность аграрнаго строя, обусловленная можетъ быть прежде всего національными обычаями малороссовъ, уже издавна подвергалась разнымъ ограниченіямъ и исключеніямъ. Изъ предыдущаго изложенія мы уже видѣли, что кромѣ основнаго способа

заселенія—вольной заимки земель, были и другіе способы заселенія: черкассы селились и на землѣ полковой старшины, на монастырскихъ земляхъ, на отводимыхъ имъ прямо отъ правительства; но мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ, чтобы категорически отвѣтить на вопросъ, всегда-ли они и въ этихъ случаяхъ сохраняли личный, индивидуальный характеръ землевладѣнія по участково-наслѣдственной системѣ. Извѣстно только, что въ позднѣйшее время, особенно послѣ полтавской битвы, когда правительство Петра и его преемниковъ выступило съ болѣе откровеннымъ образомъ дѣйствій относительно Малороссіи вообще и особенно относительно Слободской Украйны, въ предѣлахъ ея территоріи началось усиленное пожалованіе и дареніе болѣе или менѣе обширныхъ земель великорусскимъ чинамъ и помѣщикамъ, которые уже, ради удобствъ своихъ вотчинныхъ администрацій, естественно вводили у себя великорусскіе порядки крестьянскаго землевладѣнія—общинное устройство. Въ этомъ отношеніи можно положительно сказать, что *общинное владѣніе*, можетъ быть въ огромномъ большинствѣ мѣстностей теперешней харьковской губерніи и особенно восточной ея части, *началось сперва подъ вліяніемъ порядковъ, вносимыхъ великорусскими помѣщиками*, а *потомъ уже окончательно расширилось и явилось, можетъ быть, господствующимъ типомъ подъ вліяніемъ общихъ русскихъ законовъ и въ частности ради удобствъ фиска*. Въ послѣдующемъ изложеніи нашей компиляціи мы надѣемся подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ въ подтвержденіе только что высказаннаго нами замѣчанія. Мы лично не имѣемъ никакихъ исключительныхъ симпатій или предубѣжденій относительно личнаго или общиннаго землевладѣнія, но относительно судьбы народнаго землевладѣнія въ Слободской Украйнѣ считаемъ себя въ правѣ замѣтить, что національное, участково-наслѣдственное землевладѣніе военныхъ колонизаторовъ бывшихъ слободскихъ полковъ встрѣтило на пути своего развитія и юридическаго нормированія почти неодолимыя препятствія. Достаточно только вкратцѣ припомнить суровую внѣшнюю исторію этой территоріи, чтобы прежде всего придти къ убѣжденію, что козакамъ слободскихъ полковъ буквально почти некогда было заниматься упроченіемъ и гражданскимъ развитіемъ своихъ бытовыхъ порядковъ вообще и поземельныхъ въ частности: достаточно только вспомнить, что почти

до половины прошлаго вѣка развитію мѣстной гражданской жизни мѣшали, можетъ быть, прежде всего набѣги и разоренія отъ татаръ и другихъ степныхъ хищниковъ, въ томъ числѣ и разной степной вольницы разлагавшагося тогда, среди окружавшихъ его историческихъ условій, Запорожья; мы не говоримъ уже о крайне тревожной для Слободской Украйны эпохѣ гетманства Брюховецкаго, когда сочувствіе къ планамъ этого гетмана въ значительной части населенія Слобожанщины угрожало внести почти между-усобную борьбу (вслѣдствіе „прелѣстныхъ писемъ измѣнника и вора Ивашки Брюховецкаго и его совѣтниковъ)"... а затѣмъ скоро настала и эпоха Екатерины II, когда уже принципіально порѣшено было покончить съ областными особенностями не только Слободской Украйны, но и всей даже гетманской Малороссіи. Такимъ образомъ сперва дѣйствительное незнакомство московскаго правительства съ внутреннимъ устройствомъ поземельнаго владѣнія въ Слобожанщинѣ, а потомъ уже болѣе или менѣе намѣренное игнорированіе этого типа мѣстнаго аграрнаго устройства могли быть причиной того, что *этотъ порядокъ участково-наслѣдственнаго владѣнія остался, такъ сказать, внѣ защиты закона.* Ниже мы увидимъ, какимъ образомъ эта легальная беззащитность участково-наслѣдственнаго владѣнія, поддерживаемая временно и слабо такимъже беззащитнымъ народнымъ обычаемъ, мало по малу путемъ, такъ сказать, разлагающаго хаоса обращала участково-наслѣдственное владѣніе въ общинное. Въ этомъ отношеніи даже краткое ознакомленіе съ исторіей хотя-бы не многихъ поземельныхъ крестьянскихъ дачъ въ харьковской губерніи могло-бы значительно уяснить фактами нашъ давній метафизическій споръ о томъ, дѣйствительно-ли русскому народу вообще такъ врождена отъ вѣка идея поземельной общины, или-же это аграрное устройство большинства населенія Россіи есть продуктъ весьма сложныхъ и въ томъ числѣ главнымъ образомъ внѣшнихъ условій.

---

2) Четвертныя земли однодворцевъ на сѣверной границѣ Слободской Украйны.

Почти на рубежѣ двухъ аграрныхъ порядковъ Великороссіи и Украйны проходила полоса землевладѣнія, такъ сказать, средняго

типа. Это были вотчинныя и, главнымъ образомъ, *помѣстныя земли* великорусскихъ украинскихъ людей военнаго сословія, преимущественно по направленію бѣлгородской черты.

Судьба этого послѣдняго поземельнаго владѣнія, т. е. земель пограничнаго съ Слободской Украйной великорусскаго военнаго населенія, въ позднѣйшее время получившаго общее названіе однодворцевъ, во многихъ отношеніяхъ тѣсно связана съ судьбою старозаимочныхъ земель бывшей Слободской Украйны. Изъ содержанія и взаимнаго сопоставленія различныхъ указовъ и другихъ аграрныхъ мѣропріятій московскаго, а потомъ русскаго правительства, не трудно замѣтить, что эти указы и мѣропріятія отчасти преслѣдовали (хотя и разновременно) однѣ и тѣ-же цѣли какъ относительно однодворческихъ, такъ и старозаимочныхъ земель, а отчасти видимо не различали этихъ двухъ весьма различныхъ категорій землевладѣнія; вообще-же говоря, въ томъ и другомъ случаѣ преслѣдовались главнымъ образомъ дѣйствительныя, или кажущіяся интетересы и удобства центральнаго правительства и фиска, при чемъ не рѣдко самыя крутыя преобразовательныя мѣры шли впереди ближайшаго знакомства съ тѣмъ положеніемъ вещей въ далекихъ провинціяхъ, заглазное реформированіе которыхъ они предпринимали.

Изъ краткаго изложенія многихъ превратностей поземельнаго владѣнія однодворцевъ можно было-бы установить нѣкоторыя общія положенія, которыя почти вполнѣ имѣли мѣсто и въ исторіи старозаимочнаго землевладѣнія бывшихъ слободскихъ полковъ.

Въ самомъ началѣ исторіи однодворческихъ земель мы встрѣчаемъ тотъ знаменательный въ настоящемъ случаѣ фактъ, что *землевладѣніе это, также какъ и старозаимочное, имѣло въ началѣ личный, индивидуальный характеръ,* или, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, „основано было по начальному происхожденію на помѣстномъ правѣ, а по переходу—на правѣ наслѣдственномъ“ [1]).

Какъ извѣстно, сословіе однодворцевъ, этихъ „украинскихъ служилыхъ людей“ великорусскаго происхожденія, образовалось изъ потомковъ служилыхъ людей разныхъ чиновъ московской военной службы (дѣтей боярскихъ, козаковъ, стрѣльцовъ, драгуновъ, солдатъ

[1]) Курсъ гражд. права, ч. I, стр. 498.

и т. д.), поселенныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ на украинской линіи и въ окраинныхъ московскихъ городахъ, для охраненія юго-восточныхъ границъ московскаго государства отъ непріятелей. „Всѣмъ имъ, говоритъ тотъ-же авторъ „Курса гражданскаго права", раздавались на *помѣстномъ правѣ отдѣльными участками на каждаго человѣка особо земли,* на которыхъ они селились отдѣльными дворами въ слободы; раздача этихъ помѣстныхъ земель опредѣлялась *четвертями* (около $1^1/_2$ десятины), откуда эти земли получили названіе *четвертныхъ земель.* Къ этимъ четвертнымъ землямъ принадлежали: 1) данныя однодворцамъ отъ правительства для первоначальнаго поселенія и для исправленія службы въ помѣстье прежде 1724 года, т. е. прежде обращенія ихъ въ подушный окладъ, 2) заселенныя самими однодворцами изъ дикопорожнихъ земель и во время межеванія утвержденныя за ними въ указную пропорцію на душу и 3) купленныя цѣлою волостью или селеніемъ у помѣщиковъ съ правомъ собственности. *Владѣніе этого рода называлось помѣстнымъ, потому что первоначально земли розданы были служилымъ людямъ въ помѣстье, для исправленія государственной службы.* Въ послѣднее время стали называть *четвертными* отъ слова четверть (уже объясненная выше поземельная мѣра—полторы десятины). Отсюда *четвертное право* землевладѣнія [1]).

Въ классъ однодворцевъ поступали также обѣднѣвшія и ставшія мелкопомѣстными дворянскія фамиліи; а при Петрѣ I даже дворяне, имѣвшіе иногда по 100 и 200 дворовъ своихъ собственныхъ крестьянъ, избѣгая крутыхъ мѣропріятій энергическаго реформатора, тоже записывались въ однодворцы. Когда, при введеніи Петромъ I регулярнаго войска и замѣны имъ прежнихъ служилыхъ людей московскаго государства, права дворянства стали получаться на извѣстныхъ условіяхъ въ связи съ регулярной военной службой, многіе „украинскіе служилые люди" (т. е. пограничное съ Слободской Украйной московское военное населеніе) не захотѣли, или не могли подчиниться этимъ новымъ военнымъ порядкамъ и вслѣдствіе этого большая часть такъ называемыхъ однодворцевъ не вошла въ дво-

---

[1]) См. IX т. зак. о сост., изд. 1855 г. ст., 755, 756, 671, 672, 673 и 676. Судебный Вѣстникъ 1870 г., № 352, «о четвертныхъ земляхъ».

рянское сословіе, *а въ 1724 г. всѣ однодворцы, не поступившіе въ регулярную военную службу, были причислены къ государственнымъ крестьянамъ.* Такимъ образомъ механическое начало циркулярныхъ мѣропріятій, обусловленное отсутствіемъ въ это время уже всякой автономіи областей въ предѣлахъ бывшаго московскаго государства, за исключеніемъ развѣ доживавшей свой вѣкъ гетманщины, вызвало и въ быту однодворцевъ такіе странные факты, какъ нарожденіе новой массы государственныхъ крестьянъ изъ разжалованныхъ, такъ сказать, однодворцевъ, которые сами владѣли крѣпостными крестьянами; но, располагая своими крѣпостными людьми по всему произволу нигдѣ точно неоговореннаго въ законахъ крѣпостнаго права, они въ то-же время сами не имѣли полнаго права на свои помѣстныя земли, ибо, въ интересахъ охраненія поземельнаго фонда бывшаго военнаго служилаго сословія московскаго государства, однодворцы имѣли право мѣны, продажи, залога и другихъ гражданскихъ сдѣлокъ по своимъ землямъ только въ средѣ своего сословія—великорусскихъ „украинскихъ служилыхъ людей“. Въ этомъ случаѣ, если не допустить фискальной точки зрѣнія, то позволительно думать, что правительственная мѣра, упраздняя почти цѣлое сословіе, какъ военно-служилый классъ, вѣроятно только по недоразумѣнію оставила прежнія историческія условія его землевладѣнія, а именно его замкнутость въ классѣ только однодворцевъ, безъ всякаго измѣненія. Только въ 1714 году, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, прекратилась раздача помѣстій и помѣстное право уравнено было съ вотчиннымъ, т. е. всѣ прежнія ограниченія въ распоряженіи помѣстными землями должны были уничтожаться.

Хотя въ это время однодворцы уже были приравнены къ крестьянамъ (владѣя однако-же, какъ мы видѣли выше, сами крѣпостными людьми) и находились въ низшемъ сословіи сельскихъ обывателей; но, очевидно, по новому простому недоразумѣнію, можетъ быть, просто по недосмотру центральнаго правительства, и для нихъ также не было сдѣлано никакого исключенія въ наставшей теперь полной свободѣ распоряженія бывшими помѣстными землями, хотя въ это-же время оставался въ полной силѣ общій порядокъ, „по которому сельскіе обыватели низшихъ сословій не могли располагать землями въ уѣздѣ на полномъ правѣ собственности“. Только черезъ 13-ть лѣтъ послѣ этого недоразумѣнія, именно въ 1727 г.,

послѣдовалъ *запретительный указъ* объ ограниченіи поземельныхъ правъ однодворцевъ, наравнѣ съ остальной массой низшихъ сословій сельскихъ обывателей; но въ это промежуточное время 13-ти лѣтъ и даже гораздо позднѣе, почти до изданія межевой инструкціи 1766 г., однодворцы распродали массу своихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель лицамъ другихъ мѣстностей и разныхъ сословій. Всѣ эти обстоятельства и множество другихъ, каковы: дробленіе личнаго владѣнія по наслѣдству, выходъ многихъ однодворцевъ въ дворяне съ особенными правами на землю, завлекавшее многихъ переселенцевъ и покупщиковъ плодородіе земли на сѣверныхъ предѣлахъ Слобожанщины и тому подобное,—*при отсутствіи мѣстныхъ и общедоступныхъ межевыхъ и спеціальныхъ учрежденій,* которыя по мѣрѣ надобности могли-бы регистрировать и регулировать естественное непрерывное движеніе и перемѣны мелкаго поземельнаго владѣнія, были причиною какъ чрезвычайной чрезполосицы однодворческихъ дачъ, такъ и развивавшагося у владѣльцевъ этихъ дачъ духа жалобъ и сутяжничества.

Уже изъ этого бѣглаго обзора исторіи чрезполосныхъ земель однодворцевъ можно видѣть тѣ особенности этого землевладѣнія, которыя во многомъ сближали его съ старозаимочнымъ земельнымъ порядкомъ въ Слободской Малороссіи.

Такъ прежде всего, не смотря на различное происхожденіе (какъ будетъ сказано еще ниже) этихъ двухъ категорій землевладѣнія, *въ томъ и другомъ имѣло мѣсто начало личнаго и наслѣдственнаго владѣнія*. Въ бывшемъ военномъ сословіи великорусскихъ украинскихъ людей этотъ фактъ можетъ быть объясняемъ личнымъ составомъ этого класса, который во всякомъ случаѣ представлялъ уже сравнительно высшіе слои народной великорусской массы и даже иногда владѣлъ ею, какъ видѣли выше, на крѣпостномъ правѣ. Мы уже говорили, что самая раздача земель этому сословію на помѣстномъ правѣ, т. е. съ условіемъ обязательной военной службы и съ тѣми ограниченіями въ распоряженіи этой землей, которыя имѣли въ виду задержаніе этихъ земель въ одномъ только классѣ служилыхъ военныхъ людей,—производилась *„на каждаго человѣка особо“*. Обращеніе этого класса мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ въ сословіе крестьянъ не во имя какихъ либо высшихъ принциповъ соціальной правды, а просто въ интересахъ безличной ни-

велировки для болѣе удобнаго взысканія податей и упрощенія государственнаго механизма, было во всякомъ случаѣ *приниженіемъ личности*, что, въ связи съ полной неопредѣленностью юридической и матеріальной стороны землевладѣнія и съ падавшими иногда внезапно крутыми, а порою даже взаимно противорѣчивыми, или физически неисполнимыми, какъ увидимъ ниже, мѣропріятіями, не могло не сказаться упадкомъ матеріальной и даже нравственной стороны населенія; а все это вмѣстѣ естественно должно было повлечь за собою неизбѣжный *регрессъ провинціальной жизни*. И этотъ регрессъ, какъ можно фактически прослѣдить даже въ бѣгломъ обзорѣ исторіи провинціальнаго землевладѣнія, шелъ почти рука объ руку съ тѣмъ исключительнымъ положеніемъ центральной власти, которое неизбѣжно должно было усилиться одностороние-систематическими мѣропріятіями державнаго реформатора начала прошлаго вѣка. Уже одна замѣна земскаго ополченія древней Руси регулярнымъ войскомъ сразу освобождала центральную власть отъ всякой необходимости въ чемъ-либо считаться съ тѣми или другими условіями сперва великорусскихъ областей, а впослѣдствіи и всѣхъ другихъ провинцій. Послѣдующую судьбу однодворческаго землевладѣнія мы изложимъ въ немногихъ словахъ. Вмѣсто прежняго порядка военной службы великорусскихъ украинскихъ людей, они съ 1713 г. стали комплектовать собой *ландмилицкіе полки* московской украинской линіи и для обезпеченія этого комплектованія, а также для устраненія „всякаго помѣшательства въ платежѣ подушныхъ денегъ“ (т. е. ради военныхъ и фискальныхъ цѣлей) и возникло уже упомянутое нами выше ограниченіе поземельныхъ правъ однодворцевъ въ 1727 г. Впослѣдствіи различныя аграрныя мѣропріятія съ фискальными цѣлями мотивировались „устройствомъ хозяйственнаго быта“ и даже „улучшеніемъ“ быта; но пріемы и основные мотивы оставались тѣ-же. По межевой инструкціи 1754 г., въ интересахъ имущественнаго равенства и единообразія (опять ради фискальныхъ удобствъ) было предложено всѣхъ ландмиліціонеровъ надѣлить землей по 30 десят. на дворъ (изъ четырехъ человѣкъ), а потомъ уже и по 15 десят. на душу; но это благое начинаніе, по видимому, совершенно не осуществилось, ибо въ большинствѣ мѣстностей бывшей ландмилиціи (великорусская украинская ландмилиція существовала до 1769 г.) далеко не оказалось земли въ потребномъ для такого надѣла количествѣ.

1766 годъ представляетъ собою особенно важный моментъ въ исторіи четвертныхъ земель, такъ какъ въ это время произошло окончательное стѣсненіе правъ четвертнаго владѣнія. *Въ межевой инструкціи* этого года вся XIX ея глава посвящена однодворческимъ или помѣстнымъ землямъ, которыя въ это время были уже окончательно признаны казенными, а однодворцамъ была запрещена не только продажа своихъ четвертныхъ земель, но даже и покупка новыхъ. Пунктомъ 1-мъ упомянутой выше XIX главы межевой инструкціи 1766 г. велѣно: „всѣ состоящія за однодворцами (и другими служилыми людьми) земли утверждать по всякимъ укрѣпленіямъ *не каждому въ порозь, а вообще всему селенію* особо отъ другихъ"; пунктомъ 2-мъ: *„перешедшимъ въ мѣщанство и купечество земель въ однодворческой дачѣ не намѣривать";* пунктомъ 19-мъ: „послѣ умершихъ однодворцевъ, оставшихся земель ихъ женамъ и дочерямъ ихъ, какъ наслѣдникамъ, на части не дѣлить и въ приданое за дочерьми, вышедшими замужъ за людей другаго званія и за однодворцевъ въ другія селенія, не отдавать, но оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ примежованы". Пунктъ 20-й гласилъ: „если послѣ однодворца сыновей не останется, а дочери, и онѣ выйдутъ замужъ за однодворцевъ-же въ другія селенія, то оставшуюся землю отдавать поженившимся тогда лишь, когда мужъ согласится перейти на участокъ тестя, отъ своей-же земли отречется въ пользу другихъ того селенія жителей". Пункты 19 и 20 вошли въ сводъ законовъ и образовали 672 и 673 ст. IX т. зак. о сост., изд. 1857 г. Такимъ образомъ: „генеральное межеваніе ограничило помѣстную землю однодворцевъ такъ, что она не можетъ отдѣлиться отъ селенія и вѣчно должна обращаться между односельцами. Значитъ, ни купецъ, ни мѣщанинъ, ни даже однодворецъ другаго селенія, хотя-бы они были и законные сыновья однодворца, ни дочь его, вышедшая замужъ въ другое селеніе, ни жена его послѣ смерти не наслѣдуютъ. Однимъ словомъ, не принадлежащій къ обществу не наслѣдникъ въ четвертной землѣ, а равно вдова умершаго" [1]).

Наконецъ черезъ 110 лѣтъ послѣ межевой инструкціи, закономъ 1866 и 1867 годовъ и главнымъ образомъ введеніемъ *владѣн-*

[1]) Судебный Вѣстникъ 1870 г. № 352 «о четвертныхъ земляхъ».

ныхъ записей, все таки съ неизмѣнной цѣлью „улучшенія быта“, положенъ былъ рѣшительный конецъ своеобразному положенію однодворческаго землевладѣнія, которое и слилось съ этого времени съ общей массой безличнаго крестьянскаго владѣнія, съ почти полной для внѣшняго міра неизвѣстностью всего, что съ этого времени происходило и происходитъ въ предѣлахъ всѣхъ этихъ общинныхъ крестьянскихъ дачъ, гдѣ въ интересахъ фиска не требовалось никакой внутренней регистраціи земель по лицамъ и дворамъ, а все дѣло ограничивалось только записью земель „не каждому порознь, а вообще всему селенію, особо отъ другихъ“. Въ настоящее время, насколько намъ извѣстно по частнымъ свѣдѣніямъ, во многихъ однодворческихъ дачахъ осталось только преданіе о бывшемъ когда-то личномъ, участковомъ владѣніи: теперь эти дачи уже volens-nolens подчинились общинному порядку.

Изъ этого краткаго обзора судьбы однодворческихъ земель не трудно понять, почему съ внѣшней стороны нерѣдко крайняя, нигдѣ точно и постоянно не региструемая *чрезполосица* частнаго и общиннаго владѣнія, а въ сферѣ сознанія крайнее затемнѣніе, если не полное упраздненіе въ населеніи понятій о собственности должны были съ теченіемъ времени выработаться въ наличные господствующіе факты жизни. Такое аграрное положеніе должно было представлять собою отрицаніе какъ индивидуальнаго, такъ и общиннаго владѣнія и выражало собою развѣ только одинъ принципъ *полной случайности*, а слѣдовательно и отсутствіе всякой органичности и условій дальнѣйшаго саморазвитія. Такимъ образомъ постепенно, но почти непрерывно провинціальная жизнь все болѣе и болѣе теряла начало самоопредѣленія даже въ тѣсной домашней сферѣ имущественныхъ отношеній.

Вышеизложенный краткій очеркъ исторіи однодворческихъ земель даетъ намъ возможность намѣтить одну, какъ намъ кажется, весьма важную особенность этой исторіи: личное поземельное владѣніе было первоначально, по крайней мѣрѣ, замѣтнымъ фактомъ и среди великорусскаго военнаго населенія московской украинской линіи; превращеніе-же этого личнаго, индивидуальнаго землевладѣнія въ общинное совершилось не изъ „нѣдръ народнаго духа“, а по внѣшнимъ, почти механическимъ условіямъ, на глазахъ еще недавней исторіи. Подробности процесса этого превращенія могутъ

быть отчасти поняты и изъ послѣдующей исторіи старозаимки. Нивелирующія и фискальныя реформы, съ начала прошлаго вѣка, остановили дальнѣйшее естественнее развитіе личнаго начала въ землевладѣніи однодворцевъ и сами по себѣ не дали, или не могли дать ему, безъ тяжелой и продолжительной ломки, органическаго общиннаго устройства; внутреннее-же положеніе дачъ, за отсутствіемъ мѣстнаго межеваго вѣдомства и необходимой при мелкомъ личномъ землевладѣніи полной децентрализаціи межевыхъ учрежденій, оставалось безъ выясненія и точной регистраціи. Отсюда сначала хаотическая чрезполосица однодворческихъ земель въ предѣлахъ одной и той-же дачи, а потомъ чрезполосица ихъ съ владѣніемъ другихъ сословій и юридическая и фактическая неопредѣленность однодворческаго землевладѣнія. Все это неизбѣжно отразилось и на самомъ характерѣ населенія: „между однодворцами и помѣщиками завелось, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, великое множество судныхъ дѣлъ о завладѣніяхъ и обидахъ, и развилась вредная привычка къ жалобамъ и сутяжничеству“ [1]). Но тутъ всякому понятно, что какъ индивидуализмъ землевладѣнія не былъ чуждъ великорусскому элементу, также точно и страсть сутяжничества не была характерной чертой однихъ малороссовъ, а вызывалась и поддерживалась довольно конкретными причинами.

Такъ какъ реформаторская дѣятельность сперва московскаго, а потомъ русскаго правительства прежде всего географически и по ходу исторіи имѣла въ виду однодворческія земли, а потомъ уже принялась за старозаимочное владѣніе; то, какъ увидимъ ниже, многія правительственныя мѣры и законы, обусловленные исторіей и характеромъ четвертнаго землевладѣнія, стали потомъ всецѣло примѣняться и къ землевладѣнію войсковыхъ обывателей слободско-украинской губерніи; такъ, напримѣръ, генеральное межеваніе въ этой губерніи опредѣлило только внѣшнія границы даже и старозаимочныхъ дачъ, а внутри этихъ дачъ опредѣлялись только земли другихъ сословій, кромѣ войсковыхъ обывателей; фактическое и даже документальное личное владѣніе этихъ послѣднихъ и въ настоящее время остается безъ всякой съемки и формальнаго опредѣленія. Впрочемъ межеваніе земель не по владѣльцамъ, а по селеніямъ

---

[1]) См. его «Курсъ гражд. права», стр. 499.

могло вызываться, помимо недостатка мѣстныхъ межевыхъ средствъ и учрежденій, еще и физической невозможностію для центральнаго правительства угоняться, такъ сказать, за постояннымъ измѣненіемъ и метаморфозами въ микрокосмѣ жизни обширныхъ провинцій: извѣстно, что земли козаковъ черниговской губерніи, „составляющія частную отдѣльную собственность каждаго изъ нихъ, еще и въ 1838 г. не были приводимы въ извѣстность никакимъ измѣреніемъ", и владѣльцы этихъ земель опредѣляли ихъ величину, такъ сказать, допотопнымъ способомъ: количествомъ времени, потребнаго для обработки, или-же количествомъ высѣваемаго зерна [1]).

Кромѣ сказаннаго объ однодворческихъ земляхъ, многія спеціальныя мѣры, какъ напримѣръ указы Петра и его пріемниковъ о воспрещеніи или разрѣшеніи пріобрѣтать земли однодворцамъ (указы 1724, 1727, 1801 г.), стали въ позднѣйшія времена примѣняться и къ старозаимочнымъ землямъ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго нашего изложенія. Ошибки и недоразумѣнія позднѣйшей областной администраціи слободско-украинской губерніи, можетъ быть вызывались и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по причинамъ, угадывать которыя мы не беремся, спеціальная инструкція Екатерины II для размежеванія слободскихъ полковъ видимо осталась безъ примѣненія къ дѣлу, и позднѣйшія административныя мѣропріятія относительно старозаимочныхъ земель чаще всего ссылаются на межевыя инструкціи 1754 и 1766 годовъ, имѣвшія главнымъ образомъ въ виду условіе и положеніе однодворческаго землевладѣнія.

Теперь возвращаемся снова къ главному предмету нашей статьи—исторіи старозаимочнаго поземельнаго владѣнія Слободской Украйны. Однодворческое землевладѣніе, и помимо внѣшнихъ мѣръ, могло заключать въ себѣ начала внутренняго разложенія и механическаго превращенія въ общинные порядки. Размноженіе потомства перводачниковъ и владѣніе со стороны нѣкоторыхъ однодворцевъ крѣпостными людьми естественно порождало въ ихъ средѣ классъ безземельныхъ, которые, при безуспѣшности по тѣмъ или другимъ причинамъ личной энергіи въ дѣлѣ пріобрѣтенія жизненныхъ средствъ, естественно должны были тяготѣть къ коммунальнымъ аграрнымъ порядкамъ. При такихъ условіяхъ безземельный

---

[1]) Земскій Сборникъ черниговской губерніи 1877 г., № 5—8.

и даже малоземельный сельскій пролетаріатъ, особенно при отсутствіи городскихъ промысловъ, естественно долженъ былъ идти на встрѣчу всѣмъ нивелирующимъ мѣрамъ власти въ гражданской сферѣ жизни. Легкость усвоенія этого міровоззрѣнія, во всякомъ случаѣ парализующаго, при отечественныхъ культурныхъ условіяхъ, начало личности и личной энергіи можетъ быть повлекла за собой и тотъ недостатокъ нравственныхъ началъ, который уже неоднократно замѣчался въ основѣ этого коммунальнаго міровоззрѣнія нашихъ крестьянскихъ массъ: скудный земельный надѣлъ въ общинѣ, правда, обезпечивалъ его бѣдное физическое существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ и предѣлъ дальнѣйшему личному преуспѣянію и предпріимчивости. Кромѣ того различіе самыхъ основныхъ принциповъ въ землевладѣніи высшихъ классовъ населенія и массы народа (мы разумѣемъ индивидуальную собственность первыхъ и общинное пользованіе землей послѣдними), принциповъ, порожденныхъ даже различными внѣшними причинами, не могло не развивать мало-по-малу той нравственной и матеріальной розни между этими классами, которая въ наше время уже обычно называется *пропастью* и давно тяжело задушиваетъ всѣхъ искреннихъ сторонниковъ мирнаго развитія. На этой недоговоренной мысли мы и оставляемъ затронутый нами трудный абстрактный вопросъ о культурномъ значеніи различныхъ принциповъ землевладѣнія при различныхъ общихъ политическихъ условіяхъ. Конечно, теперь безплодно сожалѣть о томъ, что наша исторія большею частію механически и прямолинейно регламентировала жизнь даже въ тѣхъ ея важнѣйшихъ моментахъ, когда она должна была формироваться постепенно, путемъ осторожнаго самоопредѣленія и только подъ умѣряющимъ и регулирующимъ вліяніемъ государства, какъ естественнаго представителя общаго интереса.

---

3) Перепись слободскихъ полковъ 1726 года.

(Административная организація и характеръ поземельнаго владѣнія въ ахтырскомъ полку).

Въ числѣ матеріаловъ у насъ имѣется рукописная книга 1726 г., которую можно назвать *Статистическимъ описаніемъ* ко-

зачьяго населенія ахтырскаго полка. Изъ содержанія этой книги видны и причины, вызвавшія ея составленіе, и самый ходъ онаго.

Въ концѣ 1725 или началѣ 1726 г., какъ видно изъ помѣщеннаго въ этой книгѣ указа канцеляріи бѣлгородской провинціи ахтырскому полковнику Лесевицкому, рѣшеніемъ „верховнаго тайнаго совѣта и приговоромъ высокаго сената велѣно было“ *слободскіе полки вѣдать въ военной коллегіи* и учинить въ нихъ компанейцовъ *по прежнему*, по разсмотрѣнію той коллегіи, и для того *тѣхъ полковъ жителей переписать*, кому о томъ коллегіей опредѣлено будетъ, а сербовъ, которые пристали въ службу ея... величества и обрѣтаются въ командѣ кіевскаго генералъ-губернатора, тѣхъ росписать къ тѣмъ компанейщикамъ; тако-жъ буде въ тѣхъже слободскихъ полкахъ будутъ обрѣтаться какіе люди военной службы, тѣмъ безъ изъятія всѣмъ вѣдомымъ (быть) въ той-же военной коллегіи“...

Полковникомъ ахтырскаго слободскаго полка былъ въ то время Лесевицкій; отъ него, какъ конечно и отъ другихъ полковниковъ по ихъ полкамъ, предписаніемъ генералъ-фельдмаршала и полковника лейбъ-гвардіи семеновскаго полка князя Михаила Михайловича Голицына, затребована была „вѣдомость, въ самой скорости“, о составѣ всего населенія ахтырскаго полка: „о старшинѣ, сотникахъ, подпрапорныхъ, о козакахъ кумпанейцахъ и подмощникахъ и прочихъ служителяхъ и какіе военной службы люди обрѣтаются, не выключая никого, и тѣ компанейцы *съ своихъ-ли грунтовъ служатъ*, или имѣютъ подмощниковъ, и по скольку, и тѣ подмощники имъ подмогаютъ по вся-ль годы, и чѣмъ—деньгами или хлѣбомъ, тако-жъ и бобылей отъ каждой сотни отписать именно, подъ лишеніемъ не токмо чести, и живота“. Предписаніе заканчивается угрозой, что если эта вѣдомость окажется неправильной, то такая неправильность (т. е. главнымъ образомъ укрывательство) взыщется на самомъ полковникѣ Лесевицкомъ. Распоряженіе это, помѣченное 14 мая 1726 г., дано было княземъ Голицынымъ изъ его походной канцеляріи, бывшей въ то время въ Острогожскѣ.

Угроза предписанія побуждала Лесевицкаго къ точному его выполненію и вызвала въ приказѣ отъ него по сотнямъ его полка такое замѣчаніе: „да было-бы у писара вашего, когда зъ оною вѣдомостію въ Ахтырку пріездитиметь, зо свого чистого паперу либеръ

по двѣ въ запасъ, для переписки, ежели неправно что покажется"... Въ одинъ мѣсяцъ были собраны всѣ эти свѣдѣнія и отвѣтное доношеніе полковника Лесевицкаго послано по командѣ 16 іюня 1726 года. Но, не смотря на приведенное сейчасъ предостереженіе на счетъ „двухъ либеръ чистаго паперу", полковникъ сомнѣвался, кажется, въ вѣрности переписи и заканчивалъ свое доношеніе такимъ объясненіемъ: „....и во извѣстіе спокорнѣйше вашему сіятельству доношу, яко по посланнымъ вѣдомостямъ обыватели въ единомъ состояніи (т. е. какъ показано въ вѣдомостяхъ) и чрезъ малое время фундаментальнымъ житіемъ быть не могутъ, *понеже по своему черкаскому обыкновенію никогда въ однихъ домехъ не поживутъ, но переходятъ съ мѣста на мѣсто, куда хто похочетъ*, и оттого при полку бываетъ временемъ въ обывателяхъ прибель, а временемъ убель".

Произведенная теперь общая перепись слободскихъ полковъ даетъ намъ не только понятіе о характерѣ службы козаковъ, административномъ устройствѣ въ это время ахтырскаго, а слѣд. и другихъ полковъ, численности населенія полка ахтырскаго, внутреннихъ соотношеніяхъ составныхъ его частей и его территоріи, но и нѣкоторыя данныя относительно характера и организаціи землевладѣнія въ военномъ населеніи этого полка.

Въ эпоху переписи 1726 г. границы ахтырскаго полка заключали въ себѣ большую часть теперешняго ахтырскаго уѣзда (за исключеніемъ сѣверной его части), небольшую часть лебединскаго, почти весь теперешній богодуховскій уѣздъ и небольшую юго-западную часть валковскаго уѣзда. Это пространство полка опредѣляетъ намъ, какъ великъ былъ районъ козацкаго землевладѣнія въ этомъ полку. Полкъ въ это время заключалъ въ себѣ 20 сотенъ, при чемъ полковой городъ Ахтырка состоялъ изъ двухъ сотенъ; города или мѣстечки этого-же полка—Боромля и Котельва заключали въ себѣ также по двѣ сотни. Именная перепись населенія 1726 года совершенно не коснулась класса духовенства, и о немъ упоминается только мимоходомъ, при перечисленіи класса „сусідъ", которые вездѣ показаны живущими на чужихъ „подворкахъ".

Итогъ этой переписи ахтырскаго полка далъ слѣдующія цифры:

Полковникъ	1
Полковой старшины (обозный, асаулъ, судья, ротмистръ, три полковыхъ писаря и два хорунжихъ)	9

Полковыхъ пушкарей	8
Прочихъ служителей (въ этомъ числѣ 3 канцелярскихъ писаря, 1 подъ-асаульный, 1 литаврщикъ, 1 сурмачъ, 4 трубача и 5 „полевыхъ сторожей", которые учреждены „для посылки съ почтовыми письмами") . . .	23
Ахтырскихъ полковыхъ сотниковъ	2
Въ Ахтыркѣ городовой службы мѣщанъ и купеческихъ людей	78
Городовыхъ сотниковъ	15
Подпрапорныхъ	42
Городовыхъ и сельскихъ атамановъ.	24
Сотенныхъ писарей	12
Сотенныхъ хорунжихъ	11
Выборныхъ козаковъ-компанейцовъ	1222
Ихъ подмогчиковъ или спомогателей	5510
„За подмогою самыхъ скудныхъ и въ подмогу негодныхъ".	286
„Сусідъ", которые жили на чужихъ подворкахъ, преимущественно у старшины; сотниковъ, духовенства и болѣе богатыхъ козаковъ, или ихъ подмогчиковъ	402
Городовыхъ и сотенныхъ „услужниковъ" (низшій разрядъ которыхъ назывался, кажется, асаульці, а къ высшему принадлежали провіантовые зборщики)	65
Итого всѣхъ „чиновъ" военной службы ахтырскаго полка .	1359
Подмогчиковъ и посполитыхъ	6.341
Всего населенія по означеннымъ разрядамъ	7.700

Въ итогѣ „чиновъ" пропущено 87, вѣроятно 78 мѣщанъ и 9 служителей; кромѣ того въ перепись не вошли находившіеся въ это время въ гилянскомъ походѣ 3 сотника съ 250 козаками, въ бахмутскомъ конвоѣ 40 человѣкъ, въ Изюмѣ „въ надсмотрѣніи лѣсовъ" при Донцѣ и по другихъ мѣстахъ 11 человѣкъ, и при Коломакѣ на форпостѣ съ перемѣною одинъ сотникъ съ сотней козаковъ, а всего изъ ахтырскаго полка было въ отлучкѣ въ это время на военной и полицейской службѣ 404 человѣка.

Эта-же „именная опись" 1726 года заключаетъ въ себѣ хотя общія, но весьма цѣнныя объясненія и замѣтки о служебныхъ обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ вышеназванныхъ отдѣловъ

населенія. Въ концѣ описи каждой сотни находится приписка, дающая понятіе о служебныхъ обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ перечисленныхъ въ описи отдѣловъ населенія. Она вездѣ почти одна и таже и гласитъ такъ: „а вишеписанніе подможчики (или подмогчики) мнѣ, сотнику, и подпрапорнымъ (если такіе есть въ сотнѣ) и выборнымъ козакамъ-компанейцамъ, съ примѣру противъ другихъ полку ахтырскаго старшины, опредѣлены по отпискѣ въ бытность еще въ Бѣлгородѣ боярина и воеводы князя Якова Федоровича Долгорукова, а разсмотрѣніемъ бывшаго ахтырскаго полковника Ивана Перекрестова и бывшаго въ ахтырскомъ-же полку бригадира Федора Осипова, когда въ слободскихъ полкахъ велѣно выбрать компанейцовъ и дать имъ подмогчиковъ, кои за выборомъ компанейцовъ останутся изъ посполиства, для пополненія службы въ тотъ образъ оные сотницкіе подможчики вмѣсто денежной и провіантовой подмоги, для пополненія ея императорскаго величества службы, чинять ему вспоможеніе повозкою сѣна и дровъ безъ отягощенія; да съ нихъ-же подможчиковъ беремъ за собою у военный походъ погонщиками на свои возки; а виборнихъ козаковъ компанейцовъ ихъ вспомагатели (подмогчики) спомагають по своему обыкновенію и по возможности провіантомъ и деньгами для покупки лошадей и ружья и на протчіи всякіе потребства, временно, а повсягодно токмо въ ту пору, когда бывають козаки на службѣ ея императорскаго величества въ дальнихъ походѣхъ; да тѣжъ наши вспомогатели и, кромѣ той подмоги, армейскіе полки провіантомъ и фуражемъ суспентують всѣ врядъ безобиходно—подводы возятъ и прочие въ интересахъ ея императорскаго величества и полковие должности отбувають; да изъ нихъ-же, подможчиковъ, на убылое мѣсто хто изъ служащихъ козаковъ компанейцовъ *оскудњетъ*, или сомретъ, всегда опредѣляются въ тѣ-жъ служащіе козаки-компанейцы, дабы указный козацкій компутъ непремѣнно содержался въ въ цѣлости“.

Отмѣтимъ въ этой припискѣ слѣдующіе факты:

1) Еще до переписи слободскихъ полковъ 1726 г. была произведена въ нихъ какая-то важная реформа, за время бѣлгородскаго воеводы, князя Якова Федоровича Долгорукова, состоявшая, какъ можно догадываться, въ введеніи въ козачьемъ населеніи набора козаковъ и постоянной личной службы, въ противуположность ко-

ренному козачьему обычаю вольной службы и замѣны одного члена семьи другимъ и даже постороннимъ наемщикомъ.

2) Послѣдствіемъ этой реформы было раздѣленіе козачьяго населенія на людей служилыхъ и ихъ подмогчиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упраздненіе, какъ думать можно, класса посполитыхъ, ибо все малорусское населеніе, по крайней мѣрѣ, ахтырскаго полка, за выборомъ установленнаго числа козаковъ-компанейцовъ, было записано въ классъ подмогчиковъ для всѣхъ чиновъ козацкой службы.

3) Козацкіе подмогчики не только содержали своихъ выборныхъ козаковъ деньгами и натурою и замѣщали собою всѣ убылыя козацкія мѣста, но давали еще и на армейскіе полки „провіантъ и фуражъ“, а также, какъ офиціально глухо сказано въ припискѣ, „и прочіе полковыя должности отбуваютъ“.

4) Хотя эти повинности, какъ говорится въ доношеніи, совершались „безъ отягощенія“, но этому вѣрить трудно какъ потому, что они не были опредѣлены, да врядъ-ли и могли быть опредѣлены, такъ и потому, что во всякомъ случаѣ это были двойныя и совершенно разнородныя повинности предъ двумя начальствами: своей козацкой старшиной и вѣдомствомъ армейскихъ полковъ. Можетъ быть это непосильное бремя и было причиною того „черкасскаго обыкновенія, что обыватели не жили фундаментально никогда въ однихъ домахъ, но переходили съ мѣста на мѣсто“, какъ доносилъ полк. Лесевицкій.

Центромъ козачьяго управленія ахтырскаго полка была ахтырская *полковая канцелярія*, и кромѣ того въ Ахтыркѣ была въ это время и *полковая ратуша*, которая, нужно думать, вѣдала купцовъ и мѣщанъ. Въ нашей именной описи 1726 г. рубрика этого класса населенія названа: „вѣдомость городовой службы мѣщанамъ, которые стоятъ въ казни (?) на караулѣ“; въ этой рубрикѣ показаны городничій (Логвинъ Ивановъ), 12 пушкарей все великорусскихъ фамилій, 9 цѣловальниковъ—тоже великороссовъ; „рядовыхъ мѣщанъ“ въ самой Ахтыркѣ показано 32 человѣка, въ сотенномъ мѣстечкѣ Кириковкѣ 9 человѣкъ, въ селѣ Рабынѣ тоже 9. Мѣщане, какъ видно, вѣдались городничимъ; кромѣ того въ Ахтыркѣ въ 1727 г. показано 6 купцовъ, о которыхъ сказано: „ахтырскіе жители купеческіе люди, которыя въ ея императорскаго величества и въ полковыхъ интересахъ надлежащія повинности врядъ

съ другими отбувають, а въ командѣ вѣдомы въ ахтырской полковой ратушѣ".

Ахтырскій полкъ въ 1726 г. состоялъ изъ 20 сотень и еще двухъ козачьихъ поселеній: Жигайловки и Хухры, которыя въ описи 1726 г. почему-то остались прямо непричисленными къ сотнямъ. Въ переписи каждой сотни населеніе исчислено по тѣмъ-же разрядамъ, какіе мы видѣли выше въ общей вѣдомости; вездѣ оно дѣлится на два главные класса: „выборныхъ козаковъ-компанейцовъ" и ихъ *подможчиковъ* или *спомогателей*; остальная, сравнительно незначительная часть населенія отнесена: 1) къ классу „самыхъ скудныхъ и въ подмогу негодныхъ", каковы были, по всей вѣроятности, одинокіе, или, по выраженію бѣлгородской администраціи, бобыли и 2) къ классу „сусідъ", которые жили на земляхъ и подворкахъ не только полковой и сотенной старшины и духовенства, но и у людей простаго козачьяго сословія и „обывателей", подъ которыми надо разумѣть мѣщанъ и купцовъ. Полковая старшина не вся жила въ Ахтыркѣ, а нѣкоторые жили въ сотенныхъ мѣстечкахъ, гдѣ, кромѣ сотниковъ, были еще и атаманы, нерѣдко называвшіеся городовыми атаманами. Число выборныхъ козаковъ-компанейцовъ по сотнямъ было крайне неравномѣрно: отъ 19—20 человѣкъ (въ сотняхъ алешанской, села Ямнаго и Высокопольской) до 98—103 человѣкъ (въ двухъ сотняхъ бывшаго города, нынѣ слободы Котельвы). Еще большее разнообразіе обнаруживается въ цифрахъ козачьихъ подпомощниковъ: при нѣкоторыхъ козакахъ (впрочемъ такихъ малый процентъ) не показано ни одного „спомогателя", а сдѣланы только краткія замѣтки: „служитъ зъ своего грунту"; но обыкновенно при каждомъ козакѣ показано среднимъ числомъ около 5-ти помощниковъ, при чемъ это число варьируется отъ 1 и 2 до 7 и 8 человѣкъ при выборныхъ козакахъ, а при полковой и сотенной старшинѣ число подмогчиковъ гораздо больше: такъ при сотникѣ 1-й ахтырской сотни показано 21 подмогчикъ, при сотникѣ 2-й ахтырской сотни 20 подмогчиковъ. Нѣкоторые полковые подпрапорные также показаны служащими съ своихъ грунтовъ.

Хотя въ нашей книгѣ описанія ахтырскаго полка (которую для краткости мы будемъ называть „компутовой книгой") и нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на характеръ землевладѣнія населенія этого

полка, но нѣкоторыя косвенныя указанія врядъ-ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что въ *предѣлахъ этого полка господствующимъ типомъ поземельнаго владѣнія было во всякомъ случаѣ необщинное владѣніе*. Эти косвенныя указанія мы отмѣтимъ по нѣсколькимъ сотнямъ этого полка.

Такъ въ обѣихъ ахтырскихъ сотняхъ въ числѣ козачьихъ „спомогателей" показано изрядное количество *вдовъ,* которыя, очевидно, по смерти своихъ мужей оставались во главѣ семьи и хозяйствъ, что всего скорѣе могло быть только при наслѣдственномъ характерѣ поземельнаго владѣнія; въ двухъ сотняхъ въ числѣ козачьихъ спомогателей показаны даже дѣвушки (дівки), очевидно, какъ единственныя наслѣдницы послѣ оставшихся родителей.

Порядочный % „скудныхъ и въ подмогу негодныхъ" (на весь ахтырскій полкъ ихъ показано 286) тоже подтверждаетъ ту мысль, что здѣсь не равнялось имущество ради внѣшнихъ, служилыхъ цѣлей, а напротивъ сама организація полка посильно принаравливалась къ данному положенію имущественной стороны населенія. Эти „скудные и въ подмогу негодные" видимо были все таки вольные, самостоятельные хозяева, хотя-бы въ предѣлахъ своего двора и хаты, ибо опись опредѣляетъ и цифру совершенно безземельныхъ— это вышеупомянутые „сусіды", которые жили на чужихъ земляхъ и, нужно думать, отбывали тѣ или другія добровольныя послуги въ пользу владѣльцовъ тѣхъ подворковъ или земель, на которыхъ они жили.

Но отсутствіе общиннаго владѣнія почти на всемъ пространствѣ ахтырскаго полка подтверждается и крайне разнообразнымъ числомъ козачьихъ *спомогателей,* что прямо указываетъ на полное разнообразіе имущественныхъ средствъ, т. е. поземельнаго владѣнія у населенія, а это разнообразіе отъ полнаго достатка, дававшаго средства служить „съ своего грунту", до совершеннаго безземелія могло быть опять таки при семейно-наслѣдственномъ характерѣ владѣнія землей, какъ единственномъ почти въ то время видѣ имущества. Это положеніе подтверждается краткимъ заключительнымъ объясненіемъ „компутовой книги", въ которомъ, между прочимъ, сказано: „...оные подмогчики старшинамъ по заслугамъ, инымъ по 20, а инымъ по 10, по 6 человѣкъ, а козакамъ-компанейцамъ по тому-жъ неровно, *по смотря по пожиткамъ—мочнѣйшихъ по 2,*

по 3, по 4, а худшихъ по 5, по 6, по 7, по 8 человѣкъ подмогчиковъ єдному компанейцу разверстани зъ дворового числа".

При сотняхъ были по 1—3 человѣка „услужники-асаульці", въ родѣ посыльныхъ для объявленія приказовъ, и „провіантовые комиссары" или сборщики. Послѣднихъ въ нѣкоторыхъ сотняхъ значится обыкновенно по одному и не больше двухъ, а въ другихъ совсѣмъ нѣтъ. Наконецъ въ одной сотнѣ г. Боромли показанъ одинъ „сусідъ", живущій „за шевскимъ цехмистромъ". Это случайно оброненное слово указываетъ на существованіе въ городахъ Слободской Украйны, на ряду съ военно-козачею организаціею, и практиковавшагося издавна во всей южной Россіи цеховаго устройства и управленія въ городскомъ не служиломъ населеніи.

Въ „компутовой книгѣ" находимъ рядъ указаній на существованіе особаго рода отношеній козачьяго слободско-украинскаго населенія къ его полковой старшинѣ, выражавшихся назначеніемъ или отдачей кому либо изъ членовъ полковой старшины „въ курінь" цѣлой деревни съ поселенными въ ней козаками и ихъ подмогчиками „для военнаго похода". Не подлежитъ сомнѣнію, что то не было только военно-административное подчиненіе, но что тѣ-же обязанности вспоможенія натурою, какія лежали на подмогчикахъ въ отношеніи къ простымъ козакамъ, переносились на тѣхъ и другихъ по отношенію къ членамъ полковой старшины. Къ сожалѣнію, въ „компутовой книгѣ" мы не находимъ не только опредѣленнаго, но даже общаго указанія на родъ и размѣры этихъ повинностей, усиливавшихъ, конечно, экономическую тягость, но не нарушавшихъ общаго строя и порядка козачьяго землевладѣнія. Мы узнаемъ только изъ нѣсколькихъ фактовъ, которые сейчасъ укажемъ, что отдача селъ и деревень „въ курінь" была явленіемъ общимъ, что она производилась не просто для цѣлей службы, но часто лишь подъ ихъ прикрытіемъ, какъ-бы въ награду заслугъ, и что потому численность населенія отдаваемыхъ „въ курінь" селъ и деревень соразмѣрялась съ рангомъ, а можетъ быть и заслугами извѣстнаго старшины. Такъ сельцо Бакировка кириковской сотни, по указанію „компутовой книги", „разсмотрѣніемъ и по данному универсалу отъ бывшаго ахтырскаго бригадира Федора Осипова полковому ахтырскому судьи Матвѣю Боярскому, противъ другихъ его братьи полковой старшины, зъ выборными козаками и ихъ подможчиками, опредѣлено

для военнаго похода въ *курѣнь,* о чемъ и въ бѣлогородской (провинціальной) канцеляріи извѣстно"; въ колонтаевской сотнѣ сельцо Любовка, по универсалу ахтырскаго бригадира Федора Осипова опредѣлена была „въ курѣнь" полковому ахтырскому обозному; деревня Млинки, котелевской сотни, была, по универсалу того-же Осипова, опредѣлена „въ курѣнь" полковому писарю для военнаго походу, съ выборными козаками и посполитыми; въ той-же котелевской сотнѣ село Деревки, „какъ въ бытность при Малороссіи бывало ви(ѣ)дѣніемъ гадяцкаго полку у полковниковъ для военной службы въ курѣнѣ, а съ того примѣру онымъ селомъ, когда мѣстечко Котельва указомъ опредѣлена къ ахтырскому полку, вѣдалъ за собою бывшій ахтырскій бригадиръ Осиповъ, такъ нынѣ по немъ бригадиру оного-жъ села служащіе козаки съ посполитыми имѣются для военнаго походу въ курѣнѣ ахтырскаго полковника Лесевицкаго".

Отъ этихъ неизвѣстныхъ намъ въ подробностяхъ повинностей, отъ этой служебной и вмѣстѣ экономической зависимости не далеко было до своего рода закрѣпощенія не только жившихъ въ сотняхъ людей посполитыхъ, но и служилыхъ козаковъ. Такъ о мураховской сотнѣ отмѣчено въ „компутовой книгѣ", что въ ней 1 сотникъ, 1 атаманъ и 70 козаковъ-компанейцовъ, которые всѣ служатъ *съ своихъ грунтовъ,* „понеже посполитые вси обыватели той сотни обрѣтаются указомъ кіево-губернской канцеляріи отъ прошлаго 1716 года и по нынѣ въ подданствѣ у волоского полковника Василія Танскаго". Нѣсколько раньше и вся эта сотня была въ подданствѣ Танскаго, ибо теперь о старшинѣ и козакахъ этой сотни въ той-же „компутовой книгѣ" говорится: „сотни мураховской старшина и выборные козаки-компанейцы... указомъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества съ канцеляріи бѣлогородской провинціи изъ подданства отъ волоского полковника Василія Танскаго выключены и по прежнему приверстаны въ службу ея императорскаго величества въ ахтырскій полкъ". Впрочемъ во всей переписи ахтырскаго полка это единственный фактъ „подданства", относимый нашимъ источникомъ къ 1716 году. Мы не знаемъ, какое измѣненіе въ характеръ землевладѣнія этой сотни могъ внести этотъ фактъ и былъ-ли онъ послѣдствіемъ корыстолюбія Танскаго, или простаго пожалованія.

Отмѣтимъ еще, что только въ двухъ сотняхъ м. Котельвы означены *посполитые*, во всѣхъ-же другихъ сотняхъ ахтырскаго полка значатся только подмогчики козаковъ; новая организація, какъ видно, еще не коснулась этихъ двухъ сотень, такъ какъ мѣстечко Котельва только въ 1709 году именнымъ указомъ Петра „отъ Малороссіи гадяцкаго полку въ ахтырскій полкъ *для смежности приверстана*". Посполитыхъ въ обоихъ котелевскихъ сотняхъ показано 129 человѣкъ, по всей вѣроятности главъ семействъ, ибо между ними есть и вдовы.

Каплуновская сотня, кажется, также не избѣгла на нѣкоторое время подданства, въ какомъ была и сотня мураховская. Повидимому, она вся состояла изъ „отписныхъ перекрестовскихъ селъ", несомнѣнно бывшихъ въ подданствѣ у б. ахтырскаго полковника Перекрестова и отобранныхъ отъ него послѣ павшей на него царской опалы. Къ этимъ отписнымъ селамъ во время переписи 1726 г. принадлежали села: Каплуновка, Пархомовка, Яблучное, Новая Рабина; при 77 козакахъ-компанейцахъ этой сотни показано всего 51 подмогчикъ; при многихъ козацкихъ фамиліяхъ стоитъ краткая фраза: „самъ собою служитъ"; при другихъ козакахъ въ числѣ ихъ подмогчиковъ весьма часто означены ихъ родственники: братья, зятья, дяди, и сыновья, и „братаничи", т. е. племянники. Но кромѣ временнаго прикрѣпленія полковнику Перекрестову, нѣкоторыя части населенія каплуновской сотни и во время переписи 1726 г. состояли въ особомъ прикрѣпленіи: „а другіе тѣхъ селъ обыватели по указу императорскаго величества (Петра I-го) приписаны къ табачнымъ заводамъ, и оные всякою работою упражняютъ".

Такимъ образомъ крѣпостное право уже и тогда прокрадывалось въ свободное козачее населеніе и не могло не вліять на измѣненіе стародавняго строя и порядка землевладѣнія, хотя мы и не имѣемъ прямыхъ указаній на размѣры и степень этого вліянія.

Трудно сдѣлать другіе общіе выводы изъ изложенной нами переписи, относящіеся къ изслѣдуемому нами вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи, по самому характеру этой переписи и спѣшному ея производству. Мы знаемъ только, что это не была перепись всего населенія полка, ибо сюда не вошли: духовенство, „подданные" полковника Танскаго и какіе-то обыватели каплуновской сотни, уже въ то время бывшіе въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ

государства; дальше, есть основаніе предположить, что число „сусідъ", какъ жившихъ на чужихъ земляхъ и не несшихъ войсковой службы, скорѣе было умалено, чѣмъ увеличено, уже по общему характеру того времени, когда всякое обывательское существованіе разсматривалось только съ точки зрѣнія „интересовъ службы". Принимая все это въ разсчетъ, вмѣстѣ съ цифрой козаковъ, бывшихъ въ это время на различныхъ службахъ, за предѣлами своего полка (404), общую цифру населенія ахтырскаго полка 7700 человѣкъ можно поднять приблизительно до 9.000 человѣкъ домохозяевъ, или главъ семействъ, что, полагая семью среднимъ числомъ въ 4 человѣка, даетъ общую цифру населенія въ 30—36.000 человѣкъ. Если съ этой цифрой сопоставить количество „скудныхъ" (286) и людей безземельныхъ—„сусідъ" (402), а также всѣхъ полковыхъ и сотенныхъ услужниковъ (65) и, въ виду остальныхъ членовъ ихъ семействъ, хотя утроить ихъ цифру (286 + 402 + 65 = 753), то количество этихъ безземельныхъ и „скудныхъ" людей составитъ всего свыше 2200 человѣкъ, что на общую цифру предположеннаго нами населенія ахтырскаго полка въ 30—35 тысячъ даетъ всего только около 7% бѣднаго или-же совсѣмъ неимущаго, безземельнаго населенія.

А. Л. Шимоновъ.

(Продолженіе будетъ)

Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности.

Къ читателю. — 1. пѣсня о взятіи азова.—2. степанъ разинъ—козакъ гарасимъ.

Къ читателю.

Авторъ нижеслѣдующихъ замѣтокъ принадлежитъ къ категоріи лицъ, какихъ не мало было и есть среди украинцевъ и которые созданы не совсѣмъ нормальными, чтобъ не сказать: совсѣмъ ненормальными, условіями культуры на ихъ родинѣ. Страстный любитель отечественной этнографіи, авторъ имѣетъ довольно большое количество украинскаго этнографическаго матеріала, который, конечно, онъ желалъ-бы издать въ систематическомъ видѣ—сводовъ съ объясненіями. Но для такихъ изданій во-первыхъ нужны средства, которыя могли-бы доставить только правильно-организованныя ученыя общества, какихъ не достаетъ нашей родинѣ, на манеръ академій и западно-славянскихъ *матицъ*. А кромѣ того для самаго приготовленія такихъ изданій, если бы даже у извѣстныхъ индивидумовъ хватило запаса хохлацкаго упрямства, чтобъ производить труды, которые, Богъ—вѣсть, сколько могутъ пролежать „въ портфелѣ автора", необходимы полныя ученыя пособія, богатыя библіотеки, тѣмъ болѣе, что въ виду направленія (сравнительно—историческаго), какое теперь приняла наука о такъ-называемомъ народномъ бытѣ и словѣ въ западной Европѣ, нѣсколько стыдно выпускать такія изданія, каковы даже лучшіе этнографическіе труды, выходящіе въ Россіи, т. е. ограничиваться почти однимъ опубликованіемъ сыраго матеріала, безъ комментаріевъ или съ комментаріями, вдохновенными одною теплотою національнаго чувства или

мудрованіями домашняго народничества. Но надо быть особеннымъ счастливцемъ, чтобъ имѣть подъ рукою нужныя пособія, такъ какъ ихъ въ должной полнотѣ не даютъ не только библіотеки русскихъ провинціальныхъ городовъ, въ добавокъ доступныя только профессорамъ, но даже столичныя. При настоящемъ положеніи вещей, полныя и достойныя требованій времени изданія нашего этнографическаго матеріала могутъ сдѣлать только люди, имѣющіе возможность пользоваться библіотеками въ Россіи, въ западной Славянщинѣ и въ Германіи, съ прибавленіемъ Парижа и Лондона.

Пишущій эти строки не только не принадлежитъ къ этимъ счастливцамъ, но опредѣленъ судьбою на жительство въ нѣкоторой трущобѣ, въ которой нельзя добыть для справки часто самой обыкновенной книги. Онъ, конечно, не теряетъ надежды обработать сколько-нибудь систематически извѣстную часть находящагося у него украинскаго этнографическаго матеріала, а пока, и помимо тѣхъ отдѣловъ, надъ которыми онъ спеціально работаетъ,—онъ рѣшился время отъ времени публиковать отдѣльные матеріалы и замѣчанія, на которыя они наводятъ, предоставляя и эти матеріалы и эти замѣчанія, особенно, конечно, первые, на усмотрѣніе другимъ любителямъ украинскаго родиновѣдѣнія. На первый разъ предлагаетъ на благосклонное вниманіе редакціи и читателямъ „Кіевской Старины“ нижеслѣдующія замѣтки, число которыхъ можетъ быть умножено, если того пожелаютъ и редакція, и читатели *).

---

1. Пѣсня о взятіи Азова.

Статья г. А. Стоянова „Южно-русская пѣсня о событіи XI вѣка“, помѣщенная въ іюльской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., какъ и слѣдовало ожидать, произвела движеніе въ средѣ украинскихъ этнографовъ. На статью эту поспѣшили отозваться

---

*) Съ удовольствіемъ и признательностію открываемъ страницы нашего изданія для почтеннаго автора замѣтокъ, открывающихъ недостающую намъ въ намѣченномъ имъ кругѣ предметовъ широту взгляда. Надѣемся, что и наши читатели не посѣтуютъ на насъ за это, ознакомившись по приводимымъ теперь замѣткамъ съ строго научными пріемами и взглядами ихъ автора.—Ред.

гг. Костомаровъ („Кіев. Стар.", августъ) и Новицкій (ibid., сентябрь), хотя и пришли къ выводамъ, несогласнымъ съ заключеніями г. Стоянова, такъ какъ оба признали, что пѣсня, относимая этимъ последнимъ къ событію XI в., взятію Торческа, относится къ событію болѣе позднему, взятію Азова козаками (донцами и запорожцами) въ 1637 г.

И мы начнемъ наши замѣтки съ предмета, подавшаго поводъ къ названнымъ статьямъ, какъ въ виду, такъ сказать, животрепещущаго характера этого предмета, такъ и по тому, что всѣ три извѣстные авторы упоминали и наши слова объ этомъ предметѣ, высказанные нѣсколько лѣтъ назадъ..

Прежде всего пополнимъ матеріалъ, на которомъ всѣ три писателя основываютъ свои соображенія.

Въ нашихъ бумагахъ находятся еще два варіанта спорной пѣсни. Первый по полнотѣ, а также и по времени записи его, находится въ тетради неизвѣстнаго любителя съ большимъ толкомъ собиравшаго народныя пѣсни, которыми, какъ видно изъ помѣтокъ, пользовались такіе издатели, какъ гг. Чубинскій, Новицкій, Антоновичъ и Драгомановъ и др. Вотъ онъ:

Ой, що то за крячокъ,
Що по морю літае?
Ой, що то за бурлачекъ
Да молодцівъ збирае?
—„Збирайтеся, братця,
Все народъ майстеровый,
Зділаемо, братця,
Півтораста возівъ,
Да накупимо мы, братця,
Півтораста паръ волівъ,
Посадимо мы, братця,
По семи молодцівъ,
А по восьмому погонялничку,
По девятому кашоварничку,
А по десятому для сторожности:
Поідемо, братця,
У славный городъ, у Азовъ.

И станемо мы, братця,
У дванадцать рядівъ".—
Выходють, братця,
Азовскіе купці:
—Показуйте вы, славні чумаченьки,
Славный товаръ изъ возівъ.—
—„Ой, єсть у насъ лисиці, куниці,
Ще й чорні соболі,
Да до завтрого не покажемъ"...—
Ой, купці пішли ночувать...
. . . . . . [1]
—„А вставайте, милі братця, потихесеньку,
Заряжайте ружья помалесеньку!"
Да тоді трахнули,
Да й узяли Азовъ.

Подъ этимъ спискомъ стоятъ помѣтки собирателя: слѣва—*не кончена* (вѣрнѣе-бы, кажется, сказать: съ пропускомъ), справа: *Борзна.*

Другой варіантъ находится въ сборникѣ Маціевича и Ганицкаго, составленномъ въ 1876 г. Записанъ этотъ варіантъ въ с. Барахтахъ, васильк. у., кіевск. губ., отъ стараго „дѣда", который, по помѣткѣ г. Маціевича, „не зналъ ни происхожденія, ни конца, ни вообще смысла" данной пѣсни. Вотъ варіантъ г. М—ча:

Ой, що-жъ то за крячокъ,
Що по морю крякае?
А що-жъ то за бурлакъ,
Що народъ збирае?
—„А збирайтесь, братьтя,
А все народъ майстерской,
Та изробимо, братьтя,
Півтораста та возовъ;
Та покупімъ, братьтя,
Півтораста та воліВъ,
Та изробімъ, братьтя,
Півтораста та яромъ,

---

[1]) Тутъ, очевидно, пропускъ.

Та посадімъ, братьтя,
Півтораста молодців;
Та поїдемъ, братьтя,
Въ городъ та Азовъ...

. . . . . .

. . . . . .

—Що вы за люде,
Якой у васъ товаръ?
—„Лисиці, куниці
И чорні соболі.
Дай, Боже, завтрого дождать,
То всі будемо[1] *знать"*.—

Варіанты эти не представляютъ крупныхъ отличій отъ тѣхъ, которые были уже извѣстны по сборнику г. Рудченка (чумацкія пѣсни) и статьѣ г. Стоянова, но все таки они имѣютъ важность, во первыхъ, по мѣсту ихъ записыванья: не только въ васильковскомъ уѣздѣ, кіевск. губ., но и въ Борзнѣ, черниг. губ. И г. Стояновъ, и г. Новицкій придаютъ большое значеніе вопросу о распространеніи данной пѣсни; первый полагается на то, что она поется только въ Поднѣпровьи, т. е. въ мѣстности, въ которой лежалъ и Торческъ, а второй напираетъ на нахожденіе пѣсни, кромѣ Поднѣпровья, еще въ елисаветградскомъ уѣздѣ, краѣ запорожскомъ, что для г. Новицкаго важно въ виду его наклонности къ мнѣнію о запорожскомъ происхожденіи этой пѣсни. Теперь оказывается, что пѣсня замѣчена и въ Борзнѣ, довольно далеко и отъ Днѣпра, и отъ запорожскихъ вольностей. Взглянувъ на мѣста, въ которыхъ записаны (конечно, болѣе или менѣе случайно) всѣ семь варіантовъ пѣсни.[2]) можно сказать, что данная пѣсня вообще довольно широко распространена по Украйнѣ, особенно по кіевской и лѣвобережной, т. е, по мѣстахъ сравнительно новаго заселенія (Кіевщина наново заселилась съ XVIII в.). Послѣднее обстоятельство говоритъ болѣе въ пользу сравнительно новаго, азовскаго, происхожденія пѣсни, чѣмъ

---

[1]) Очевидно вмѣсто *будете*.

[2]) Варіантъ г. Костомарова (у г. Рудченка Г.), по всей вѣроятности, былъ записанъ въ Слободской Украйнѣ.

стараго, торческаго. Далѣе, наши варіанты интересны потому, что въ нихъ обоихъ городъ, взятый хитростію, названъ прямо *Азовомъ*. Такимъ образомъ изъ семи, до сихъ поръ записанныхъ варіантовъ, въ пяти искомый городъ названъ—Азовъ (Рудченко, А, В, Стояновъ, Косачъ, наши два вар.), а въ двухъ другихъ (Рудч. Б = Стояновъ, Ильницкій и Рудч. Г.) названы Ростовъ (тутже и Кремень) и Щучинъ, оба близкіе къ Азову. Такое большинство въ пользу Азова не можетъ не имѣть значенія. Впрочемъ, самое вѣское доказательство въ пользу азовскаго происхожденія пѣсни, сходство ея съ писаннымъ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древностей", подъ именемъ: „Взятіе Азова донцами въ царствованіе Михаила Өедоровича" (1864 г., кн. III, 12—17), почти исчерпано въ статьѣ г. Новицкаго. Мы можемъ только прибавить, что стихи 20—26, особенно послѣдній, варіанта борзенскаго наиболѣе ясно передаютъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ совсѣмъ затемненный смыслъ разговора азовцевъ съ пріѣзжими, изложенный въ сказаніи слѣдующимъ образомъ: ...„и козаки, 10 возовъ развязавъ, скоро открыли всякій товаръ, какъ-то: котлы, порохъ, свинецъ, укладъ, холсты, сукна, *добрые соболи, лисицы* и *бѣлки*. Увидѣвъ то, турки и татары говорили: во всѣхъ-ли у васъ возахъ такой товаръ? Они имъ отвѣчали: только въ двухъ возахъ у насъ есть пашѣ вашему и коменданту подарки и развязать ихъ нельзя, *а заутра тѣ подарки сами принесемъ*"..., а потому варіантъ борзенскій особенно важенъ въ пользу мнѣнія объ азовскомъ происхожденіи данной пѣсни, котораго придерживается г. Новицкій.

Г. Новицкому безспорно принадлежитъ честь первенства въ указаніи на связь пѣсни, отнесенной г. Рудченкомъ къ древне-чумацкимъ, со взятіемъ Азова въ 1637 г. и на сходство ея съ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ". Это указаніе было сдѣлано имъ еще въ 1874 г., въ „Кіевлянинѣ", въ рецензіи на только-что вышедшій тогда сборникъ г. Рудченка. Статья г. Н—аго въ „К. Старинѣ" есть болѣе обстоятельное развитіе высказанныхъ имъ еще тогда соображеній. Но и въ этой статьѣ г. Новицкій все таки не только не рѣшилъ вопроса о происхожденіи этой пѣсни, ни о значеніи сходства ея съ прозаическимъ сказаніемъ, надо замѣтить, *великорусскимъ*, но даже не высказалъ по этому вопросу яснаго и опредѣленнаго мнѣнія. Касаясь и нашего мнѣнія по тому-же пред-

мету, онъ не разобралъ онаго съ такою полнотою, чтобъ или опровергнуть его вѣскими аргументами, или видоизмѣнить, если уже не признать его, но допустивъ неточность въ объясненіи нашего мнѣнія и непонятное противорѣчіе въ собственномъ о немъ сужденіи, онъ оставилъ вопросъ на полъ-пути къ его разрѣшенію, что и побуждаетъ насъ возобновить въ памяти читателей давно высказанное нами по данному вопросу и самый вопросъ привести къ опредѣленному концу.

Это мнѣніе высказано было нами въ „Вѣстникѣ Европы", въ статьѣ, имѣвшей цѣлью, разборомъ вышедшихъ въ 1874—75 г. украинскихъ этнографическихъ изданій, доказать необходимость сравнительнаго изученія памятниковъ украинской народной словесности. Разбирая въ концѣ статьи сборникъ г. Рудченка, мы говорили:

„Жаль, что г. Рудченко вовсе не задавался мыслію о сравнительномъ изученіи пѣсенъ. Хотя мало, но и между чумацкими пѣснями найдутся такія, которыя не исключительно принадлежатъ Малороссіи и, можетъ быть, заимствованы. Такою мы признаемъ первую пѣсню г. Рудченка, которую онъ врядъ-ли справедливо считаетъ въ предисловіи древнею. Эта пѣсня по языку и тону обличаетъ свое происхожденіе въ Великороссіи. Болѣе полныя варіанты ея, напечатанные у г. Рудченка (В. и Г.), расказываютъ, какъ въ видѣ чумаковъ проникло въ городъ (Азовъ) войско и захватило городъ. Въ этомъ видѣ пѣсня представляется перифразировкою прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, сказанія, напечатаннаго въ „Чтеніяхъ импер. моск. общества исторіи и древностей" (1864 г., кн. III, отд. V, стр. 12—17). Повѣствованіе это, по своему именно сказочному характеру, сильно отличается отъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи и при томъ явно составлено въ XVIII вѣкѣ. Ему должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ; пѣсня эта зашла въ Малороссію, гдѣ стала сильно измѣняться; варіанты А. и Б. у г. Рудченка уже не заключаютъ въ себѣ мотива ограбленія города чумаками, а рисуютъ обыкновенную торговлю: только складъ ихъ обличаетъ великорусскій источникъ.

„Это не единственный примѣръ того [1]), какъ въ Малороссіи находятся пѣсни, такъ сказать, переведенныя съ великорусскихъ, тогда какъ великорусскіе оригиналы не пойманы до сихъ поръ изслѣдователями. Другой подобный примѣръ указанъ въ 1 томѣ „Истор. пѣсень малор. народа", стр. 284. Это одни изъ варіантовъ пѣсень о кровосмѣшеніи сына съ матерью, въ коихъ сыновья называются донцами, особенно варіанты, напечатанные въ V томѣ „Матеріаловъ" г. Чубинскаго (№ 458, стр. 921—927, особенно варіантъ Ж.), которые явно носятъ слѣдъ великорусскаго вліянія и въ языкѣ. Мы предполагаемъ, что существовала, или, быть можетъ, существуетъ пѣсня великорусская, для которой послужило источникомъ сказаніе, въ родѣ тѣхъ, какіе напечатаны г. Костомаровымъ въ „Памятникахъ старинной русской литературы", изд. гр. Кушелева-Безбородко, II, 415—442. *И великорусскій оригиналъ вышеупомянутой пѣсни у г. Рудченка могъ образоваться изъ сказанія или сказки*. Это опять не исключительные примѣры какъ перехода сказанія въ пѣсню и наоборотъ, такъ и соотвѣтствія, которое заставляетъ предполагать переходъ изъ одной мѣстности въ другую пѣсни и сказанія. Такъ, напр., Шишковъ въ запискѣ, поданной императору Александру, указывалъ, въ числѣ другихъ примѣровъ неуваженія къ духовенству и распространенія раскола, ходившую въ народѣ молву „о нѣкоемъ попѣ, нарядившемся для совершенія неистовства въ козью съ рогами кожу, которая тотъ-часъ къ нему приросла", (Иконниковъ, гр. Н. С. Мордвиновъ, стр. 420), а въ „Запискахъ о южной Руси" г. Кулиша (т. 2) напечатана малорусская сатира о попѣ и крестьянинѣ Кирикѣ совершенно на эту тему, только вмѣсто козьей шкуры стоитъ воловья. Мы знаемъ и другой варіантъ этой-же сатиры.

„Подобные примѣры указываютъ на настоятельную необходимость сравнительнаго изученія русской народной словесности и въ частности на необходимость изслѣдовать южную Украйну велико-

---

[1]) Такъ переходили не только баллады, но и историческія пѣсни; наприм. самарская пѣсня, напечатанная въ «Лѣтописяхъ русской литературы», т. IV, 38,— явно великорусская передѣлка малорусской пѣсни о запорожцахъ послѣ полтавской битвы, только съ перемѣной грусти побѣжденныхъ въ иронію побѣдителей. Примѣч. въ В. Е.

русскую, которая соприкасается съ малорусскою, и которая почти не тронута въ этнографическомъ отношеніи, а между тѣмъ она издавна была мѣстомъ смѣшенія малорусской и великорусской колонизаціи“.

Г. Стояновъ имѣлъ въ виду выписанныя слова, сильно расходящіяся съ его торческою гипотезою, срезюмировалъ ихъ только мимоходомъ и не совсѣмъ полно въ слѣдующихъ словахъ: „Въ варіантѣ В. сборника г. Рудченка, при взятіи Азова, разбойники берутъ въ плѣнъ *черкесочокъ* молодыхъ. Этотъ варіантъ, искаженный временемъ, какъ и всѣ прочіе, и далъ, вѣроятно, г. М. Т—ву въ его статьѣ („Вѣстникъ Европы“, мартъ 1877 г.) поводъ къ сближенію пѣсни съ фактомъ взятія Азова козаками въ XVIII вѣкѣ, о чемъ будетъ сказано ниже“, а ниже г. Стояновъ говоритъ: „Г. М. Т—въ признаетъ въ этой-же пѣснѣ великорусское происхожденіе и видитъ въ ней перифразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Г. М. Т—въ полагаетъ, что этому сказанію должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ“.

Г. Новицкій, выписавъ первое замѣчаніе г. Стоянова, будто мы отнесли спорную пѣсню къ Азову только на основаніи *черкесочекъ,* упоминаемыхъ въ вар. В. г. Рудченка, поспѣшилъ написать, что „на самомъ дѣлѣ“ мнѣніе о связи пѣсни съ взятіемъ Азова, было „высказано первоначально имъ, г. Н—имъ“, но „по болѣе вѣскимъ соображеніямъ“, причемъ онъ, г. Н—ій, „конечно, отрицалъ всякую возможность *перифразировки* (курс. подл.) донскаго сказанія въ малорусскую пѣсню и только указалъ на ихъ замѣчательный параллелизмъ“. Снова повторяемъ полное признаніе первенства напечатанія г. Новицкимъ извѣстнаго мнѣнія, которое первенство не указано въ нашей статьѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ по причинамъ, о которыхъ говорить теперь было-бы мелочностью, не интересною для читателя, и которое первенство мы поспѣшили признать, при первомъ удобномъ случаѣ: при разборѣ мнѣнія г. Костомарова, относившаго сначала занимающую насъ пѣсню къ освобожденію Палія изъ Маріенбурга (см. Русск. Мысль, 1880 г., іюнь, III, 45 и „Нов. укр. пѣсни и пр.“, стр. 44, примѣч. 1).

Какъ читатель самъ можетъ судить изъ выписанныхъ выше словъ нашихъ, мнѣніе наше объ отношеніи разбираемой пѣсни къ

Азову основано вовсе не на одномъ варіантѣ ея и не на однихъ *черкесочкахъ*, какъ это представилъ г. Стояновъ. Также само и г. Новицкій ужъ слишкомъ буквально принялъ слово *перифразировка* въ нашей статьѣ и приписалъ намъ мысль о прямой передѣлкѣ сказанія о взятіи Азова, напечатаннаго въ „Чтеніяхъ“ [1]). Изъ всего выписаннаго выше, а особенно изъ подчеркнутыхъ словъ, видно, что мы предполагаемъ существованіе (въ Донской области) и устныхъ, и письменныхъ варіантовъ исторіи о взятіи Азова, каковые варіанты должны были пустить отъ себя великорусскую пѣсню, которая уже зашла и въ украинскую среду, гдѣ и приняла видъ украинскихъ варіантовъ, намъ теперь извѣстныхъ.

Самъ-же г. Новицкій говоритъ теперь (стр. 430), что пѣсня о взятіи Азова могла быть сложена ими немедленно, на мѣстѣ, въ такомъ случаѣ она должна отыскаться и на Дону [2]), гдѣ она, или прозаическое преданіе о томъ-же событіи послужили источникомъ „Сказанія“, и не смотря на другое предположеніе, высказанное вслѣдъ за выписанными словами: „или-же пѣсня сложена запорожцами уже по отходѣ ихъ съ Дона, на пути или по прибытіи въ Сѣчь“, признаетъ (на стр. 433) „несходство характера пѣсни съ общимъ тономъ южно-русскихъ чумацкихъ (и даже, вообще, малорусскихъ пѣсень“), которое несходство г. Н—ій, признаетъ признакомъ происхожденія пѣсни въ этнографически-*смѣшанной* средѣ“ [3]). Послѣ этого вдвойнѣ неожиданными показываются финальныя слова г. Н—аго: „конечно, замѣчаніе г. М. Т—ова о ея будто-бы *великорусскомъ* происхожденіи не имѣетъ значенія, составляя только (?!) невѣрную передачу высказанныхъ первоначально мною замѣчаній“.

Мысль, продиктовавшая намъ выписанные выше строки, а именно мысль о переходѣ пѣсень, какъ и другихъ произведеній народной словесности отъ одного племени къ другому, а также изъ одной формы въ другую (изъ прозы въ пѣсню и наоборотъ) изъ

---

[1]) Кстати укажемъ и на другой напечатанный его варіантъ: въ приложеніи къ IV-му тому «Пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ», стр. 166—184, въ «Исторіи о азовскомъ взятіи».

[2]) На какомъ языкѣ? На великорусскомъ? М. Т.

[3]) О которой средѣ и о необходимости изслѣдованія ея мы и говорили. М. Т.

письменной словесности въ устную и наоборотъ, очень туго прививается у насъ, встрѣчая иногда враждебное къ себѣ отношеніе даже у большинства спеціалистовъ, которые и до сихъ поръ еще не выбились изъ узъ теоріи, разсматривавшей памятники народной словесности, или какъ продукты одной національной почвы, или какъ наслѣдіе арійскихъ прародителей. А между тѣмъ въ Западной Европѣ эта мысль лежитъ въ основѣ новѣйшихъ работъ по народной словесности. Принятіе ея возбуждаетъ вниманіе къ изслѣдованію именно областей съ смѣшанною этнографическою средою, каковы Провансъ и Каталонія, Піемонтъ, Нидерланды (въ обширномъ смыслѣ, съ Бельгіей), Лузація съ Богеміей и т. д. Такія страны, служащія спайками между племенами, особенно интересны для изслѣдованія путей движенія сходныхъ сказаній отъ племени къ другому. Относительно украинскаго племени съ его словесностью особенно интересны области пряшевская за Карпатами, мѣсто соприкосновенія украинцевъ съ словаками, ворота, по которымъ прошло на Украйну извѣстное количество общеевропейскихъ сказаній съ Запада, и донская,—мѣсто, черезъ которое совершается взаимный обмѣнъ сказаній между украинцами и ихъ восточными сосѣдями.

Изслѣдованіе такихъ областей въ значительной степени помогаетъ тому, чтобы сравнительное изученіе памятниковъ народной словесности пошло далѣе одного только указанія параллелизмовъ между ними. Такое указаніе еще очень недостаточно.

Возьмемъ хоть данный случай. Что-же намъ изъ того, если мы успокоимся на одномъ „только указаніи замѣчательнаго параллелизма“ между украинскою пѣснею и великорусскимъ сказаніемъ? Самъ г. Новицкій, какъ видимъ изъ выписанныхъ словъ его, не захотѣлъ „только“ на этомъ успокоиться и перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, что-же значитъ этотъ параллелизмъ, иначе, гдѣ и какъ образовалась данная пѣсня; но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ выписаннаго, былъ отвлеченъ въ сторону отъ сущности дѣла заботами объ установленіи своего первенства въ указаніи параллелизма. Надо рѣшить, образовалась-ли пѣсня на Украйнѣ самостоятельно и отъ нея пошелъ разсказъ, который послужилъ источникомъ прозаической исторіи, или-же у великоруссовъ образовалась сказка, отъ которой пошли и исторія, и пѣсня—великорусская, потомъ украинская, или-же въ одно время, по воспоминаніямъ о фактахъ,

которыхъ свидѣтелями и участниками были и великоруссы, и украинцы, образовалась фабула, которая обработана великоруссами въ прозаической формѣ, украинцами-же въ пѣсенной. Въ послѣднемъ случаѣ тѣ отличія, какія представляетъ и пѣсня, и „гисторія" въ разсказѣ о взятіи Азова противъ указаній извѣстныхъ исторических источниковъ, надо будетъ признать не сказочными, а реальными.

Повторяемъ, окончательно рѣшить всѣ сомнѣнія нельзя, пока не будетъ лучше изслѣдована донская область, въ которой можетъ быть найденъ великорусскій варіантъ пѣсни *). Но и теперь возможны предположенія не совсѣмъ неосновательныя. Мы сдѣлали таковое въ подчеркнутыхъ выше словахъ, предполагающихъ существованіе великорусскаго оригинала пѣсни, близкаго къ сказанію и послужившаго источникомъ украинскихъ варіантовъ.

Сдѣлали мы это предположеніе и поддерживаемъ его теперь на основаніи, между прочимъ, языка и склада украинскихъ варіантовъ пѣсни. Складъ этотъ несомнѣнно великорусскій. Языкъ тоже носитъ на себѣ великорусскую окраску. Кромѣ упомянутыхъ варіантовъ г. Рудченка, остановимся на борзенскомъ варіантѣ.

---

*) Соблюдая полное безпристрастіе въ происходящемъ ученомъ спорѣ, мы замѣтимъ, что такое-же заявленіе о новыхъ поискахъ, но въ области древняго Торческа, съ неменьшимъ правомъ можетъ быть сдѣлано г. Стояновымъ, авторомъ торческой гипотезы, или древнѣйшаго происхожденія изслѣдуемой пѣсни, и должно быть сдѣлано всякимъ, кто для удобнѣйшаго ея изслѣдованія пожелалъ-бы возсѣсть на Энеева или Троянскаго коня... Мы во всякомъ случаѣ не можемъ не отдать должнаго уваженія и серьезнымъ пріемамъ г. Стоянова, хотя и не можемъ присоединиться къ сдѣланному имъ выводу, пока не явится болѣе твердыхъ данныхъ для его смѣлой, но симпатичной гипотезы, равно и къ мнѣнію противной стороны, требующему, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ настоящей замѣтки, новыхъ подкрѣпленій. Метаморфозы съ пѣснями, легендами и пр. явленіе общее, но трудно-уловимое. Обѣ стороны въ данномъ вопросѣ ищутъ разгадки перемѣнъ и наслоеній, но одна въ болѣе древнемъ, другая въ позднѣйшемъ времени. Несомнѣнно одно, что метаморфозы столько-же возможны были тамъ, какъ и здѣсь,— столько-же въ древней, какъ и въ позднѣйшей пѣсни. Во всякомъ случаѣ вопросъ, какъ намъ кажется, далекъ еще отъ окончательнаго разрѣшенія, а великорусскія измѣненія словъ въ его разрѣшеніи могутъ имѣть значеніе лишь въ связи съ другими, болѣе существенными данными. Такія измѣненія мы находили даже въ думахъ, распѣваемыхъ Вересаемъ, которыхъ древность и мѣстное происхожденіе никакъ не могутъ быть заподозрѣны.—Р е д.

Форма: майстеровый, слово: *здилаемъ* — великорусскія; слово Азов*ъ* тогда только получитъ себѣ рифму, когда противъ него будетъ стоять не ряд*івъ*, какъ теперь, а рядовъ. Въ варіантѣ г. Маціевича разъ поставлено по великорусски воз*овъ;* въ другомъ мѣстѣ съ словомъ Азовъ должна рифмовать малорусская форма—молодц*івъ*.

Намъ остается сказать еще объ одномъ обстоятельствѣ. Вышеизложенныя соображенія говорятъ въ пользу того, что пѣсня наша принадлежитъ къ числу, такъ называемыхъ, *бродячихъ,* или *странствующихъ сказаній,* бродячихъ, скажемъ пока, только въ предѣлахъ великорусско-украинскихъ. Но не есть-ли эта пѣсня бродячая и въ болѣе обширной области. Исторія о взятіи города проникшими въ него спрятанными людьми въ сущности старая исторія Энеева коня въ Троѣ. Есть французская пѣсня о взятіи женскаго монастыря рыцарями, проникшими туда въ мѣшкахъ; есть голштинская (дитмарская) пѣсня о занятіи замка рыцаря-помѣщика крестьянами-вассалами, привезенными въ мѣшкахъ вмѣсто дани и т. п. Что реальнаго, историческаго скрывается подъ этими варіаціями старой фабулы? Въ области украинскихъ сказаній мы имѣемъ разсказъ о проникновеніи козаковъ въ товарныхъ возахъ въ пѣснѣ объ Азовѣ и въ исторіи освобожденія Палія изъ плѣна въ Магдебургѣ (Маріенбургѣ). Прибавимъ къ этому, что въ украинскихъ лѣтописяхъ, намъ помнится, есть подобное-же сказаніе въ повѣствованіи объ одномъ изъ походовъ запорожцевъ на Крымъ въ XVII и XVIII в. Намъ очень конфузно говорить объ этомъ обстоятельствѣ такъ неопредѣленно,—но, не имѣя подъ рукою всѣхъ должныхъ источниковъ, мы не можемъ сдѣлать болѣе точныхъ указаній, которыя мы и предоставляемъ лицамъ, поставленнымъ въ лучшія условія.

Стенька Разинъ—козакъ Гарасимъ.

Великорусскіе варіанты пѣсни о сынѣ Ст. Разина извѣстны давно. Весьма полный варіантъ напечатанъ уже у г. Костомарова: („Бунтъ Ст. Разина“, историч. моногр., т. II, 290—291). Мы тутъ воспроизведемъ его для того, чтобъ читатель могъ лучше судить объ украинскихъ передѣлкахъ этой пѣсни.

Какъ во славномъ во городѣ
Во Астрахани,
Очутился, проявился
Тутъ незнамовый человѣкъ.
Шибко, щепетно по городу
Похаживаетъ,
Въ тоненькой рубашкѣ
Да во нанковомъ халатѣ
На роспашечку.
Астраханскимъ тутъ купчишкамъ
Онъ не кланяется,
Господамъ-ли да боярамъ
Онъ челомъ не бьетъ,
Астраханскому воеводѣ
Онъ подъ судъ не йдетъ.
Увидалъ-же воевода
Со параднаго крыльца;
Приказалъ-же воевода
Къ себѣ его привести:
—„Ужъ вы слуги, мои слуги,
Слуги вѣрные мои,
Вы подите, поимайте
Удалова молодца!“
Поимали, соковали
Удалова молодца,
Привели къ воеводѣ
Незнамова на глаза.
Какъ и сталъ же воевода
Его спрашивати:
—„Ужъ и чей такой, дѣтинка,
Чей удалый молодецъ?
Ты какого поведенья,
Чьей ты матери, отца?
Не со города-ль Казани,
Съ каменной славной Москвы,
Или съ Дону козакъ,
Иль купецкій сынъ?“—

—Я не съ города Казани,
Не со каменной Москвы,
Я не съ Дону козакъ,
Не купецкій сынъ,
Я со матушки со Волги
Стеньки Разина сынокъ.— [1])

Рабочіе великоруссы занесли эту пѣсню и на Украину. У насъ есть три ея варіанта, записанные на Украинѣ, при чемъ одинъ записанъ прямо отъ рабочаго великорусса, а другіе два представляютъ украинскія попытки усвоить эту пѣсню.

Первый варіантъ записанъ г. Манжурою въ Харьковѣ отъ плотника изъ владимірской губерніи:

Въ славномъ городѣ во Астраханѣ
Очутился, скажемъ, проявился
Тамъ незнамый человѣкъ,
Чисто, щепетко, скажемъ, погуливаетъ;
На немъ бархатный кафтанъ на распашку,
На распашку въ немъ идетъ,
Свой персицкой кумачекъ
Въ правой рученькѣ несетъ,
Перчаточки новы съ серебромъ
На его бѣлыхъ рукахъ,
Чорна шляпа съ палюмашемъ
На его русыхъ кудряхъ.
Охъ, онъ штапамъ—офицерамъ
Онъ не кланяется, идетъ,
Для мелкихъ господъ
Пуховой шляпы не мнетъ,
А самому, скажемъ, губернатору
И челомъ ему не бьетъ.

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что варіантъ этой пѣсни былъ найденъ въ бумагахъ Пушкина и возбудилъ въ нѣкоторыхъ газетахъ («Новое Время» и др.) разговоры о томъ, не сочиненіе-ли это Пушкина. Фактъ характеризующій степень образованія нашихъ редакторовъ русскихъ газетъ настоящаго времени!

Губернатуръ, скажемъ, господинъ,
На крылечко выходилъ,
Закричалъ, скажемъ, губернаторъ
Громкимъ голосомъ своимъ:
—„Охъ, вы слуги, служки вѣрные мои,
Вы подите, служки, приведите
Незнамова молодца“.—
Его взяли, подхватили
И къ допросу повели,
Охъ, становили, скажемъ, молодца
Близь параднаго крыльца.
Охъ, губернаторъ, скажемъ, господинъ
На крылечко выходилъ,
Таки рѣчи говорилъ:
—„Чей, откуда, разскажи, мальчишка,
Чей, незнамый молодецъ?
Охъ, не съ Москвы-ли ты купецъ,
Не купеческій-ли сынъ?
Аль не съ Дону-ли козакъ,
Не козаческой-ли сынъ?“
—А я съ Дону не козакъ,
Не козаческой я сынъ,
Я со матушки со Волги,
Я со Камы со рѣки,
Стеньки Разина сынокъ.—
—„Вы возьмите только, мои слуги,
Въ бѣлой каменной острогъ.
—А ты послушай, скажемъ, губернатуръ,
Одно слово мнѣ сказать:
Будто батюшка мой родной
Заутра хотѣлъ быть.
Ты умѣй-ка его встрѣтить,
Умѣй подчивать его,
А изъ комнаты пойдетъ,
Умѣй двери затворить!—
Приказалъ, скажемъ, губерначуръ
Вдоль по улицѣ пустить.

Охъ, какъ на утро рано на зарѣ
Лёгка лодочка плыветъ,
Какъ въ этой-то во лодочкѣ
Ровно тридцать молодцовъ,
Ну, а тамъ въ самой середкѣ
Атаманъ-ли ихъ сидитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
—„Вы послушайте, скажемъ, ребята,
Что я буду говорить:
Охъ, будто чадо, чадо мое милое
Въ бѣлой каменной тюрьмѣ!“—
—Охъ, не печалься, нашъ хозяинъ-господинъ;
Охъ, бѣлой каменной острогъ
По кирпичу разберемъ,
Астраханскаво, скажемъ, губернатора
Во полонъ ево возьмемъ.

Изъ двухъ извѣстныхъ намъ украинскихъ передѣлокъ подобной пѣсни, наиболѣе интересна записанная г. Ганицкимъ въ аккерманскомъ уѣздѣ, бессарабск. губерніи, въ 1874 г. въ числѣ другихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ среди рыбаковъ. Варіантъ этотъ состоитъ изъ прозаическаго разсказа, прерываемаго стихами.

„Бувъ колись на Україні славный *козакъ Гарасимъ,* такий, якъ Максимъ Залізнякъ, або козакъ Нечай. Якъ настала недобра година, Гарасима кілька разъ сажали за камінні стіни, въ тюрму, але славний Гарасимъ завше пробиравъ стіни й втікавъ. Вінъ війська не мавъ, а якъ тільки свисне, то набіжить козаківъ зо всіхъ сторінъ“!

„Отъ Гарасимъ якъ втікъ уже може въ десятый разъ зъ каторжноі тюрмы, зібравъ козаківъ и пішовъ въ *Рассѣю,* бо Украіна зо всіхъ сторінъ тоді була вже занята, а впередъ Гарасимъ пустивъ свого сына, щобъ роспізнавъ тіхъ людей и ту сторону“...

Проявился дитинушка, незнакомый чоловікъ;
Вінъ не заходить по Калугі, по калугінськімъ мужикамъ,

Вінъ почавъ дитинушка въ кабаку гулять
И про себе пісьню запівать... [1])

„Губернаторъ, узнавши объ ёму, велівъ ёго привести:

—„Эхъ, вы слуги, вы лакеі вірніі мои,
Идіте, приведіте мужика
Зъ пишного кабака!
—„Скуль ты, дитинушка, скуль ты родомъ чоловікъ?
Чи ты зъ Дону козакъ, чи ты козацький сынъ?"—
—Я не зъ Дону козакъ, я не козацький сынъ;
Мій батько хоче у васъ въ гостяхъ бувать,—
Знайте-жъ, якъ мою отця приймать.

„Розсердився губернаторъ на вдалого молодця:

—„Эхъ, вы слуги, вы вірніі, возьміте козака!
Засадить ёго въ тюрму, за каменну стіну!"—
—Якая ваша тюрма:
Каменна, чи кирпичная?
Мы вашу тюрму по кирпичу розберемъ,
И вашого губернатора въ полонъ візьмемъ!—

„Герасимівъ сынъ, кепкуючи надъ губернаторомъ, якъ туйнувъ ёго, то всі вікна въ губернаторському дворці потріскалиев. Гарасимівъ сынъ ишовъ весело въ тюрму, бо добре знавъ, що отець ёго въ скорімъ часі прибуде и висвободить:

Ище не світъ, ище не світъ [2]),
Красну лотушку видать!

---

[1]) Ср. у Костомарова, op. cit. 241.

У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону,
Породился удалъ храбрый молодецъ....
. . . .
Во козачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, козаками, думу не думывалъ,
Ходилъ-гулялъ Степанушка въ царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою и т. д.

Другіе варіанты передѣлывають эти слова и на сына Ст. Разина.

[2]) Стихъ изъ извѣстной гайдамацкой пѣсни о Гнаткѣ и Савѣ Чаломъ:

Ой, ще не світъ, ой, ще не світъ,
Ой, ще не світае,
А вже Гнатко зъ Кравчиною
Коника сідлае и т. д.

Красну лотушку звидавъ,—
Отець до ёго прибувавъ.

Другой варіантъ записанъ г. Черникомъ около 1876 г. въ деревнѣ Ракова Балка, въ павлоградскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, со словъ хлопця 14 лѣтъ, Ивана Носаченка. Вотъ онъ:

Выходила дитина
Зъ-підъ білого каміня,
Ой якъ крикне панъ губернатарь
На своіхъ прежнихъ бурлакъ:
—„Вы набийте дитині
На ноги кайдани,
На ноженьки кайданочки,
А на ручки рушнички.“—
—А чи бачишь, губернаторь,
Отой камъяный острогъ?
Я тобі камъяный острогъ
По каміньцямъ рознесу,
Я тобі Дунай-річку
До пісочку перепью...

Записыватель сообщаетъ, что хлопець долго не хотѣлъ сказать слова *губернаторъ*, пока наконецъ рѣшился проговорить его.

Мы полагаемъ, что никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что оба вышеприведенные варіанты составляютъ прямую перифразировку (на этотъ разъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова) великорусской пѣсни, хотя на нихъ, особенно на первой, налегли уже и нѣкоторыя украинскія черты. Съ перваго разу, впрочемъ, видны и отличія этихъ варіантовъ отъ пѣсни о взятіи Азова. Послѣдняя все-таки болѣе объукраинилась, чтó и совершенно понятно: пѣсня эта должна была пожить въ козацкой, смѣшанной средѣ и зашла она къ намъ давно, тогда какъ пѣсня о сынѣ Ст. Разина, очевидно, пришла на Украйну недавно и принесена чистыми великоруссами, рабочими, и не имѣла за собою никакого памятнаго, общаго обоимъ двухъ племенъ, событія [1]). Даже имя Ст. Разина ока-

[1]) Хотя нѣкоторое количество запорожцевъ и участвовало въ походахъ Ст. Разина и послѣдній писалъ грамоты въ Сѣчь, но память объ этомъ не сохранилась въ массѣ украинцевъ, которымъ, очевидно, мало было дѣла въ свой часъ до Ст. Разина.

залось на столько чужимъ для украинцевъ, что они, чтобъ его оживить для себя, сдѣлали изъ него козака—Гарасима.

Но все-таки представленные украинскіе варіанты великорусской пѣсни показываютъ примѣры нѣкотораго ея усвоенія. Основная идея ихъ,—непокорность воеводѣ-губернатору, въ украинскихъ варіантахъ даже рѣзче выдвинута, чѣмъ въ великорусскихъ, а въ варіантѣ г. Ганицкаго Разину приданы черты запорожскаго характерника и самъ онъ сравнивается съ памятными украинцамъ героями: Нечаемъ и Желѣзнякомъ, и даже сдѣланъ украинцемъ, подъ именемъ Гарасима, который только потому пошелъ въ *Рассѣю,* что „Украйна уже вся была тогда занята". Украинскіе варіанты пѣсни о сынѣ Ст. Разина представляютъ собою примѣръ усвоенія чужой пѣсни все-таки *органическаго,* хотя и не такого полнаго, какъ нѣкоторые примѣры взаимнаго обмѣна пѣсенъ козацкихъ изъ временъ общей жизни донцовъ и запорожцевъ. Тутъ все-таки пѣсня усвоена потому, что она для усваивавшихъ симпатична по своему содержанію. Въ украинскомъ населеніи обращается теперь не малое количество великорусскихъ пѣсенъ усвоенныхъ иначе, *механически:* вслѣдствіе внѣшняго давленія, по привычкѣ, изъ желанія быть похожимъ на барина чрезъ усвоеніе себѣ признаковъ барской народности. Это пѣсни солдатскія, бытовыя и повѣствовательныя, (о Петрѣ Великомъ, Лопухинѣ, Платовѣ, Наполеонѣ и др.), пѣсни лакейскія, „жестокіе романсы", фабричные и т. п. У насъ у самихъ ихъ набралось на добрый томъ. На печальныя мысли навелъ бы этотъ томъ, если-бъ его напечатать. Съ внѣшней стороны этотъ матеріалъ представляетъ образцы чисто машинальнаго повторенія великорусскихъ варіантовъ, съ большими или меньшими искаженіями языка и фабулы, при чемъ иногда представляютъ въ частяхъ или въ цѣломъ полную безсмыслицу. Съ внутренней, идейной стороны, по сравненію съ украинскими пѣснями домашняго образованія, матеріалъ этотъ носитъ на себѣ признаки упадка и деморализаціи политической, общественной и семейной рабскаго духа, жестокости, грубости, цинизма, особенно относительно женщины,—при фразистой сентиментальности, нахватанной изъ романсовъ „благородныхъ". Ни одной дѣйствительно культурной идеи, ни образа изъ запасу всероссійской цивилизаціи, образовавшейся въ верхнихъ слояхъ общества въ XVIII в. изъ взаимодѣйствія украинцевъ и ве-

ликоруссовъ, при западно-европейскомъ вліяніи, не проникло въ этотъ народный словесный матеріалъ, который въ ту-же эпоху образовался на Украйнѣ подъ великорусскимъ вліяніемъ. Да, кажется, такихъ дѣйствительныхъ культурныхъ идей и образцовъ нѣтъ въ новообразовавшейся великорусской народной словесности и у нея на дому. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить на основаніи того, что до сихъ поръ извѣстно по этой части въ печати, напр. изъ интересной работы г. Вл. Михневича „Извращеніе народнаго пѣснотворчества“ (Историч. этюды русской жизни, II, 377—421).

Впрочемъ, это вопросъ не только очень важный, но и очень сложный, а потому объ немъ до другаго раза.

М. Т—овъ.

УМАНСКІЙ СОТНИКЪ

ИВАНЪ ГОНТА.

(1768 г.).

Для характеристики историческаго значенія гайдамачества вообще и особенно „Коліивщины" личность одного изъ вождей послѣдней, сотника Гонты, имѣетъ особенный интересъ. Печальное состояніе края, разразившееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія страшною уманскою катастрофою, недостаточно еще обслѣдовано безпристрастнымъ историческимъ изученіемъ. Современники—мемуаристы, принадлежавшіе къ потерпѣвшей сторонѣ, оставили намъ лишь яркія картины пожаровъ, убійствъ и грабежа, сопровождавшихъ катастрофу; но о поводахъ, вызвавшихъ эти печальныя явленія, о причинахъ, которыя довели постепенно народъ мирный, земледѣльческій, стремившійся къ прочной, осѣдлой и хотя сколько-нибудь обезпеченной и спокойной жизни, они или вовсе не упоминаютъ, или-же говорятъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. По ихъ мнѣнію, страшное народное волненіе въ Украйнѣ было, съ одной стороны, плодомъ яко-бы дипломатической интриги Россіи, съ другой—результатомъ врожденнаго будто-бы южно-русскому народу варварства, его злой природы и главное—страсти къ грабежу. Конечно, такія объясненія мемуаристовъ, весьма впрочемъ естественныя въ устахъ людей мало развитыхъ и сильно раздраженныхъ, не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ всякіе огульные приговоры надъ характеромъ цѣлаго народа; конечно, легче объяснить явленіе историческое, предположивъ извѣстную, будто врожденную наклонность въ народномъ характерѣ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать истинныя причины этого явленія, часто слишкомъ сложныя для степени развитія изслѣдователя или слишкомъ не желательныя для самолюбія той общественной группы, къ которой

онъ принадлежитъ. Но предположенія такого рода не могутъ останавливать на себѣ вниманія сколько-нибудь спокойнаго историческаго изслѣдованія и первый попавшійся фактъ, передаваемый источникомъ пристрастнымъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, совершенно разрушаетъ всѣ поверхностныя предположенія автора онаго.

Однимъ изъ такихъ фактовъ является въ разсказахъ о „Коліивщинѣ" личность уманскаго сотника Ивана Гонты. Не смотря на то, что всѣ свѣдѣнія о немъ мы можемъ извлекать лишь изъ записокъ шляхтичей или духовныхъ лицъ польской народности, писавшихъ послѣ „Коліивщины" (и слѣдовательно относившихся съ крайнею ненавистью къ бывшему уманскому сотнику), личность его, и по ихъ сказаніямъ, является съ характеромъ совершенно противуположнымъ тому общему ихъ взгляду на „гайдамачество", которое высказывается ими въ мемуарахъ. Гонта является человѣкомъ не только зажиточнымъ, но даже богатымъ,—слѣдовательно не страсть къ грабежу руководитъ имъ; онъ пользуется особою милостію владѣтеля Умани, воеводы Салезія Потоцкаго, который обезпечиваетъ вполнѣ его будущую карьеру, обѣщаетъ ему подарить въ потомственное владѣніе нѣсколько селъ и выхлопотать на сеймѣ „нобилитацію", т. е. возведеніе въ дворянство,—слѣдовательно личный интересъ и личное честолюбіе должны были-бы склонять Гонту къ защитѣ шляхетства, въ ряды котораго попасть онъ имѣлъ возможность. Свѣдѣній о вліяніи на Гонту мнимой политической интриги сами мемуаристы не передаютъ и вліянія такого даже не предполагаютъ. Такимъ образомъ побужденія, заставившія Гонту принять участіе въ „Коліивщинѣ", остаются не разъясненными, съ точки зрѣнія на „Коліивщину" шляхетскаго общества, и само его участіе является чѣмъ-то, по видимому, неожиданнымъ, загадочнымъ. Конечно, колоритъ этотъ исчезаетъ, если мы посмотримъ на данное событіе съ той точки зрѣнія, которая присуща была въ свое время украинскому народу; тогда станетъ понятнымъ, что Гонта дѣйствовалъ изъ-за убѣжденій, глубоко укоренившихся въ народѣ, изъ-за сознательнаго долга стать въ борьбѣ, охватившей страну, на сторонѣ своего народа, его правъ, вѣры и національности, и принести этому дѣлу въ жертву и свою карьеру и свое общественное положеніе.

Если-бы до насъ дошли извѣстія о Гонтѣ и его участіи въ „Коліивщинѣ“ отъ лицъ, принадлежавшихъ къ другой заинтересованной сторонѣ, или, по крайней мѣрѣ, отъ свидѣтелей безпристрастныхъ и постороннихъ, то мы не сомнѣваемся, что высказанное нами положеніе можно было-бы установить самыми точными и подробными ссылками. Къ несчастію мы поставлены въ необходимость пользоваться источниками, составленными исключительно лицами враждебными Гонтѣ, и потому можемъ попытаться лишь указать путемъ сопоставленій и критическаго отношенія къ сообщаемымъ фактамъ на болѣе серьезныя и человѣчныя побужденія дѣятельности Гонты, чѣмъ тѣ, которые приписывали ему шляхтичи-современники, увлекаясь весьма естественно ненавистью къ лицу, причинившему имъ много бѣдствій и страданій [1]). Не желая, впрочемъ, теряться въ догадкахъ и гипотезахъ, мы ограничимся лишь фактическимъ изложеніемъ относящихся къ его біографіи событій.

Иванъ Гонта принадлежалъ по рожденію къ крестьянскому сословію; по словамъ Липпомана, онъ родился въ селѣ Росошкахъ, принадлежавшемъ къ уманскому имѣнію Потоцкихъ. Свѣдѣніе это заимствовано Липпоманомъ изъ записокъ Вероники Кребсъ, которая говоритъ: „Когда мой отецъ пріѣхалъ въ Умань (1757 г.), онъ уже засталъ тамъ полковника (надворныхъ козаковъ) Обуха и старшаго сотника Гонту, крестьянина изъ деревни Росошекъ“ [2]). Братъ г-жи Кребсъ, Павелъ Младановичъ, утверждаетъ въ своихъ запискахъ, будто Гонта родился гдѣ-то въ Полѣсьи и, достигши 18-лѣтняго возраста, совершилъ какое-то преступленіе, за которое былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, но будто, уже на самомъ мѣстѣ исполненія казни, отецъ Младановича, занимавшій тогда должность уманскаго

---

1) При составленіи этого очерка мы пользовались слѣдующими источниками: 1) Липпоманъ — «Bunt hajdamaków na Ukrainie 1768 г.». 2) Павелъ Младановичъ — «Rzeź humańska». 3) Турчанскій — «Opis krótki rzeźi w mieście Humaniu». 4) Вероника Кребсъ — «Уманская рѣзня», переводъ Ревы 1879 г. 5) Мощинскій «Pamiętnik do historii polskiej. 6) Безыменный базиліанинъ — «Opisanie klęski Humańskiej». «Кіевская Старина», мартъ 1882 г. 7) Охоцкій — «Pamiętniki», т. I, глава 12. 8) Гумпльовичъ «Konfederacia Barska» — переписка короля Станислава-Августа съ Ксаверіемъ Браницкимъ. 9) Рукописный отрывокъ изъ анонимнаго мемуара.

2) Липпоманъ, стр. 14; Записки Кребсъ, стр. 16.

„губернатора", выпросилъ ему помилованіе, уплатилъ въ судъ штрафъ въ 4000 злотыхъ, причитавшійся за его вину, и затѣмъ зачислилъ его въ уманскую надворную милицію [1]). Конечно, весь разсказъ Павла Младановича есть не болѣе, какъ эпизодъ, сочиненный имъ самимъ для того, чтобы изобразить въ болѣе черныхъ краскахъ характеръ Гонты; разсказъ этотъ не заслуживаетъ вѣроятія не только при сопоставленіи его съ разсказомъ его сестры, но и съ данными, сообщаемыми самимъ Младановичемъ [2]).

Мы не знаемъ, когда Гонта поступилъ на службу въ надворную козацкую милицію: во всякомъ случаѣ это должно было случиться за долго до катастрофы 1768 года, такъ какъ, по свѣдѣніямъ Кребсъ, за 11 лѣтъ до нея онъ уже занималъ должность старшаго въ ней сотника. Среди козаковъ этой милиціи онъ пользовался значительнымъ уваженіемъ и авторитетомъ, и шляхтичи, управлявшіе уманскимъ имѣніемъ, были увѣрены, что въ каждомъ затруднительномъ случаѣ мнѣнію Гонты и его вліянію вся уманская милиція готова повиноваться безпрекословно. Вслѣдствіе этого убѣжденія шляхтичи старались жить въ дружбѣ съ вліятельнымъ сотникомъ и обходились съ нимъ съ почетомъ, какъ съ равнымъ; впрочемъ, положеніе свое въ шляхетскомъ обществѣ Гонта поддерживалъ и личными своими качествами. Павелъ Младановичъ описываетъ его, по своимъ воспоминаніямъ, слѣдующими словами: „Гонта былъ козакъ видный, рослый и красивый, отличался постоянною удачею во

---

[1]) Записки Павла Младановича, стр. 106.

[2]) Г-жа Кребсъ была взрослою дѣвушкою (18 лѣтъ) во время уманской катастрофы, была лично хорошо знакома съ Гонтою и могла знать лучше его отношенія къ отцу, чѣмъ ея братъ, бывшій въ то время еще мальчикомъ. Притомъ невѣроятность разсказа Младановича явствуетъ изъ сопоставленія слѣдующихъ данныхъ: 1) Младановичъ—отецъ былъ назначенъ уманскимъ губернаторомъ въ 1757 году, слѣдовательно, по его словамъ, въ 1768 году Гонтѣ могло быть maximum 28—29 лѣтъ, между тѣмъ самъ Младановичъ разсказываетъ въ послѣдствіи, что у Гонты было 4 взрослыя дочери и сынъ. 2) Надворная милиція составлялась изъ осѣдлыхъ крестьянъ уманскаго имѣнія; еслибы губернаторъ и приписалъ къ ней лице постороннее, то наврядъ-ли можно допустить, чтобы это лице было выбрано въ сотники преимущественно передъ почетными односельцами. 3) Наконецъ солидарность Гонты съ громадою села Росошекъ, помимо записокъ Кребсъ, подтверждается еще надписью на церковной двери въ этомъ селѣ, свѣдѣніе о которой мы сообщимъ ниже.

всѣхъ своихъ предпріятіяхъ"[1]). Въ запискахъ Кребсъ мы находимъ такую-же его характеристику: „Гонта, говоритъ составительница этихъ записокъ, былъ красивый, представительный мущина и къ тому онъ не только говорилъ, но и превосходно писалъ по-польски, а воспитаніе его было таково, что и теперь (т. е. въ началѣ XIX ст.) его можно было-бы счесть за шляхтича"[2]). Благодаря этимъ качествамъ, Гонта, не смотря на крестьянское происхожденіе, принятъ былъ въ мѣстномъ кругу шляхетскаго общества и занялъ въ немъ даже видное положеніе, вслѣдствіе особеннаго къ нему благоволенія уманскаго владѣльца, воеводы Салезія Потоцкаго. По установленному обычаю, ежегодно 300 козаковъ изъ надворной уманской милиціи, подъ предводительствомъ сотника, отправлялись по очереди ко двору владѣльца въ его резиденцію—Кристинополь, находившуюся въ Червоной Руси, гдѣ исполняли при его особѣ службу, въ качествѣ придворной стражи. Во время этихъ командировокъ Гонта обратилъ на себя вниманіе Потоцкаго, сдѣлался его любимцемъ и довѣреннымъ лицемъ. Въ два похода Гонта пріобрѣлъ отъ воеводы грамоты, по которымъ послѣдній отказалъ въ его пожизненное владѣніе два богатыя села: его родину Росошки и сосѣднее село Орадовку, а села эти приносили въ то время ежегодно доходъ въ 20,000 злотыхъ; сверхъ того Потоцкій изъялъ Гонту и его сотню изъ зависимости отъ полковниковъ-шляхтичей, командовавшихъ уманскою милиціею и подчинилъ прямо власти губернатора[3]). Вслѣдствіе этихъ распоряженій Гонта сталъ возбуждать зависть шляхтичей, завѣдывавшихъ администраціею Уманщины; но, тѣмъ не менѣе, они, не исключая губернатора, обращались съ сотникомъ съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, такъ какъ въ средѣ ихъ установилось мнѣніе, что Потоцкій будто выслушиваетъ сообщенія Гонты о дѣйствіяхъ ихъ по управленію имѣніемъ и относится къ этимъ сообщеніямъ съ большимъ довѣріемъ.

Семейство Гонты жило въ то время въ его домѣ въ селѣ Росошкахъ; оно, по свѣдѣніямъ П. Младановича, состояло изъ жены,

---

[1]) Записки Младановича, стр. 78.

[2]) Записки Кребсъ, стр. 18.

[3]) Записки Кребсъ, стр. 17—18; П. Младановича, стр. 78; Липпоманъ, стр. 15; записки Мощинскаго, стр. 137.

четырехъ дочерей и сына; тотъ-же мемуаристъ сообщаетъ, въ весьма впрочемъ не ясныхъ выраженіяхъ, будто Гонта вступилъ въ бракъ не по собственному желанію, а по чьему-то принужденію, но будто въ послѣдствіи онъ примирился съ судьбою и былъ совершенно доволенъ своею семейною обстановкою [1]).

Приведенными фактами исчерпываются всѣ извѣстія, сообщаемые о Гонтѣ мемуаристами до рокового 1768 года. Изъ извѣстій этихъ явствуетъ, что, не смотря на милость владѣльца и уваженіе, которымъ пользовался Гонта въ средѣ окружавшей его шляхты, онъ не увлекся личною карьерою на столько, чтобы перейти въ шляхетскій лагерь и разорвать связь съ народомъ, изъ среды котораго вышелъ; тѣсная связь эта обозначается какъ признанною всѣми мемуаристами популярностью Гонты въ средѣ уманской милиціи, которой онъ былъ выборнымъ сотникомъ, такъ и его усердіемъ къ православной вѣрѣ, на которое мы имѣемъ два фактическія указанія. Въ 1860 году намъ случилось быть въ селѣ Росошкахъ, гдѣ въ старой деревянной церкви надъ дверью мы видѣли рѣзную надпись примѣрно слѣдующаго содержанія: „Церковь сія збудована коштомъ сотника Ивана Гонты и всей громады“ [2]). Въ мѣстечкѣ Володаркѣ, въ старой Воздвиженской церкви, въ числѣ церковныхъ ктиторовъ записанъ былъ и Иванъ Гонта съ женою, и портреты ихъ хранились въ церкви до 1847 года. Въ этомъ году старая церковь была разобрана и перенесена на другое мѣсто по желанію помѣщика; тогда, вѣроятно, въ собственность послѣдняго перешли и портреты ктиторовъ, въ томъ числѣ и портретъ Гонты, снимокъ съ котораго и помѣщается въ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины“.

Въ 1768 году Гонтѣ суждено было занять видную и трагическую роль въ исторіи края. Въ февралѣ этого года вспыхнула барская конфедерація; конфедераты, занявъ значительную часть воеводствъ: подольскаго, брацлавскаго и кіевскаго, стали понуждать землевладѣльцевъ къ доставкѣ въ помощь конфедераціи денегъ, провіанта и вооруженныхъ людей; въ Умани полученъ былъ универсалъ,

[1]) Записки П. Младановича, стр. 78.

[2]) За буквальную точность приводимой надписи мы не можемъ поручиться, ибо возстановляемъ ее по памяти, такъ какъ копія, снятая съ надписи, утерялась.

требовавшій присылки въ станъ конфедератовъ 30,000 злотыхъ, значительнаго фуража и 3,000 вооруженныхъ и форменно одѣтыхъ солдатъ, т. е., иными словами, всей надворной козацкой милиціи, и угрожавшій строгимъ взысканіемъ въ случаѣ ослушанія [1]). Универсалъ этотъ былъ препровожденъ на усмотрѣніе владѣтеля Уманщины, воеводы Салезія Потоцкаго, и управлявшій его имѣніемъ дворянинъ Младановичъ просилъ снабдить его инструкціями. Потоцкій не былъ расположенъ въ пользу конфедераціи, но съ другой стороны боялся, чтобы, въ случаѣ рѣзкаго отказа, его уманскія помѣстья не подверглись разоренію со стороны конфедератовъ, и потому занялъ двусмысленное положеніе. Онъ приказалъ Младановичу отвѣтить конфедератамъ, что онъ находитъ неудобнымъ послать имъ въ помощь свою козацкую милицію, такъ какъ на искреннее участіе козаковъ въ войнѣ съ русскими войсками невозможно положиться; но, въ замѣнъ милиціи, онъ обѣщалъ навербовать требуемое количество войска изъ шляхты и, вооруживъ ее на свой счетъ и снабдивъ мундирами, отправить въ помощь конфедераціи. Въ тоже время онъ приказалъ всю уманскую милицію расположить лагеремъ у рѣки Синюхи вдоль русской границы и вошелъ въ сношенія съ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Воейковымъ; послѣдній, по просьбѣ Потоцкаго, разрѣшилъ уманскимъ козакамъ отступить за русскую границу, въ случаѣ если-бы конфедераты заняли Умань [2]). Не довѣряя, впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ шляхтичамъ, управлявшимъ Уманщиною, симпатизировавшимъ конфедераціи, подобно всѣмъ лицамъ ихъ сословія, Потоцкій, помимо губернатора Младановича, снабдилъ Гонту особыми инструкціями относительно поведенія милиціи и вступилъ съ нимъ въ частную переписку. Одно изъ писемъ воеводы къ Гонтѣ было перехвачено и утаено Младановичемъ: мы не знаемъ, какія распоряженія заключались въ немъ, но несомнѣнно то, что Потоцкій обѣщалъ въ немъ Гонтѣ, въ награду за точное исполненіе своихъ инструкцій, выхлопотать дворянство и подарить нѣсколько селъ немедленно послѣ усмиренія конфедераціи [3]).

---

[1]) Записки П. Младановича, стр. 79.

[2]) Записки Мощинскаго стр. 138.

[3]) Записки Павла Младановича стр. 78, зап. Липомана стр. 32, зап. Тучапскаго стр. 135—136.

Между тѣмъ Младановичъ и другіе экономическіе урядники въ Умани, желая вмѣстѣ оказать помощь конфедераціи и исполнить формально распоряженія Потоцкаго, отправили милицію въ лагерь къ Синюхѣ, приказавъ командовавшимъ сю полковникамъ шляхтичамъ зорко слѣдить за поведеніемъ козаковъ вообще и въ особенности за дѣйствіями Гонты: затѣмъ они принялись весьма усердно подготовлять вооруженіе предположенной шляхетской милиціи. Они обложили всѣхъ крестьянъ Уманщины тяжелымъ налогомъ и за полученныя деньги стали пріобрѣтать оружіе и заготовлять мундиры: бѣлые жупаны, зеленыя шапки и куртки. Къ Младановичу стали съѣзжаться мѣстные шляхтичи на секретныя совѣщанія, являлись какія-то таинственныя лица для интимныхъ переговоровъ, по ночамъ въ экономическіе магазины привозили запасы оружія, сѣделъ и т. п. [1]).

Хотя всѣ эти приготовленія дѣлались въ тайнѣ, но слухи объ нихъ дошли до Потоцкаго и послѣдній рѣшился отправить довѣренное лице для повѣрки дѣйствій своихъ управляющихъ; выборъ его, впрочемъ, сдѣланъ былъ весьма неудачно. Въ Умань явился, въ качествѣ уполномоченнаго воеводы, белзскій мечникъ Цѣсельскій, человѣкъ, по словамъ современника, „весьма видной наружности, но скудный умомъ, лишенный храбрости и самостоятельности". Цѣсельскому поручено было: провѣрить расходы и не допустить растраты денегъ управляющими на предметы не разрѣшенные владѣльцемъ. Пріѣхавъ въ Умань, Цѣсельскій немедленно подчинился вліянію Младановича и окружавшей его шляхты; вмѣсто того, чтобы удержать ихъ отъ дѣйствій въ пользу конфедераціи, онъ сообщилъ имъ подробности о сношеніяхъ воеводы съ Гонтою и о томъ, что послѣдній сообщаетъ Потоцкому свѣдѣнія о ихъ поступкахъ [2]).

Извѣстіе это крайне взволновало шляхтичей: губернаторъ Младановичъ, главный кассиръ Рогашевскій и полковникъ милиціи Обухъ давно уже косились на Гонту, завидуя милости и довѣрію къ нему

[1]) Зап. Кребсъ, стр. 18—19; Зап. Павла Младановича, стр. 79; зап. Мощинскаго, стр. 139.

[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 137.

Потоцкаго и негодуя на то независимое отъ нихъ, самостоятельное и обезпеченное положеніе, котораго успѣлъ достигнуть козацкій сотникъ. Давно ихъ коробило отъ необходимости обращаться съ хлопомъ, какъ съ равнымъ себѣ урядникомъ; теперь, узнавъ, что Гонта противудѣйствуетъ ихъ конфедерацкимъ замысламъ и служитъ органомъ непонятныхъ для нихъ намѣреній воеводы, они рѣшились изобрѣсти всевозможныя мѣры для того, чтобы уронить его въ глазахъ владѣльца и, если возможно, совершенно погубить; но для этого необходимо было добыть факты обвиненія, и шляхтичи занялись этимъ весьма усердно. Они начали съ того, что уговорили Цѣсельскаго сдѣлать представленіе Потоцкому о томъ, что Гонта получаетъ вознагражденіе не по заслугамъ, что уманская касса терпитъ значительный уронъ, вслѣдствіе отдачи ему въ пользованіе двухъ богатыхъ селъ, и что было-бы справедливо, отнявъ у него эти села, назначить ему въ качествѣ сотника жалованье въ 100 злотыхъ, (т. е. 15 р.) въ годъ, которые болѣе чѣмъ достаточны для содержанія хлопа [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Младановичъ сталъ вызывать и тщательно собиралъ всевозможные доносы на сотника. Въ доносчикахъ не оказалось недостатка: нѣсколько евреевъ уманскихъ сообщили Цѣсельскому, будто въ лагерѣ Гонта уговариваетъ козаковъ вступить въ сношенія съ гайдамаками, но что въ осуществленіи этого намѣренія помѣшалъ ему скончавшійся недавно въ лагерѣ-же сотникъ Дашко, который будто сказалъ: „я не согласенъ, ибо семь недѣль будетъ вашего господства, а потомъ въ теченіи семи лѣтъ будутъ васъ вѣшать и четвертовать“ [2]). Получивъ этотъ доносъ, Цѣсельскій хотѣлъ было судить Гонту и приговорить къ висѣлицѣ; но другіе шляхтичи сообразили недостаточность уликъ и удержали его отъ рѣшительныхъ шаговъ, въ надеждѣ на болѣе вѣское обвиненіе. Новый доносъ, болѣе серьезный, не замедлилъ явиться; его прислалъ въ началѣ мая изъ лагеря полковникъ Обухъ. Онъ извѣщалъ, что Гонта по ночамъ уѣзжаетъ изъ лагеря въ свои села и тамъ проводитъ время въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ какими-то „заграничными особами“. Въ отвѣтъ на это донесеніе изъ Умани извѣстили Обуха, что сообщенія его не достаточны для того, чтобы

---

[1]) Зап. Мощинскаго, стр. 138.

[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 139.

казнить Гонту, и посовѣтовали болѣе тщательно слѣдить за нимъ, пресѣчь ему всякую возможность тайно сноситься съ посторонними лицами и, главное, стараться поймать въ расплохъ и арестовать „заграничныя особы“, буде таковыя появятся. Мы не знаемъ, какія мѣры были приняты Обухомъ, но онѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; нѣсколько дней спустя, въ лагерь козацкій пріѣхали какія-то духовныя лица изъ Кіева и заявили желаніе посѣтить Гонту. Обухъ распорядился немедленно арестовать ихъ, обыискать и доставить подъ сильнымъ карауломъ въ Умань вмѣстѣ съ найденными при нихъ бумагами. Узнавъ о случившемся, Младановичъ вызвалъ въ Умань Гонту, въ полной увѣренности, что нашелъ достаточныя улики для его гибели; но губернатору пришлось разочароваться. Оказалось, что духовныя арестованныя лица вовсе не занимались политикою; найденныя при нихъ бумаги заключали лишь полемическія разсужденія, направленныя противъ уніи, сѣтованія о томъ, что польское правительство воспрещаетъ православнымъ жителямъ Украйны ходить на поклоненіе въ кіевскія пещеры и, наконецъ, письмо какого-то духовнаго лица къ Гонтѣ, заключавшее исключительно заявленія дружескихъ чувствъ. Конечно, на основаніи всего найденнаго нельзя было Гонту ни казнить, ни судить, особенно въ виду расположенности къ нему Потоцкаго. Младановичъ нашелся въ затруднительномъ положеніи: чтобы выйти изъ него, онъ далъ пиръ въ честь Гонты, объяснилъ все дѣло недоразумѣніемъ Обуха и, вступивъ съ заподозрѣннымъ сотникомъ въ интимную бесѣду, предложилъ ему: или искренно поклясться въ вѣрности шляхтѣ, или сложить съ себя чинъ сотника и оставить милицію. Гонта отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ ни оставлять военной службы, ни нарушать вѣрности къ воеводѣ Потоцкому. На томъ противники и прекратили переговоры. Младановичъ, чувствуя пораженіе, отпустилъ Гонту съ честью въ лагерь, приказавъ тѣмъ не менѣе полковникамъ Обуху и Магнушевскому продолжать тщательный за нимъ надзоръ [1]).

Таковы были отношенія Гонты въ Уманщинѣ въ маѣ 1768 года, когда неожиданное событіе прервало сѣть шляхетскихъ интригъ противъ ненавистнаго имъ сотника. Въ концѣ мая въ Умань пришли

---

[1]) Зап. Павла Младановича, стр. 79—80.

первыя вѣсти о появленіи гайдамаковъ у Чигрина, но первоначально власти не обратили на эти слухи особеннаго вниманія; гайдамацкіе отряды, болѣе или менѣе крупные, каждую весну появлялись въ Украйнѣ и тревожили шляхтичей, но покушаться на болѣе сильно укрѣпленные города не дерзали. Въ числѣ украинскихъ крѣпостей Умань считалась сильнѣйшею: городъ былъ окруженъ рвомъ и валомъ съ палисадомъ; внутри его экономическій дворъ, устроенный въ видѣ цитадели, имѣлъ особыя укрѣпленія; двое городскихъ воротъ и валы кругомъ города были снабжены численною артиллеріею; наконецъ, гарнизонъ, состоявшій изъ пѣхоты подъ начальствомъ капитана Ленарта и надворная козацкая милиція представляли силы слишкомъ внушительныя для летучихъ гайдамацкихъ отрядовъ. Но на этотъ разъ тревожныя вѣсти вскорѣ стали принимать необычные размѣры: гайдамацкій набѣгъ ясно стремился перейти во всеобщее крестьянское возстаніе. Небольшой отрядъ Желѣзняка, заключавшій въ себѣ при первомъ появленіи только 18 человѣкъ, росъ по часамъ и мгновенно почти охватилъ весь юго-восточный уголъ Кіевщины, направляясь медленно къ западу; шляхта и евреи въ тревогѣ бѣжали подъ защиту крѣпостей: Бѣлой-Церкви, Лысянки и особенно Умани. Въ виду возраставшей паники, Младановичъ счелъ наконецъ нужнымъ въ началѣ іюня принять болѣе серьезныя мѣры предосторожности: онъ приказалъ запереть городскія ворота и не пропускать въ городъ никого безъ тщательнаго осмотра, отправилъ довѣренныхъ лицъ въ Бендеры для закупки у турецкаго паши пороха и ядеръ, въ которыхъ чувствовался недостатокъ, кругомъ города разставилъ стражу [1]) и наконецъ рѣшился пустить въ дѣло козацкую милицію. Младановичъ призвалъ ее изъ лагеря въ Умань и приказалъ всему полку на рынкѣ принести присягу на вѣрность владѣльцу, послѣ-же ея исполненія, онъ призвалъ къ себѣ полковниковъ: Обуха и Магнушевскаго и сотниковъ: Гонту, Уласенка и Ярему и, угощая ихъ усердно, уговаривалъ не измѣнять данной присягѣ, при чемъ обращался главнымъ образомъ къ Гонтѣ; послѣдній отвѣчалъ очень краснорѣчивыми увѣреніями въ своей неизмѣнной вѣр-

[1]) Зап. В. Младановича, стр. 81—82. «Кіевская Старина» 1882 г., т. I, стр. 523—524.

ности владѣльцу. Велѣдъ за тѣмъ къ Гонтѣ явилась депутація отъ уманскихъ евреевъ, поднесла ему блюдо червонцевъ и другіе богатые подарки и просила позаботиться о ихъ спасеніи. Младановичъ заключилъ миръ увѣреніемъ, что спасеніе города и всей Украйны зависитъ отъ Гонты, и далъ приказъ козакамъ выступать въ походъ [1]). Для насъ кажется очевиднымъ, что во всѣхъ переговорахъ Младановича съ Гонтою обѣ стороны не досказывали вполнѣ своей мысли и въ значительной мѣрѣ скрывали ее подъ общею среднею формулою присяги: Младановичъ, трактуя о вѣрности и требуя присяги на имя Потоцкаго, подразумѣвалъ вѣрность Рѣчи Посполитой, шляхтѣ и возникшей въ ея средѣ конфедераціи. Гонта, съ своей стороны, ограничиваясь строго формулою вѣрности воеводѣ, имѣлъ въ виду исключительно личность послѣдняго и, на основаніи бывшей переписки, могъ чувствовать себя совершенно не связаннымъ по отношенію къ шляхтѣ вообще, а тѣмъ болѣе къ конфедератамъ. Между тѣмъ обѣ стороны считали неудобнымъ открывать другъ другу вполнѣ свои побужденія и кружились въ заколдованномъ кругу недомолвокъ и взаимнаго недовѣрія. По крайней мѣрѣ иначе трудно объяснить и ту легкость, съ которою Гонта повторялъ требуемую присягу, и то недовѣріе, съ которымъ принималась присяга Младановичемъ, и ту нерѣшительность, вслѣдствіе которой онъ не осмѣлился принять сколько нибудь серьезныхъ мѣръ по отношенію къ Гонтѣ, не смотря на постоянно осаждавшія его подозрѣнія.

Выступивъ изъ Умани, козацкая милиція пошла по направленію къ Звенигородкѣ, такъ какъ получено было извѣстіе, что Желѣзнякъ взялъ Смѣлу и оттуда идетъ на Умань. Между тѣмъ количество бѣглецовъ, искавшихъ спасенія въ Умани, увеличивалось все болѣе и болѣе; они уже не мѣстились въ городѣ и расположились лагеремъ за его чертою; въ лагерѣ этомъ насчитывали до 6,000 шляхтичей, евреевъ и слугъ; между ними постоянно носились тревожныя вѣсти и паника быстро возрастала. На третій день послѣ выступленія изъ города милиціи, къ Младановичу явилась депутація изъ лагеря и сказала, что шляхтичи имѣютъ вѣрное из-

[1]) Зап. Липпомана, стр. 16—17; Зап. Павла Младановича, стр. 81; Зап. Тучапскаго, стр. 126; Зап. Кребсъ, стр. 19; Зап. Мощинскаго, стр. 140.

вѣстіе о соединеніи Гонты съ Желѣзнякомъ у Звенигородки. Потому шляхтичи совѣтуютъ, какъ можно скорѣе, призвать Гонту обратно и отрубить ему голову.

„Я не могу этого сдѣлать, отвѣчалъ Младановичъ, не потому что Гонта въ милости у пана, а потому, что у меня нѣтъ точныхъ доказательствъ его вины. Впрочемъ, я сейчасъ пошлю къ полковнику Обуху, чтобы онъ приказалъ сотникамъ пріѣхать въ Умань".

Сотники явились. Младановичъ публично повелъ разговоръ съ Гонтою и объявилъ ему, что получено извѣстіе объ его сношеніяхъ съ Желѣзнякомъ. Гонта, не вступавшій еще въ эти сношенія, по предположенію Липпомана, отрицалъ фактъ и требовалъ очной ставки съ обвинителемъ; но никто не явился, и Младановичъ замялъ дѣло и пригласилъ сотниковъ еще разъ принести присягу въ вѣрности.

„Послѣ этой церемоніи, говоритъ Кребсъ, я слышала разговоръ Гонты съ отцемъ и думаю, что всякій, услыхавъ его увѣренія въ вѣрности, подумалъ-бы, что Гонта о томъ только и думаетъ, *какъ-бы усилить къ себѣ расположеніе воеводы*" [1]). Того-же дня сотники опять уѣхали къ войску и въ городѣ настало тревожное затишье, прерываемое лишь глухими извѣстіями о приближеніи гайдамаковъ къ Умани. Гроза дѣйствительно приближалась: гайдамаки взяли Лысянку и перебили въ ней шляхтичей; лысянская козацкая милиція присоединилась къ нимъ, и они направились на Умань; въ уманскую волость они вступили съ сѣверо-востока, перебили шляхтичей въ мѣстечкѣ Букахъ и въ окружающихъ селахъ и направились къ мѣстечку Соколовкѣ. На пути Желѣзнякъ разглашалъ, будто онъ предпринялъ походъ на основаніи указа императрицы, что онъ пришелъ возстановить козачество, въ томъ числѣ и древній уманскій полкъ, что онъ намѣренъ изгнать всѣхъ пановъ изъ Украйны, Подоліи и Волыни и т. п. [2]). Послѣ занятія гайдамаками Соколовки, къ мѣстечку подступила и уманская милиція и остановилась вблизи его на ночлегъ; здѣсь только, по всему вѣроятію, между Желѣзнякомъ и Гонтою открылись переговоры. Полковникъ

---

[1]) Зап. Кребсъ, стр. 19—20; Зап. Липпомана, стр. 18—19; Зап. Павла Младановича, стр. 82.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 20; «Кіевская Старина», I, стр. 522.

Магнушевскій, объѣзжая ночью разставленные имъ вокругъ лагеря пикеты, узналъ, что они были сняты по приказанію Гонты: онъ отправился въ палатку своего товарища Обуха, разсказалъ ему замѣченный фактъ и предложилъ немедленно застрѣлить спящаго Гонту, но Обухъ воспротивился этому, вѣроятно опасаясь отвѣтственности передъ Потоцкимъ; между тѣмъ сотники Гонта и Уласенко успѣли войти въ сношенія съ Желѣзнякомъ [1]). Мы не находимъ въ мемуарахъ указанія на побужденія, которыми руководился Гонта, рѣшившись примкнуть къ движенію Желѣзняка; конечно, слухи о мнимой грамотѣ императрицы были слишкомъ наивны, чтобы могли сдѣлать на него впечатлѣніе, какъ справедливо замѣчаетъ Липпоманъ [2]), трудно также предполагать, чтобы инструкціи, данныя Гонтѣ Потоцкимъ, могли его побудить къ участію въ гайдамачествѣ; Потоцкій могъ ему предписывать уклоняться отъ участія въ конфедераціи, можетъ быть приказывалъ дѣйствовать противъ конфедератовъ или соединиться съ русскими войсками, но онъ не могъ предвидѣть движенія Желѣзняка и тѣмъ менѣе не могъ желать разоренія центральнаго города своихъ помѣстій и истребленія проживавшей въ нихъ шляхты. Очевидно, другія побужденія руководили Гонтою; скорѣе всего можно допустить, что въ переговорахъ съ Желѣзнякомъ онъ убѣдился, что послѣдній поднялъ возстаніе во имя осуществленія завѣтныхъ народныхъ идеаловъ: возстановленія козачества, изгнанія пановъ и истребленія уніи и счелъ своимъ долгомъ примкнуть къ общенародному дѣлу.

На слѣдующее утро послѣ ночлега у Соколовки, гайдамаки вышли изъ мѣстечка по направленію къ Умани, на встрѣчу имъ шли уманскіе козаки; но на пути они остановились по приказанію сотниковъ и послѣдніе обратились къ полковникамъ - шляхтичамъ, примѣрно съ слѣдующею рѣчью: „можете паны уѣхать прочь, мы не нуждаемся болѣе въ вашемъ присутствіи, совѣтуемъ вамъ: бѣгите, если хотите оставаться въ живыхъ; въ противномъ случаѣ погибнете если не отъ руки гайдамаковъ, то отъ нашей“. Затѣмъ сотники объявили, что кто желаетъ изъ козаковъ, можетъ удалиться

---

[1]) Зап. Липпомана, стр. 21: Зап. Мошинскаго, стр. 140—141; «Кіевская Старина», I, стр. 523.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 21.

вмѣстѣ съ полковниками. Обухъ и Магнушевскій быстро отъѣхали въ сторону и направились къ русской границѣ, которой достигли не безъ большой опасности; всѣ-же козаки подъ предводительствомъ Гонты соединились съ ополченіемъ Желѣзняка и вмѣстѣ направились къ Умани [1]).

Между тѣмъ въ городѣ въ теченіи четырехъ дней не было вовсе извѣстій ни о движеніи гайдамаковъ, ни о дѣйствіяхъ уманской милиціи. Наконецъ 18 іюня около 11 часовъ дня, изъ башни экономическаго двора замѣтили приближавшійся полкъ уманскихъ козаковъ; вслѣдъ за нимъ шло ополченіе Желѣзняка. Оба остановились въ виду города, Гонта и Желѣзнякъ дружелюбно привѣтствовали другъ друга и оба войска, соединившись, бросились на таборъ, расположенный внѣ городскихъ укрѣпленій, и стали истреблять находившихся въ немъ шляхтичей [2]). Губернаторъ Младановичъ совершенно растерялся; въ городѣ водворилась анархія и безпорядокъ; кое-какія мѣры для защиты приняты были лишь благодаря находчивости капитана гарнизона Лепарта и землемѣра Шафранскаго, служившаго нѣкогда въ арміи Фридриха II: они вооружили, чѣмъ попало, дворянъ, слугъ, евреевъ и учениковъ базиліанскаго училища, размѣстили ихъ за палисадами и открыли пушечную пальбу по нападавшимъ. Перестрѣлка продолжалась въ теченіи 30 часовъ; но средства осажденныхъ быстро изсякли. Въ слѣдующее утро Шафранскій заявилъ Младановичу, что запасы пороху и картечи истощились; притомъ въ городѣ не было воды, колодезь, начатый за нѣсколько дней назадъ, на глубинѣ 30 саженъ, наткнулся на скалу, но воды въ немъ не оказалось; осажденные должны были утолять жажду медомъ, вишневкою и виномъ, отъ которыхъ хмѣлѣли и увеличивали безпорядокъ; сверхъ того ночью изъ города сбѣжали къ Гонтѣ всѣ солдаты гарнизона, экономическіе слуги и арестанты, содержавшіеся въ экономической тюрьмѣ, и выпущенные на волю милиціонерами [3]). Получая эти

[1]) Зап. Тучапскаго, стр. 127; Зап. Мощинскаго, стр. 141; «Кіевская Старина», I, стр. 523.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 25—26; Зап. Младановича, стр. 83—84; Зап. Кребсъ, стр. 20—21; Зап. Мощинскаго, стр. 141—142; «Кіевская Старина», I, стр. 524.

[3]) Зап. Липпомана, стр. 26—27; Зап. П. Младановича, стр. 83—85; Зап. Тучапскаго, стр. 128; Зап. Кребсъ, стр. 21—22; «Кіевская Старина», I, стр. 524.

неутѣшительныя извѣстія, Младановичъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ защиты и еще ночью уговорилъ купцевъ евреевъ отправить Гонтѣ и Желѣзняку въ подарокъ нѣсколько возовъ дорогихъ матерій и начать переговоры объ условіяхъ капитуляціи. Предводители гайдамаковъ приняли подарки, но переговоры отложили до утра [1]). На слѣдующій день Гонта, привязавъ бѣлый платокъ къ копью, подъѣхалъ къ воротамъ и предложилъ возобновить переговоры объ условіяхъ сдачи; онъ требовалъ, чтобы Младановичъ вышелъ къ нему лично и приказалъ-бы открыть ворота; разтерявшійся губернаторъ исполнилъ это требованіе, онъ пошелъ къ воротамъ на встрѣчу Гонтѣ въ сопровожденіи мѣщанъ, несшихъ хлѣбъ и соль. У воротъ произошла безпорядочная сцена, различно разсказываемая мемуаристами. Изъ сопоставленія сообщаемыхъ ими извѣстій, весьма впрочемъ противурѣчивыхъ въ частностяхъ, несомнѣнно то, что вслѣдствіе анархіи, воцарившейся среди шляхты, переговоры не могли состояться; шляхетская старшина: губернаторъ Младановичъ, капитанъ Лепартъ, кассиръ Рогашевскій, хорунжій Марковскій и друг. вышли на встрѣчу Гонтѣ, не условившись предварительно между собою; когда ворота были отворены и Гонта и Желѣзнякъ въ сопровожденіи козацкой старшины въѣхали въ нихъ, одни шляхтичи пытались было вступить въ переговоры, другіе прерывали ихъ бранью, иные порывались палить изъ пушекъ, другіе отталкивали ихъ и ложились на пушки. Младановичъ, хотѣвшій было предложить Гонтѣ условія, не могъ говорить среди шума; исполненный досады и отчаянія, онъ обратился къ шляхтѣ: „помышляйте-же сами о себѣ, я иду въ церковь и предаю себя Господу!“ и затѣмъ ушелъ къ костелу [2]). Между тѣмъ, пока шляхтичи ссорились и шумѣли, вслѣдъ за старшиною вошла въ городъ толпа народа и разсыпалась по улицамъ; началась кровавая расправа, извѣстная подъ именемъ „Уманской рѣзни“. Мы не станемъ передавать подробностей этого дѣла, изобильно разсказанныхъ всѣми мемуаристами, а остановимся лишь на тѣхъ фактахъ, кото-

---

[1]) Зап. Мощинскаго, стр. 142—143.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 27—29; Зап. П. Младановича, стр. 85—86; Зап. Тучанскаго, стр. 128—130; Зап. Мощинскаго, стр. 142—143; «Кіевская Старина», I, стр. 525.

рые относятся лично къ Гонтѣ и очерчиваютъ его отношеніе къ излишествамъ народной мести. Не смотря на то, что факты эти мы въ состояніи заимствовать исключительно изъ источниковъ крайне непріязненныхъ для Гонты и желающихъ свалить по преимуществу на него отвѣтственность за варварскія убійства, происходившія въ Умани, всматриваясь въ передаваемыя мемуаристами данныя, мы видимъ въ дѣйствіяхъ Гонты гораздо болѣе желанія смягчить расправу, чѣмъ усилить ее, и во многихъ случаяхъ онъ очевидно прибѣгаетъ къ всевозможнымъ компромисамъ и хитростямъ для того, чтобы исторгнуть ту или другую жертву отъ ярости народнаго озлобленія; онъ старается оттянуть время, дѣлаетъ распоряженія будто грозныя для жертвъ, но въ сущности имѣвшія цѣлью спасти ихъ и т. п. Принявъ во вниманіе составъ овладѣвшаго Уманью ополченія и отношенія къ нему Гонты, мы не можемъ относить къ его личному вліянію того кроваваго характера, который приняла расправа. Масса народа, нахлынувшая въ Умань, состояла изъ крестьянъ, сбѣжавшихся изъ всей южной Кіевщины: крестьяне эти, томившіеся долго въ тяжелой крѣпостной зависимости, раздраженные недавними событіями, направленными къ насильственному введенію уніи, представляли массу разъяренную и озлобленную и уже по степени своего развитія не способную ни сдерживать своихъ страстей, ни подчиниться правильному руководству своихъ вождей. Притомъ, какъ ни былъ популяренъ Гонта, вліяніе его ограничивалось предѣлами Уманщины и для большинства возставшихъ крестьянъ онъ былъ человѣкъ чужой и не авторитетный. Дать направленіе движенію, сдержать чувство народной мести, онъ не имѣлъ возможности и на немъ не можетъ лежать отвѣтственность за общій характеръ событій. Чтобы уяснить его личный образъ дѣйствій, посмотримъ, на какіе факты указываютъ его враги. Самый враждебный къ Гонтѣ изъ всѣхъ мемуаристовъ, Павелъ Младановичъ, приписываетъ ему лично два убійства: кассира Рогашевскаго и своей тетки Констанціи Янкевичовой; но въ первомъ случаѣ Младановичъ противурѣчитъ самъ себѣ, такъ какъ онъ самъ сообщаетъ приказъ данный Гонтою о томъ, чтобы пощадить семейство Рогашевскаго, относительно-же Янкевичевой, сестра Младановича, видѣвшая ея смерть, сообщаетъ, что она была убита какимъ-то неизвѣстнымъ крестьяниномъ, въ то время, когда, въ числѣ другихъ

женщинъ ее препровождали въ церковь по приказанію Гонты [1]). Затѣмъ Тучапскій утверждаетъ, что Гонта приказалъ привести къ себѣ губернатора Младановича, упрекалъ его въ утайкѣ важнаго письма, писаннаго воеводою къ Гонтѣ, и въ заключеніе нанесъ ему ударъ саблею, а затѣмъ приказалъ окружавшимъ убить его; но Павелъ Младановичъ, сопровождавшій отца во время этого разговора, ничего подобнаго не слышалъ; онъ утверждаетъ, что Гонта требовалъ отъ Младановича передачи кассы и вслѣдствіе его отказа, выдалъ его окружавшимъ козакамъ [2]). Кромѣ этихъ трехъ сбивчивыхъ, противурѣчивыхъ и не ясныхъ указаній, ни одинъ мемуаристъ не приводитъ ни одного не только лично Гонтою совершеннаго убійства, но даже исходившаго отъ него смертнаго приговора, между тѣмъ какъ въ разсказахъ ихъ постоянно просвѣчиваютъ свидѣтельства объ усиліяхъ Гонты спасти какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя группы шляхтичей. Такъ Тучапскій свидѣтельствуетъ, что Гонта приказалъ пощадить эконома Скаржинскаго; но крестьяне, ненавидѣвшіе его за крайнюю строгость, убили его выстрѣлами изъ толпы, помимо запрета Гонты [3]). Младановичъ и Кребсъ разсказываютъ согласно о томъ, что, явившись въ костелъ, куда укрылись многіе шляхтичи и гдѣ уже началась рѣзня, Гонта приказалъ вывести изъ него нѣсколько семействъ, въ томъ числѣ и семейство Младановича, обѣщая спасти ихъ. Выведенныхъ изъ костела препроводили частью въ домъ мѣщанина Богатого, частью въ экономическій дворъ, ихъ сопровождали козаки, назначенные Гонтою, которые, проходя среди толпы, кричали: „не тронь!“ Затѣмъ, явившись самъ въ домъ Богатого и замѣтивъ, что гайдамаки въ него врываются и обращаютъ вниманіе на спасенныхъ, онъ отвелъ Младановича въ заднюю комнату и сказалъ ему: „сиди здѣсь, будешь въ безопасности“. Желая предохранить отъ разъяренной толпы дѣтей и женщинъ уведенныхъ въ экономическій дворъ, онъ приказалъ ихъ отвести въ церковь, гдѣ священникъ прочелъ надъ ними молитву и окропилъ ихъ водою; толпѣ было сообщено, что лица эти приняли крещеніе по православному обря-

---

[1]) Зап. П. Младановича, стр. 87 и 94; Зап. Кребсъ, стр. 23.

[2]) Зап. Тучапскаго, стр. 135—136; Зап. П. Младановича, стр. 90—91.

[3]) Зап. Тучапскаго, стр. 136.

ду и что воспріемниками ихъ были Гонта и Желѣзнякъ. Мальчика Младановича, будущаго мемуариста, Гонта поручилъ безотступному попеченію козака Шило, который его охранялъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, объявляя всѣмъ: „то ляцка дитына, дарована житьемъ видъ Гонты". Когда явились изъ одного изъ окрестныхъ селъ крестьяне, преданные семьѣ Младановичей, онъ приказалъ выдать имъ и позволилъ увести изъ Умани трое спасенныхъ дѣтей. Наконецъ когда страсти успокоились, Гонта приказалъ вывести на улицу всѣхъ, скрывавшихся во время погрома, и каждому поименно объявилъ, что жизни его не угрожаетъ болѣе опасность. Записывая послѣднюю сцену, Младановичъ прибавляетъ, что Гонта случайно замѣтилъ во время разговора лежавшіе на улицѣ трупы убитыхъ дѣтей, страшно поблѣднѣлъ и приказалъ немедленно похоронить ихъ [1]).

Факты, подобные приведеннымъ, разсѣяны въ значительномъ количествѣ въ мемуарахъ и они, независимо отъ воли сообщающихъ ихъ лицъ, возстановляютъ человѣчный образъ ненавистнаго для шляхтичей уманскаго сотника.

Погромъ продолжался два дня, наконецъ страсти улеглись; нужно было приступить къ устройству края и къ продолженію начатыхъ дѣйствій. О дѣятельности Гонты въ теченіи трехъ недѣль, послѣдовавшихъ за взятіемъ Умани, мы имѣемъ только весьма скудные намеки, тѣмъ не менѣе въ нихъ ясно обозначается направленіе къ тому порядку, который стремился осуществить возставшій народъ и его вожди. Послѣ взятія Умани только въ теченіи трехъ недѣль они имѣли возможность свободно распоряжаться въ краѣ; въ это время они приняли мѣры дла того, чтобы распространить движеніе на возможно широкомъ пространствѣ: изъ крестьянъ формировали отряды и разсылали ихъ въ разныя стороны: въ Брацлавщину, на границы Подолія и Полѣсья, съ порученіемъ изгнать или истребить шляхтичей. Въ Умани созвана была рада для выбора войсковой старшины, на ней, по козацкому обычаю, при пушечной и ружейной пальбѣ, провозглашены были: Желѣзнякъ гетманомъ и Гонта уманскимъ полковникомъ; (о другихъ должностныхъ лицахъ

---

[1]) Зап. И. Младановича, стр. 87—100 и 103; Зап. Кребсъ, стр. 22—24.

до насъ не дошли свѣдѣнія [1]). Уманщина раздѣлена была на сотни и въ каждую отправленъ сотникъ, который долженъ былъ регулировать доставку военнаго контингента и завѣдывать сборомъ провіанта и податей, въ этомъ смыслѣ разосланы были по селамъ указы за подписью Гонты [2]). Уніатскимъ священникамъ предписано было или оставить приходы, или присоединиться къ православію, испросивъ у переяславскаго епископа уставныя грамоты и антиминсы [3]). Затѣмъ приступлено было къ очисткѣ города отъ труповъ; часть козацкаго войска заняла въ качествѣ гарнизона Умань, другая выведена была за городъ въ лагерь. Гонта старался поддерживать въ войскѣ бодрость духа и веселіе: онъ раздѣлилъ между козаками богатую добычу, старался о правильномъ снабженіи лагеря провіантомъ и по временамъ устраивалъ пиры съ музыкою и танцами, на которые приглашалъ безъ различія всѣхъ жителей города, въ томъ числѣ и уцѣлѣвшихъ дамъ шляхетскаго сословія [4]). Не смотря на эту дѣятельность, Гонта однако сознавалъ всю трудность прочнаго водворенія козачества; онъ по временамъ былъ безпокоенъ и задумчивъ и говорилъ къ окружавшимъ: „Братья! сомнѣваюсь, пойдетъ-ли въ прокъ начатое дѣло" [5]).

Дѣйствительно сомнѣнія Гонты оправдались раньше, чѣмъ онъ полагалъ, и гроза наступила съ той стороны, откуда менѣе всего она ожидалась. Русское правительство сочло необходимымъ принять участіе въ водвореніи порядка въ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, и снабдило соотвѣтственными инструкціями генерала Кречетникова, осаждавшаго въ то время отрядъ конфедератовъ въ Бердичевѣ. Кречетниковъ отправилъ въ Умань полкъ донскихъ козаковъ подъ начальствомъ полковника Гурьева [6]), съ

---

[1]) Зап. Тучапскаго, стр. 137.

[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 145; зап. П. Младановича, стр. 103.

[3]) «Кіевская Старина» I, стр. 528.

[4]) Зап. П. Младановича, стр. 101—102; Зап. Тучапскаго, стр. 137—138.

[5]) Зап. Тучапскаго, стр. 138.

[6]) Польскіе мемуары передають различно фамилію русскаго начальника, разсѣявшаго гайдамаковъ; его называютъ то Кречетниковъ, то Кологривовъ, то Кривой, то Полькянъ и т. д. Имя Гурьева сохранилось только въ Запискахъ Мощинскаго, затѣмъ оно подтверждается оффиціальнымъ рапортомъ Браницкаго королю, отъ 10 іюля. Зап. Мощинскаго, стр. 145. Gumplowicz—Konfederacija Barska, стр. 38.

порученіемъ усмирить возставшихъ крестьянъ и вслѣдъ за Гурьевымъ послалъ туда-же отрядъ пѣхоты. Гурьевъ, прибылъ къ Умани и расположился рядомъ съ лагеремъ Желѣзняка; онъ вступилъ въ пріятельскія отношенія съ предводителями возстанія, посѣщалъ часто Гонту и Желѣзняка, предлагалъ имъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ конфедератовъ, обѣщалъ свою помощь для изгнанія шляхты изъ Волыни и давалъ совѣты относительно устройства войска и введенія правильнаго военнаго порядка. Дружелюбныя отношенія продолжались въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока Гурьевъ не былъ извѣщенъ, что въ подкрѣпленіе ему приближается полкъ пѣхоты. Узнавъ объ этомъ, онъ устроилъ пиръ для всего войска и приказалъ донцамъ усердно угощать украинцевъ и въ тоже время незамѣтно овладѣть складомъ ихъ оружія и угнать ихъ лошадей; между тѣмъ подходившая пѣхота окружала цѣпью веселившійся лагерь. Среди этихъ приготовленій Гонта, Желѣзнякъ и другіе козацкіе старшины приглашены были въ палатку Гурьева, откуда, по условію, они должны были отправиться погостить въ домъ Гонты въ Росошки. Вдругъ, Гурьевъ, бесѣдовавшій дружелюбно съ своими посѣтителями, подалъ условный знакъ и въ палатку вошли вооруженные донцы, бросились на старшину и перевязали ее, въ туже минуту пѣхота сомкнула цѣпь и вмѣстѣ съ донцами бросилась на пировавшихъ козаковъ. ихъ хватали въ расплохъ, вязали, забивали въ кандалы; многіе успѣли бѣжать, другіе пытались защищаться, но были подавлены [1]). Къ утру лагерь украинцевъ уже не существовалъ и 900 плѣнниковъ находилось во власти Гурьева [2]).

Такимъ образомъ исполнено было приказаніе данное Гурьеву. Правительство, отъ котораго оно исходило, руководилось конечно соображеніями высшей политики, болѣе или менѣе просвѣчивающими въ перепискѣ Румянцева съ Панинымъ и коллегіею иностранныхъ

---

[1]) Зап. Липпомана, стр. 42—45; Зап. П. Младановича, стр. 107—111; Зап. Тучанскаго, стр. 141—143; Зап. Кребсъ, стр. 28—30; Зап. Мошинскаго; стр. 145—148.

[2]) Изъ росписки комендапта кіевской крѣпости Лбова, мы знаемъ, что онъ принялъ 68 плѣнниковъ, присланныхъ Гурьевымъ; въ рапортѣ Браницкаго королю показано число плѣнныхъ, переданныхъ Гурьевымъ въ распоряженіе польскихъ властей—846.

дѣлъ, и имѣло свои основанія принять данный образъ дѣйствія; но въ самыхъ пріемахъ усмиренія возставшихъ крестьянъ не менѣе замѣтны личное настроеніе и точка зрѣнія русскихъ офицеровъ, исполнявшихъ приказанія правительства. Донской полковникъ Гурьевъ и прибывшіе вслѣдъ за усмиреніемъ возстанія въ Умань генералы Кречетниковъ и Подгоричанинъ относятся къ плѣннымъ крестьянамъ и козакамъ съ крайнимъ презрѣніемъ и негодованіемъ и напротивъ заявляютъ весьма нѣжную симпатію къ шляхтичамъ; они какъ будто не сознаютъ, что возставшіе крестьяне связаны съ Россіею узами вѣры и народности, что если возстаніе и было несвоевременно и съ политической точки зрѣнія не желательно для русскаго правительства, то тѣмъ не менѣе оно исходило изъ желанія отстоять свои народныя права, опиралось на симпатію къ Россіи и прикрывалось именемъ императрицы. Русскіе офицеры не обращаютъ вниманія на все это; они видятъ въ возставшихъ лишь бунтующихъ крѣпостныхъ, въ шляхтичахъ—обиженныхъ дворянъ и потому, въ обращеніи съ плѣнными, они лично отъ себя прибавляютъ мѣры строгости и произвольныя наказанія, далеко не вытекавшія изъ служебныхъ обязанностей. Такъ Павелъ Младановичъ, оставившій самыя подробныя свѣдѣнія о первыхъ дняхъ ареста Гонты, съ радостью и похвалою описываетъ подробно дѣйствія Гурьева. Онъ сообщаетъ, что сейчасъ послѣ ареста полковникъ нанесъ собственноручно сильные побои Гонтѣ, а затѣмъ приказалъ передъ своею палаткою отсчитать по 300 ударовъ Гонтѣ, Желѣзняку и остальнымъ плѣннымъ старшинамъ. По словамъ мемуариста, наказаніе этимъ не ограничилось: въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока плѣнники не были сданы польскимъ властямъ, Гонта подвергался тѣлесному наказанію по три раза въ сутки; все тѣло его покрыто было язвами, говоритъ съ торжествомъ Младановичъ, и полковникъ провожалъ съѣзжавшуюся въ его лагерь шляхту, къ ямѣ, въ которой содержался Гонта, и указывалъ имъ плѣнника; сверхъ того жена и четыре дочери сотника были арестованы донцами, доставлены въ лагерь, нѣсколько разъ наказаны публично розгами за то, что не донесли объ измѣнѣ мужа и отца, и затѣмъ отправлены въ ссылку; сынъ Гонты спасся бѣгствомъ въ Молдавію, вмѣстѣ съ сотникомъ Уласенкомъ. Движимое имущество Гонты было конфисковано и Младановичъ сѣтуетъ только на то, что Кречетниковъ не выдалъ его потерпѣвшимъ шляхтичамъ, а

присвоилъ себѣ въ качествѣ военной добычи [1]). Мы не имѣемъ возможности провѣрить, насколько Младановичъ преувеличилъ разсказываемые имъ факты, но подтвержденіе общаго колорита ихъ находимъ въ Запискахъ Кребсъ; она сообщаетъ, что генералъ Подгоричанинъ посѣтилъ ее въ селѣ, гдѣ она скрывалась, очень заинтересовался ея участью, перевезъ въ Умань, обезпечилъ ей содержаніе и, уходя въ походъ, со слезами просилъ Кречетникова взять ее подъ свое покровительство. Утѣшая спасенную Гонтою-же дѣвушку, Кречетниковъ привелъ ее, вмѣстѣ съ братомъ, въ палатку, гдѣ она увидѣла Гонту окованнаго по рукамъ и по ногамъ, лежавшаго лицемъ къ землѣ, но одѣтаго еще въ свое форменное платье уманской милиціи. „Кречетниковъ толкнулъ его палкою въ голову, Гонта приподнялся; тогда генералъ, указывая на насъ, сказалъ: посмотри на этихъ несчастныхъ сиротъ! Гонта съ минуту смотрѣлъ на насъ, потомъ отвернулся и крикнулъ: чортъ ихъ бери! и снова уткнулся лбомъ въ землю" [2]).

Послѣ нѣсколькихъ дней мучительнаго плѣна, Гурьевъ передалъ Гонту, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, уроженцами польской Кіевщины, подъ стражу отряда польскаго войска, и они были препровождены въ главную польскую военную квартиру, находившуюся въ селѣ Сербахъ въ окрестности Могилева на Днѣстрѣ.

Здѣсь плѣнные ожидали суда въ теченіи мѣсяца, пока начальникъ польскаго войска сносился съ королемъ и пока установилась точка зрѣнія на предстоящій процессъ [3]). Въ то время главнымъ начальникомъ незначительныхъ военныхъ силъ, которыми Польша располагала въ юго-западномъ краѣ, былъ ловчій коронный Ксаверій Браницкій, личный другъ короля Станислава Понятовскаго; онъ имѣлъ спеціальное порученіе дѣйствовать противъ конфедератовъ; съ этою цѣлью онъ расположилъ свои небольшія силы вдоль по теченію Днѣстра, для того, чтобы пресѣчь сношенія конфедератовъ съ Молдавіею, гдѣ находились въ то время конфедератскіе па-

[1]) Зап. Павла Младановича, стр. 111—114.

[2]) Зап. Кребсъ, стр. 27—28.

[3]) Gumplowicz—Konfederacija Barska. Стр. 38, 68. Браницкій извѣщаетъ короля 10 іюля о присылкѣ Гурьевымъ плѣнныхъ и только 13 августа присылаетъ рапортъ объ ихъ казни.

чальники и резервы, и куда укрывались партіи конфедератовъ послѣ каждаго пораженія. Былъ-ли Браницкій исключительно занятъ своимъ дѣломъ, или считалъ свои силы слишкомъ слабыми, или, можетъ быть, полагалъ, что крестьянское возстаніе, грозное для конфедератовъ, случилось на руку для польскаго правительства, во всякомъ случаѣ онъ не тронулся съ мѣста при вѣсти о народномъ возстаніи и не принялъ никакихъ мѣръ для его подавленія. Между тѣмъ теперь, совершенно противъ воли, ему пришлось стать судьею плѣнныхъ крестьянъ. Какъ видно изъ дошедшей до насъ переписки Браницкаго съ королемъ, онъ былъ человѣкъ для своего времени либеральный и гуманный, не раздѣлялъ фанатическихъ и эксклюзивныхъ воззрѣній шляхты и, по врожденной мягкости права, чувствовалъ отвращеніе отъ жестокой расправы. Роль уголовнаго военнаго судьи претила ему и онъ старается смягчить ее, по мимо напора общественнаго шляхетскаго мнѣнія. Въ письмѣ къ королю отъ 10 іюля, извѣщая о присланныхъ плѣнникахъ, онъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ свои взгляды и свое положеніе въ этомъ дѣлѣ: „Здѣсь господствуетъ всеобщая радость: окрестные помѣщики и евреи постоянно меня осаждаютъ, совѣтуютъ четвертовать, жечь, сажать на колъ, вѣшать безъ милосердія, только и слышу: „казни! распни“! Я объясняю, что только часть виновныхъ прикажу казнить, остальныхъ-же отправлю для крѣпостныхъ работъ и для устройства мостовыхъ въ городахъ; но они продолжаютъ настаивать. Въ другое время я не сталъ-бы ихъ и слушать, но теперь я долженъ дѣлать уступки, ибо слышатся уже намеки, будто весь бунтъ произошелъ по нашему наущенію; тѣ лица, которыя бѣжали толпами за границу при появленіи двухъ-трехъ гайдамаковъ, теперь, видя ихъ въ плѣну, проявляютъ неимовѣрное рвеніе и мужество и добиваются чести быть палачами; совѣтуютъ мнѣ, по примѣру Потоцкаго [1]), перерѣзать поголовно, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, тѣ села, которыя были причастны къ бунту; напрасно я поставляю имъ на видъ, что въ слабо населенной области нельзя истреблять населенія... Я намѣренъ поступить такъ: нѣкоторыхъ гайдамаковъ прикажу казнить для удовольствія господъ помѣ-

---

[1]) Это упоминаніе относится къ гетману Іосифу Потоцкому, усмирившему крестьянскій бунтъ въ Брацлавщинѣ въ 1702 году.

щиковъ, остальныхъ-же (а ихъ наберется болѣе тысячи) отправлю для исполненія крѣпостныхъ и городскихъ работъ въ Каменецъ, Львовъ и вашей королевской милости въ Уяздовъ[1]). Король одобрилъ въ принципѣ человѣколюбивый взглядъ Браницкаго, но замѣтилъ, что онъ не имѣетъ ни войска для охраны многочисленныхъ плѣнниковъ, ни денегъ для ихъ прокормленія, затѣмъ обѣщалъ постараться добыть средства. Понуждаемый новыми письмами Браницкаго, онъ наконецъ отвѣтилъ: „мысль объ обращеніи плѣнныхъ хлоповъ къ исполненію работъ общественныхъ и моихъ частныхъ прекрасна, но возможна при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, не теперь . . . если вамъ впредь будутъ попадаться плѣнники изъ бунтующихъ крестьянъ, то прикажите одному изъ десяти отрубить по одной ногѣ и по одной рукѣ и всѣхъ выпускайте. Эта мѣра устрашитъ ихъ болѣе, чѣмъ смертная казнь; въ доказательство ея пользы есть примѣры въ прошедшемъ" [2]).

Такимъ образомъ рѣшена была участь плѣнныхъ. Браницкій, уступая общественному мнѣнію шляхтичей и не находя поддержки у короля, назначилъ военносудную коммисію; послѣдняя опредѣлила 700 человѣкъ повѣсить въ различныхъ селахъ и городахъ юго-западнаго края; предводители-же подверглись „для примѣра, жесточайшей казни", по выраженію Браницкаго; послѣдній все таки помиловалъ нѣсколько сотъ человѣкъ, отправивъ ихъ на работы въ каменецкую и львовскую крѣпости. „Пусть доброта вашей королевской милости извинитъ мнѣ это ослушаніе его воли, пишетъ онъ въ рапортѣ отъ 13 августа, но я не могу вынести мысли о томъ, чтобы казнить смертью столько людей изъ за того только, что намъ нечѣмъ прокормить ихъ" [3]).

Въ числѣ начальниковъ, казненныхъ „жесточайшимъ образомъ для примѣра", конечно, первое мѣсто занималъ Гонта. Приговоръ коммисіи присудилъ его къ слѣдующему роду смерти: казнь должна продолжаться 14 дней; въ теченіи первыхъ десяти палачь долженъ ежедневно снять съ его спины полосу кожи, въ 11-й день отрубить

---

[1]) Gumplowicz, стр. 38—39. Уяздовъ—вилла въ окрестности Варшавы, гдѣ король тогда строилъ дворецъ и заводилъ паркъ.

[2]) Ibid. стр. 41—42, 49—50, 58 и 74.

[3]) Ibid. стр. 68.

обѣ ноги, въ 12-й обѣ руки, въ 13-й вырвать сердце и наконецъ въ 14-й отрубить голову. Затѣмъ части его тѣла должны быть прибиты къ висѣлицамъ, воздвигнутымъ въ 14 городахъ Украйны [1]. Браницкій смягчилъ этотъ приговоръ тѣмъ, что приказалъ обезглавить Гонту на третій день и продолжать исполненіе дальнѣйшей казни на трупѣ. Затѣмъ, не будучи въ состояніи выносить этого зрѣлища, онъ уѣхалъ изъ лагеря въ Каменецъ, откуда и послалъ рапортъ королю [2].

О послѣднихъ минутахъ Гонты осталось нѣсколько характеристическихъ разсказовъ. Младановичъ сообщаетъ, что Браницкій дозволилъ нѣсколькимъ духовнымъ лицамъ напутствовать его передъ смертью [3]. Тучапскій говоритъ, что „Гонта перенесъ справедливую казнь съ полною рѣшимостью и приготовился къ ней надлежащимъ образомъ“ [4]. Охоцкій, со словъ очевидцевъ, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Гонта вышелъ на мѣсто казни съ лицемъ веселымъ и спокойнымъ, будто онъ шелъ къ куму на крестины. Палачь оторвалъ ему полосу кожи, кровь брызнула, но лице гайдамаки не измѣнилось; оторвали другую полосу кожи, тогда Гонта сказалъ зрителямъ: „Отъ говорили, що буде болиты,—а ни кришки не болить!“ Удивительная сила воли!- въ другомъ положеніи человѣкъ этотъ несомнѣнно могъ-бы совершить великія дѣла“ [5]. Наконецъ неизвѣстный шляхтичъ, частью записокъ котораго мы пользуемся въ рукописи, передаетъ со словъ офицера, присутствовавшаго при казни, слѣдующую черту, свидѣтельствующую о томъ, что самообладаніе и даже юморъ не оставили Гонту до послѣдней минуты: „Плѣнника сторожилъ по ночамъ одинъ изъ товарищей панцырной хоругви. Послѣ прочтенія приговора, на канунѣ казни, товарищъ этотъ, подозрѣвавшій, что Гонта припряталъ кое-что изъ добычи, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Панъ полковникъ! завтра

---

[1] По свидѣтельству Младановича много лѣтъ спустя виднѣлся еще черепъ Гонты, прибитый къ висѣлицѣ у города Могилева, стр. 115.

[2] Зап. П. Младановича, стр. 115; Зап. Тучапскаго, стр. 145; Зап. Кребсъ, стр. 31; Зап. Мощинскаго, стр. 149. Рукописныя записки анонима.

[3] Зап. П. Младановича, стр. 115.

[4] Зап. Тучапскаго, стр. 145.

[5] Зап. Охоцкаго, т. I, стр. 108.

все земное будетъ кончено для васъ; не найдете-ли возможнымъ оставить что-либо на память не богатому воину, который проводитъ съ вами послѣднія минуты?"—„Охотно, отвѣчалъ Гонта, напомните мнѣ завтра, я вамъ подарю поясъ". Товарищъ всю ночь мечталъ о богатомъ поясѣ изъ златоглава и на другой день, лишь только Гонту вывели изъ темницы, онъ обратился къ нему: „панъ полковникъ! позвольте вамъ напомнить обѣщанный поясъ!"—„Я не забылъ, отвѣтилъ Гонта съ презрительною улыбкою,—первая полоса кожи[1]), которую снимутъ съ меня, пусть служитъ вамъ поясомъ!"

Полагаемъ, что такое полное хладнокровіе и самообладаніе въ виду мучительной варварской казни могъ сохранить только человѣкъ глубоко убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и въ чистотѣ руководившихъ имъ принциповъ и побужденій. Судя по намекамъ мемуаристовъ, такое-же представленіе о Гонтѣ присуще было всему народу. Младановичъ утверждаетъ, что послѣ казни Гонты многіе друзья его въ Уманщинѣ кончили жизнь въ отчаяніи самоубійствомъ[2]). Имя его долго хранилось въ памяти народа и служило символомъ освобожденія изъ панской неволи; и на Волыни въ 1789 году и въ Уманщинѣ въ 1826 г., когда между крестьянами зараждались неосновательные слухи объ изгнаніи пановъ, въ числѣ ихъ появлялось неизмѣнно извѣстіе о томъ, будто руководителемъ движенія будетъ сынъ Гонты, скрывающійся гдѣ-то „на Волощинѣ".

В. Антоновичъ.

---

[1]) По польски *pas* означаетъ и *поясъ* и *полоса кожи*.

[2]) Зап. Младановича, стр. 116.

Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ.

(Рѣчь, читанная на актѣ въ коллегіи П. Галагана 1-го октября 1882 г.).

Языкъ всегда привлекалъ вниманіе мыслящаго человѣка своимъ загадочнымъ, чудеснымъ устройствомъ. Не чудесно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ посредствомъ разнообразныхъ комбинацій немногихъ звуковъ называетъ тысячи предметовъ, которые видитъ вокругъ себя, разсказываетъ объ ихъ свойствахъ, движеніи и перемѣнахъ и даже сообщаетъ другимъ то, что самъ думаетъ и чувствуетъ, при чемъ другіе понимаютъ его? Какая чудесная сила скрыта въ этихъ звуковыхъ знакахъ? Какъ появились эти знаки, которые мы называемъ словомъ? Что такое человѣческое слово?

Я не хочу утомлять васъ теоретическимъ разъясненіемъ этихъ вопросовъ. Не мѣсто и не время здѣсь заниматься предметомъ, о которомъ легко говорить языкомъ учебника, но не легко мыслить безъ колебаній и сомнѣній въ виду разныхъ теорій о происхожденіи и сущности человѣческаго слова. Я имѣю въ виду обратить вниманіе ваше на ту сторону поставленныхъ мною вопросовъ, которая имѣетъ прямое отношеніе къ русской школѣ и къ живому орудію ея—русскому слову. Оно звучало нѣкогда въ устахъ нашихъ предковъ, обнимая все содержаніе ихъ жизни, которая давно уже спитъ вѣчнымъ сномъ въ степныхъ курганахъ, на городскихъ и сельскихъ кладбищахъ. Но звучитъ оно и теперь въ нашихъ устахъ, давая намъ возможность вступать въ живое общеніе съ людьми, давно уже сошедшими съ земнаго поприща. Оно переходитъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, не позволяя заглохнуть нашему историческому самосознанію или, говоря языкомъ

Слова о полку Игоревѣ, „свивая славы оба полы сего времени". Дорогое это наслѣдство, завѣщанное намъ предками нашими.

Какъ-же они смотрѣли на свое собственное слово? Какъ они понимали тотъ русскій языкъ, съ которымъ связаны для насъ родныя преданія старины глубокой?

Думаю, что эти вопросы не лишены живаго интереса, поэтому я избралъ предметомъ моего чтенія—старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ.

Въ давнее время человѣкъ видѣлъ въ словѣ вѣщую силу, которая его устами возвѣщала ему тайны жизни. Слово—не простой знакъ мысли, ибо въ звукахъ его живетъ невѣдомая сила, утоляющая печали сердца, избавляющая отъ напастей, исцѣляющая отъ недуговъ,—сила не всегда благодѣтельная, но иногда пагубная, разрушительная. Донынѣ еще не исчезла въ народѣ вѣра въ чарующее вліяніе слова, вѣра въ заклятія и заговоры.

Но и животныя произносятъ разные звуки, и у нихъ есть потребность выразить въ звукахъ то, что они чувствуютъ и чего желаютъ. Отсюда возникло представленіе о языкѣ животныхъ, въ которомъ живетъ та-же вѣщая сила, что и въ человѣческомъ словѣ. По народному міровоззрѣнію, есть вѣщіе люди, которые понимаютъ этотъ языкъ. Понятенъ онъ бываетъ и простымъ смертнымъ тогда, когда животныя произносятъ человѣческое слово. И не только животныя, даже деревья говорятъ иногда, какъ люди. На этомъ представленіи основано множество прекрасныхъ поэтическихъ образовъ, созданныхъ народною фантазіей. Я напомню вамъ одинъ изъ этихъ образовъ молодой женщины, превращенной злою свекровью въ рябину. Ходилъ добрый молодецъ на охоту и ничего не нашелъ, кромѣ рябинушки, что безъ вѣтру мается, безъ вихру къ землѣ клонится. Пришелъ онъ домой и разсказываетъ объ этомъ своей матери. „Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда", отвѣчаетъ ему мать, „ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую". „Ужъ я разъ ударилъ", говоритъ добрый молодецъ, „руда (кровь) пошла, другой ударилъ, она охнула, ужъ я въ третій разъ ударилъ, слово молвила: не рябинушку рубишь ты, а свою жену". [1]).

---

[1]) Народныя рус. пѣсни Якушкина, стр. 122.

Таковы самыя давнія воззрѣнія на языкъ, не выдѣляющія человѣка изъ общей жизни природы. Они были свойственны предкамъ предковъ нашихъ задолго до того времени, когда они назвали землю свою русскою землею и языкъ свой русскимъ языкомъ. Это было сравнительно позднее время, когда явилась уже потребность рѣшить вопросъ: „откуду есть пошла русская земля". Это была эпоха составленія начальной нашей лѣтописи, въ которой слово *языкъ* часто употребляется, какъ синонимъ слова *народъ*: „словенску языку живущю на Дунаи", говоритъ лѣтописецъ, „придоша болгаре"... Такое-же значеніе иногда имѣетъ и слово *земля*: „се ведеть на ны (Изяславъ) *землю* лядьскую"... „И приѣха вся *земля* половецкая" [1])... Понятіе о языкѣ еще не рѣзко выдѣлилось изъ понятія о говорящихъ извѣстнымъ языкомъ и живущихъ на извѣстной землѣ.

Что-же такое былъ въ сознаніи людей того времени русскій языкъ?

„А словѣнескъ языкъ и руский одинъ", говоритъ лѣтописецъ, „отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе быша словѣне, аще и поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ, полями же прозвахуся, зане въ полѣ сѣдаху, языкъ словѣньский бѣ имъ единъ" [2]).

Теперь уже никто не раздѣляетъ мнѣнія лѣтописца о единствѣ языковъ славянскаго и русскаго въ его время. Самый языкъ начальной лѣтописи можно назвать церковно-славянскимъ только по намѣренію, а не по исполненію. Въ немъ сквозь церковно-славянскую основу ярко выступаютъ особенности древне-русскаго языка и въ звукахъ, и въ формахъ словъ, и въ построеніи рѣчи. Правда, начальная лѣтопись дошла до насъ въ спискахъ сравнительно позднихъ (XIV—XV в.); но и въ письменныхъ памятникахъ, современныхъ составителю начальнаго свода, легко распознать цѣлый рядъ признаковъ собственно языка русскаго. Тѣмъ не менѣе, лѣтописецъ съ особенною настойчивостію утверждаетъ, что „словѣнескъ языкъ и руский бѣ одинъ".

Таково было убѣжденіе книжныхъ людей кіевской Руси. Смотрѣли они на языкъ съ точки зрѣнія практической. Для нихъ было довольно того, что церковно-славянскій языкъ болѣе или менѣе

---

[1]) Ипатскій списокъ, 122.

[2]) Ibidem. 16.

понятенъ былъ всѣмъ племенамъ славянскимъ, которыя „прозвашася Русью... а первѣе быша словѣне... тѣмъ-же и грамота прозвася словѣньская". Нужно было такъ или иначе приладиться къ этой грамотѣ, на которой возвѣщены были великія идеи христіанства. Нужно было привыкнуть къ „ученію книжному", чтобы разстаться со всѣми привычками и понятіями язычества, которое, какъ извѣстно, не было формулировано и скрѣплено письменностію. Въ тотъ вѣкъ книжнымъ человѣкомъ назывался добрый христіанинъ, устроившій жизнь свою по новому христіанскому идеалу. Это была жизнь уединенная, подвижническая, монастырская, поэтому въ монастыряхъ книжность была предметомъ особенной заботы и почтенія. Сохранилось извѣстіе о томъ, что въ печерскомъ монастырѣ монахъ Иларіонъ день и ночь переписывалъ книги, другой монахъ Никонъ переплеталъ ихъ, а самъ игуменъ Ѳеодосій плелъ веревки для переплета книгъ. Это были новые „христіанскіе люди", которые не могли не сознавать, что христіанству они обязаны готовымъ запасомъ свѣдѣній о разныхъ странахъ и народахъ, о разныхъ новыхъ формахъ и порядкахъ общежитія. Они видѣли въ христіанствѣ не только путь ко спасенію, но и путь къ просвѣщенію, которое въ тотъ вѣкъ возможно было только на языкѣ славянскомъ. Вотъ почему славянскій языкъ былъ для нихъ символомъ идей, высоко стоявшихъ надъ мелкими интересами ежедневной жизни, а также залогомъ нравственнаго союза между людьми, духовнаго братства между разрозненными племенами славяно-русскими. Отсюда стремленіе выставить на видъ родовое единство этихъ племенъ. Отсюда равнодушіе къ діалектическимъ особенностямъ языка русскаго. Они казались тогда мелочью, о которой не стоитъ говорить.

Нужно замѣтить при этомъ, что и русскій языкъ въ то отдаленное время далеко не былъ чуждъ многихъ особенностей церковно-славянскаго языка, нынѣ утраченныхъ. И теперь еще въ народныхъ русскихъ нарѣчіяхъ сохранились нѣкоторыя древне-русскія черты, напоминающія церковно-славянскій языкъ и позабытыя литературнымъ русскимъ языкомъ. Поэтому древне-русскій писатель во многихъ церковно-славянскихъ формахъ слова узнавалъ свои собственныя и вносилъ ихъ въ свою письменную рѣчь рядомъ съ церковно-славянскими и собственно русскими. Такъ образовался древне-русскій письменный языкъ, въ которомъ церковно-славянскія стихіи рѣчи

выступаютъ не вездѣ съ одинаковою рѣзкостію. Онѣ господствуютъ преимущественно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о возвышенныхъ предметахъ вѣры и благочестія, и ослабѣваютъ по мѣрѣ того, какъ она спускается къ явленіямъ обыденной жизни. Часто въ этихъ случаяхъ струя народной рѣчи незамѣтно сливается съ славяно-русскою,—иногда-же она льется вольнымъ потокомъ по книжному руслу, которое образовалось подъ вліяніемъ привычки къ славянской грамотѣ. Многія страницы лѣтописей блещутъ красотой литературнаго стиля, въ которомъ народный колоритъ рѣчи оттѣняется съ особенною выразительностію именно потому, что онъ поставленъ въ соразмѣрныя отношенія къ пріемамъ книжнаго изложенія. Я уже не говорю о Словѣ о полку Игоревѣ, въ которомъ эти пріемы, выработанные литературной практикой, не погасили вдохновенія поэта, создавшаго изъ народныхъ красокъ чудную поэтическую картину древне-русской жизни. Правду сказалъ лѣтописецъ: „велика полза бываеть отъ ученія книжнаго!"

Въ XIII в. кіевская Русь пала подъ ударами татаръ. Въ первой половинѣ XIV в. она вошла въ составъ литовскаго государства. Такъ прожила она подъ чужимъ именемъ весь XV и первую половину XVI в. Мы не будемъ останавливаться на этомъ глухомъ времени, въ которое зрѣли силы, выступившія позже—въ козацкій періодъ южно-русской исторіи. Замѣтимъ только, что старыя преданія кіевской культуры сохранились и въ новой бытовой и общественной обстановкѣ литовской Руси. Въ ней господствовала та-же вѣра, тотъ-же языкъ. Высшія сословія не чужды были автономическихъ стремленій, а въ народѣ не угасалъ старый духъ вѣчевой свободы. Недоставало только новыхъ просвѣтительныхъ вліяній, которыя могли-бы оплодотворить задатки старой культуры и выразиться въ литературной формѣ.

Съ двадцатыхъ годовъ XVI в. въ умственной жизни юго-западной Руси мы видимъ цѣлый рядъ явленій, которыя были плодомъ европейскаго движенія, поднятаго протестантствомъ. По слѣдамъ протестантства шло социніанское движеніе. Оно не ограничивалось критикой внѣшнихъ порядковъ католической церкви, какъ протестантство, но стремилось поколебать самыя основы христіанскаго вѣроученія. На Волыни и въ Украинѣ социніане свили себѣ прочныя гнѣзда, изъ которыхъ распространяли свое ученіе преиму-

щественно въ средѣ южно-русскаго дворянства. Они шли къ своей цѣли путемъ просвѣщенія, устраивая собственныя школы, путемъ печати, заводя собственныя типографіи, путемъ гласнаго обсужденія религіозныхъ мнѣній, созывая соборы и принимая живое участіе въ публичныхъ диспутахъ. Между тѣмъ для защиты католичества въ 1564 г. вызваны были въ Польшу іезуиты. Скоро распространились они по всей юго-западной Руси, дѣйствуя такъ-же путемъ школы, печати и публичной проповѣди. Нужно было за то-же оружіе взяться и православнымъ, чтобы въ общемъ броженіи религіозныхъ ученій не потерять вѣру отцевъ своихъ. Нужно было подумать о просвѣщеніи народа, чтобы выступить съ равными силами на защиту праотеческой вѣры, которая входила въ самое существо народной жизни и была, такъ сказать, хранилищемъ народнаго духа. Но какъ двинуть дѣло просвѣщенія, чтобы оно не поколебало самой этой вѣры, которая до сихъ поръ имѣла свою защиту главнымъ образомъ въ охранительномъ настроеніи народныхъ массъ? Это, въ самомъ дѣлѣ, былъ не легкій вопросъ для тѣхъ людей, которые, не желая разрывать связи съ народомъ, оставались вѣрны древнему „благочестію“ и въ то-же время, не желая отставать отъ идей вѣка, увлекались просвѣщеніемъ, возникшимъ на чужой, неправославной почвѣ. Они дѣлали нерѣшительные шаги въ разныхъ направленіяхъ. Одно изъ этихъ направленій выразилось въ цѣломъ рядѣ опытовъ перевода книгъ священнаго писанія, преимущественно Новаго Завѣта, на языкъ народный. Еще задолго до появленія социніанства въ литовской Руси явилась Библія Скорины „людемъ посполитымъ *русского языка* къ пожитку“. Докторъ Скорина былъ уроженецъ г. Полоцка и подъ русскимъ языкомъ разумѣлъ главнымъ образомъ бѣлорусскую рѣчь. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVI в. въ пересопницкомъ монастырѣ на Волыни трудились надъ переводомъ Евангелія „изъ ѧзыка блъгарского на *мовоу рѹскоую*“ архимандритъ Григорій и какой-то Михаилъ, сынъ протопопа Саноцкаго. Пересопницкіе переводчики внесли въ свой трудъ южно-русскую фразеологію въ такомъ изобиліи, что изъ нея одной можно было-бы выбрать богатый матеріалъ для южно-русской грамматики XVI в. Въ прошломъ году въ кіево-михайловскомъ монастырѣ открытъ переводъ всего Новаго Завѣта, составленный Валентиномъ Невгалевскимъ въ 1581 г. на Волыни, въ

с. Хороповѣ. Переводъ сдѣланъ въ духѣ социніанства „съ полского языка на *речь рускую*" и предназначенъ для тѣхъ людей, „которые писма полского читати не умѣютъ, а языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу зъ словъ его не розумѣютъ" [1]. Кромѣ того, есть и другіе рукописные переводы Евангелія на малорусское нарѣчіе, которые до настоящаго времени совсѣмъ не описаны: одно изъ нихъ хранится въ виленской публичной библіотекѣ, другое—въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ, третье 1571 г. принадлежитъ частному лицу въ Житомірѣ. Есть даже печатное малорусское Евангеліе XVI в. съ параллельнымъ славянскимъ текстомъ, такъ называемое, тяпинское, тоже до сихъ поръ не описанное.

Въ какомъ отношеніи стоятъ эти памятники другъ къ другу? Что побуждало позднѣйшихъ переводчиковъ браться за трудъ—неудовлетворительность прежнихъ переводовъ или-же незнакомство съ ними? Какого типа были славянскіе подлинники, которыми пользовались переводчики? Въ чемъ заключается относительное достоинство переводовъ со стороны языка? Какое мѣсто занимаетъ этотъ языкъ въ исторіи малорусскаго народа?

Все это вопросы, еще не рѣшенные въ наукѣ. Судя по языку пересопницкаго Евангелія, можно сказать только, что въ XVI в. народная рѣчь рѣзко выступила съ такими особенностями, которыя едва мелькаютъ въ письменныхъ памятникахъ древне-русскаго языка. По преданію, письмо осталось церковно-славянское позднѣйшей, южно-славянской редакціи. Удержаны въ переводѣ даже многія формы словъ и обороты рѣчи церковно-славянскіе, вѣроятно, въ томъ предположеніи, что они сами по себѣ понятны читателю. Тѣмъ не менѣе эта церковно-славянская видимость выражаетъ уже „*мову рускую*", въ которой сохранились многія черты древне-русской рѣчи, свойственныя и церковно-славянскому языку, но уже видоизмѣненныя и переработанныя въ духѣ южно-русской фонетики. Мы видимъ предъ собою старинное зданіе, въ которомъ живутъ новые люди, съ новыми задачами жизни, съ новыми потребностями и вкусами. Не такъ говорятъ эти люди, какъ говорили въ старину, что „языкъ словѣнескъ и рускый одинъ". Напротивъ того,

---

[1]) «Кіевск. Старина», 1882 г. май, стр. 200.

они трудятся „людемъ посполитымъ руского языка къ пожитку"— въ виду того, что эти люди „языка словенского не розумѣють". Такимъ образомъ идея русскаго языка въ его отдѣльности отъ церковно-славянскаго еще въ XVI в. сознана была южно-русскими писателями.

Между тѣмъ религіозныя столкновенія становились острѣе и больнѣе, особенно послѣ брестскаго собора (1596 г.), на которомъ провозглашена была церковная унія. Представители старинныхъ русскихъ родовъ становились въ ряды католиковъ, принимая вмѣстѣ съ католической вѣрой языкъ и имя польское. Трудно было защитникамъ православія ожидать помощи и отъ союзниковъ своихъ по положенію—протестантовъ и социніанъ, которые, поддерживая православныхъ въ борьбѣ съ католиками, сами однако-же стремились увеличить свои силы на счетъ православныхъ. Католики въ свою очередь упрекали православныхъ за то, что они не отказывались отъ союза съ открытыми еретиками-социніанами. Тогда раздался суровый голосъ ревнителей православія, отрицавшихъ всякую возможность соглашенія между наукой и вѣрой. „Егда есте на латинскую и мірскую мудрость ся полакомили", говоритъ Іоаннъ Вишенскій въ концѣ XVI в., „тогда есте и благочестіе стратили, въ вѣрѣ онемощили и поболѣли, и ереси породили... Овъ бо зовется папежникъ, овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста, овъ зась недавно выкрещеный, овъ зась суботникъ... Чи не лѣпше тобѣ изучити часословецъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ и евангеліе... и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся звати и въ геену отъити?" [1]) Нападая на мірскую мудрость, Іоаннъ Вишенскій не могъ благосклонно смотрѣть и на самое орудіе распространенія ея— языки латинскій и греческій. „Да знаете", говоритъ онъ, „яко словенскій языкъ предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ еллинскаго и латинскаго". Поэтому „книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте... Евангелія и Апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи-же, для вырозумѣнья людского, попросту толкуйте и выкладайте" [2]). Такъ-то силою со-

[1]) Акты южной и запад. Россіи, стр 210, 220.
[2]) Ibid. 210.

бытій „простой“, т. е. народный языкъ снова отодвинутъ былъ на задній планъ. Не до того было, чтобы воздѣлывать его литературнымъ образомъ. Время не ждало. Для борьбы съ разновѣрцами казалось необходимымъ выступить во всеоружіи языка священныхъ книгъ, который, по мнѣнію Іоанна Вишенскаго, „есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій, понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть кграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, простымъ прилѣжнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ“ [1]).

Въ этихъ словахъ слышится сила убѣжденія, опиравшагося на народное міровоззрѣніе. Въ теченіе многихъ вѣковъ народъ привыкъ видѣть въ славянскомъ словѣ не простое, грѣшное слово, предназначенное для ежедневнаго употребленія, а священное слово вѣры, неразрывно связанное съ самою сущностію ея. Въ сознаніи большинства идея церковнаго языка смѣшивалась съ идеей вѣры, а та и другая—съ идеей народной самобытности. Но само собою разумѣется, что „простаго, прилѣжнаго читанія“ славянскихъ книгъ было вовсе недостаточно для того, чтобы выдержать борьбу съ людьми, вооруженными школой и наукой. Дѣло въ томъ, что славянскій языкъ въ XVI в. извѣстенъ былъ грамотнымъ людямъ южной Руси по рукописямъ позднѣйшихъ редакцій, преимущественно среднеболгарской и сербской, съ примѣсью русскихъ особенностей въ правописаніи. Цѣлыми вѣками накоплялись у разныхъ славянскихъ народовъ черты новаго церковно-славянскаго письма, подъ которыми скрывались наслоенія отъ разныхъ славянскихъ нарѣчій. Нужно было устранить разночтенія и искаженія въ самомъ текстѣ церковныхъ книгъ, чтобы надлежащимъ образомъ понимать ихъ. Поэтому нельзя было обойтись безъ грамматическаго знанія, которое въ то время можно было получить только у иновѣрцевъ. Отсюда глубоко сознанная потребность въ собственныхъ школахъ, которыя могли-бы состязаться въ научномъ достоинствѣ съ польскими школами, и въ то-же время могли-бы служить опорой для защиты народной вѣры. Такъ появилась прежде всего школа въ Острогѣ, основанная кн. К. Острожскимъ въ 1580 г. Затѣмъ братства львовское, виленское,

---

[1]) Ibid. 210.

кіевское одно за другимъ начали открывать свои школы. Онѣ носили въ свое время названіе „латинскихъ“ школъ, такъ какъ самое преподаваніе въ нихъ шло на латинскомъ языкѣ, который былъ обязателенъ для учащихся даже въ разговорной рѣчи. Самая знаменитая изъ нихъ—кіевская школа, названная въ честь Петра Могилы могилянскимъ коллегіумомъ и переименованная при Петрѣ Великомъ въ академію.

Я не стану входить въ подробности о томъ, чему и какъ учили въ этихъ школахъ. Извѣстно, что въ нихъ водворилась схоластическая наука съ ея тяжелымъ формализмомъ, развивавшимъ разсудочныя силы въ ущербъ положительному знанію. Можно многое сказать противъ ея односторонняго направленія, но все-же это была методическая сила, которая могла служить точкой опоры для изученія дѣйствительности. Плодомъ этой науки была цѣлая литература, которая такъ или иначе должна была отзываться на текущіе вопросы жизни, на ея тревоги и невзгоды. Нельзя сказать, чтобы она входила въ самое существо народныхъ идеаловъ и выражала ихъ всегда понятнымъ для народа языкомъ; но было-бы несправедливо отрицать всякую связь ея съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Нужно только искать этой связи въ устныхъ произведеніяхъ народнаго поэтическаго творчества, а не въ однихъ письменныхъ памятникахъ. Что касается до языка этихъ памятниковъ, то коренной недостатокъ его заключается въ отсутствіи индивидуальной силы. Это, можно сказать, языкъ, сложенный изъ разныхъ матеріаловъ—древнихъ и новыхъ, своихъ и чужихъ. Прежде всего бросается въ глаза яркая примѣсь въ немъ словъ латинскихъ и особенно польскихъ. Тѣ и другія вплетены въ церковно-славянскую рѣчь, которая, согласно съ древне-русскимъ преданіемъ и новыми потребностями религіозной мысли, положена была въ основу книжнаго языка. Нужно сказать, что въ самомъ началѣ XVII в. (1619 г.) явилась славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, которая положила конецъ синкретическому направленію славянской письменности и возвела русскую редакцію ея на степень установившейся нормы. Тѣмъ не менѣе церковно - славянская рѣчь и послѣ того оставалась трудною и невразумительною для непривычнаго читателя. Чтобы облегчить пониманіе ея, тогда-же (1627 г.) „мужъ побожный, Памво Берында“, составилъ свой „лексиконъ славенорос-

скій" „ку пожитку любомудрымъ, найбарзей спудеомъ". Въ этомъ трудѣ онъ изъ многихъ языковъ „и власнаго нашего словенскаго" множество словъ „згромадивши, нашимъ языкомъ рускимъ объяснилъ" [1]). Собственно говоря, эти объясненія написаны тоже языкомъ книжнымъ, не свободнымъ отъ польскаго вліянія, но въ этомъ языкѣ замѣтны уже ясно сознанныя стихіи народной рѣчи, которая выступаетъ особенно ярко на многихъ страницахъ южно-русскихъ лѣтописей и въ нѣкоторыхъ драматическихъ произведеніяхъ XVIII в.

Теперь обратимся къ сѣверной Руси.

Здѣсь очень рано сознана была надобность въ переводѣ иноязычныхъ словъ на русскій языкъ. Такъ, въ новгородскомъ спискѣ Кормчей 1282 г. помѣщено объясненіе 174 еврейскихъ словъ подъ заглавіемъ: „Рѣчь жидовскаго языка преложена на роускую". Въ этотъ списокъ позднѣйшіе переписчики вносили новый матеріалъ, такъ что ко времени другаго новгородскаго словаря, сохранившагося въ рукописи 1431 г. (при книгѣ Іоанна Лѣствичника), число словъ увеличилось до 350. Тѣмъ и другимъ матеріаломъ отчасти воспользовался П. Берында, но главнымъ источникомъ его былъ „Лексисъ" Лаврентія-Зизанія Тустановскаго, приложенный къ его грамматикѣ 1596 г. Въ „Лексисъ" вошло уже 1061 слово: онъ былъ извѣстенъ и составителямъ такъ-называемыхъ Азбуковниковъ или Алфавитовъ, которые начали появляться во второй половинѣ XVI в.

Это было переходное время въ сѣверной Руси, время тяжелой и страстной борьбы мнѣній. Тотчасъ послѣ усмиренія еретиковъ обнаружилось въ торжествовавшей правительственной партіи стремленіе подвести итоги прошлому и освятить новые порядки жизни старыми преданіями. „Прежніе обычаи поизшаталися", говоритъ Іоаннъ Грозный отцамъ стоглаваго собора. Онъ указывалъ на отступленіе отъ церковнаго устава, на порчу священныхъ книгъ и иконъ, на пороки и суевѣріе въ народѣ и даже въ духовенствѣ, на небрежное ученіе грамотѣ. На соборѣ рѣшено было завести училища для обученія церковному пѣнію и чтенію. Такимъ образомъ, сознана была польза ученія, но оно ограничено было церковными нуждами. А между

---

[1]) Предисл. къ Лексикону Берынды, по изданію 1653 г.

тѣмъ отовсюду слышался голосъ нарождавшихся новыхъ потребностей мысли, которыхъ не могла удовлетворить домашняя наука. Разными окольными путями проникали и въ сѣверную Русь западныя идеи. Вліяніе ихъ было неотразимо и въ жизни, и въ искусствѣ, и въ литературѣ. Оно выразилось, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ литературныхъ сборниковъ, предназначенныхъ для тѣхъ читателей, которыхъ томила жажда знанія.

Не высокаго достоинства матеріалъ заключается въ этихъ сборникахъ: это въ большинствѣ случаевъ пестрая смѣсь всякаго рода свѣдѣній, случайно выбранныхъ изъ разныхъ источниковъ, даже изъ апокрифическихъ сочиненій. Таковы были по своему содержанію и Азбуковники, получившіе свое названіе отъ принятаго въ нихъ способа располагать матеріалъ въ азбучномъ порядкѣ. Они представляютъ для насъ нѣкоторый интересъ только своими воззрѣніями на языкъ.

Составители Азбуковниковъ проникнуты были вѣрою въ неприкосновенность книжнаго языка. Они держались господствовавшаго въ то время мнѣнія, высказаннаго Зиновіемъ Отенскимъ, ученикомъ Максима Грека, что „низводить книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей есть лукавое умышленіе христоборцевъ,—что гораздо приличнѣе исправлять общія народныя рѣчи книжными рѣчами“ [1]). Поэтому въ Азбуковникахъ рѣдко встрѣчаются объясненія славянскихъ словъ русскими словами. Гораздо чаще мы видимъ въ нихъ этимологическія изобрѣтенія такого рода, что слово *братъ* заимствовано изъ латинскаго языка, что слово *Адамъ* составлено изъ четырехъ символическихъ буквъ, означающихъ четыре страны свѣта: *азъ*—востокъ, *добро*—западъ, другое *азъ*—полунощіе, а *мыслете*—полудница [2]). Но главное вниманіе въ Азбуковникахъ обращено было на правописаніе словъ. Это былъ своего рода острый вопросъ въ то время, когда грубыя ошибки въ богослужебныхъ книгахъ смущали совѣсть людей благочестивыхъ, сомнѣвавшихся въ возможности спастись по этимъ книгамъ. Исправленіе книгъ вызвало нужду въ грамматическихъ знаніяхъ; отсюда въ Азбуков-

---

[1]) Исторія рус. словесности Порфирьева, 563

[2]) Правосл. обозрѣніе, 1877 г., іюль.

никахъ извлеченія изъ грамматики, приписываемой Іоанну Болгарскому, изъ грамматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго.

Спросъ на грамматическія знанія возрасталъ по мѣрѣ того, какъ увеличивались недоразумѣнія между людьми, занимавшимися исправленіемъ книгъ. Въ 1648 г. издана была въ Москвѣ грамматика Мелетія Смотрицкаго съ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ съ неподражаемою наивностію грамматика сама о себѣ разсказываетъ, что она „славою честна, и ученіемъ красовита, во устѣхъ сладка, и на сердцы чюдна, и на языцѣ свѣтла", ибо, продолжаетъ она, „писмо или слогъ, или часть или рѣчь, или слово, или статія, или стихъ, или глава, или начало, или конецъ, или чему точка, или о чемъ запинка, то все мое ученіе, и умѣніе, и разумѣніе, и умышленіе, и уложеніе, и положеніе, и всяко въ писменахъ строеніе и составленіе, мое грамматическое проразумѣніе. Такова есмь уставомъ, и поставомъ, и составомъ, и всѣмъ естествомъ грамматика именуюся" [1]). Справщики раскольники и православные толковали о грамматикѣ, но только не многіе изъ нихъ научнымъ образомъ подготовлены были къ изученію ея. Большею частію тѣ и другіе стучали въ глухую для нихъ дверь славянской грамматики, не владѣя ключемъ для того, чтобы проникнуть въ таинства ея. Многіе хотѣли славянствовать на письмѣ, встрѣчая постоянныя помѣхи въ своей родной рѣчи. Англичанинъ Лудолфъ, составитель первой русской грамматики, изданной въ Оксфордѣ въ 1696 г., замѣчаетъ, что „москвитяне говорили, будто-бы разговаривать должно по-русски, а писать по-славянски" [2]). Но только съ помощью обширной богословской начитанности можно было писать по-славянски. При первомъ движеніи живаго чувства, живой мысли, сама собою налетала народная фраза, съ которою не всегда могъ справиться писатель. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны челобитныя раскольниковъ, писанныя къ царю Алексѣю Михайловичу. Авторами ихъ были люди, близко знакомые съ подробностями исправленія книгъ, знакомые съ грамматической терминологіей, а главное—люди старой вѣры, которые желали-бы въ текстѣ священныхъ книгъ удержать старую редакцію. Такъ справщикъ Савватій въ своей челобитной

---

[1]) Предисл. къ грам. М. Смотрицкаго, по изд. 1648 г.

[2]) «Вѣст. Европы», 1807 г. № 16.

говоритъ: „нравъ по грѣхомъ таковъ у нынѣшнихъ московскихъ грамматиковъ, что новое ни объявится—за тѣмъ и пошли, а старое свое доброе покинувъ". Онъ вооружается противъ употребленія полнаго прилагательнаго вмѣсто краткаго (древнѣйш*аго* вм. древнѣйш*а*), полнаго причастія вмѣсто краткаго (сѣдящ*аго* вм. сѣдящ*а*), противъ употребленія сложнаго прошедшаго вмѣсто простаго. „Насъ", говоритъ онъ, „уничижаютъ, а и сами справщики совершенно грамматики не умѣютъ, и обычай имѣютъ тою своею мелкою грамматикою Бога опредѣляти мимошедшими времены... Въ воскресномъ тропарѣ на Пасху... прежде сего печатали: и на престолѣ *бѣаше* Христе со Отцемъ и Духомъ... А нынѣ въ новой тріодѣ напечатали мимошедшимъ временемъ: и на престолѣ *былъ еси* Христе со Отцемъ и Духомъ. Яко-же иногда *былъ,* иногда *есть.* А сего не разумѣютъ, яко... лепо Богу присно быти" [1]). Таковы были теоретическія понятія Савватія, источникомъ которыхъ можно было-бы назвать особаго рода грамматику—богословскую. Савватій, видимо, старается примѣнить эти своеобразныя понятія къ изложенію собственныхъ мыслей,—подтянуть рѣчь къ старому стилю. Такъ, у него есть *времены, въ книзѣ, учиних, поборахъ* и тому подобныя старыя формы, но это, очевидно, старыя заплаты на новомъ платьѣ. Рядомъ съ этими формами встрѣчаются такія выраженія: „уже мнѣ, грѣшному, *несколько* жити"... „а до насъ и послѣ насъ *николи* съ тобольскихъ ясачныхъ людей ясаку *сполна* не *сбиривали*". „Въ *другорядь* я, нищей, стражду при васъ, великомъ государѣ"... „Былъ *дьячишкомъ* за Илью Бунакова" и т. п.

Цѣлый рядъ великорусскихъ письменныхъ памятниковъ XVI—XVII в. представляютъ пеструю смѣсь стараго съ новымъ. Рядомъ съ глубокими архаизмами стоятъ новые звуки и формы. Часто встрѣчаются архаизмы особеннаго рода: я назову ихъ мнимыми или-же поддѣльными. Таковы, напримѣръ, формы предложнаго падежа въ Домостроѣ Сильвестра: *въ дѣлехъ* и *обычаехъ, въ сѣнникѣхъ* и т. п. Очевидно, такъ не говорили, а только писали, и только потому такъ писали, что не умѣли совладѣть съ книжною рѣчью, въ которую вторгался потокъ народной рѣчи, подмывая и ниспро-

---

[1]) Три челобитныя расколн., Спб. 1862 г. 23.

вергая всѣ измышленія книжниковъ. Наконецъ, въ концѣ XVII в. въ пользу народной рѣчи высказалась правительственная власть. Царь Алексѣй Михайловичъ издалъ указъ, въ которомъ объявилъ, что „будетъ кто въ челобитьѣ своемъ напишетъ въ чьемъ имени или прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о-а*, или вмѣсто *а-о*, или вмѣсто *ъ-ь*, или вмѣсто *ѣ-е*, или вмѣсто *и-і*, или вмѣсто *у-о*, или вмѣсто *о-у*, и иныя въ письмахъ нарѣчія, подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился, и по обыклостямъ своимъ говорить и писать навыкъ, того въ безчестье не ставить“ [1]).

Мы подошли къ эпохѣ Петра Великаго. Первое поколѣніе русскихъ людей, затронутыхъ реформой, было оглушено новымъ міромъ идей, для которыхъ не было подходящихъ словъ ни въ книжномъ, ни въ народномъ языкѣ,—и вотъ мы видимъ своего рода нашествіе иноплеменниковъ на русскую рѣчь. Въ сознаніи современниковъ Петра Великаго спутались и смѣшались въ неорганическую массу разнообразныя стихіи рѣчи—славянской, великорусской, малорусской, съ густою примѣсью всякаго рода иностранныхъ словъ—голландскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ. Только во второмъ поколѣніи явилась потребность вывести книжный языкъ изъ хаотическаго состоянія. Трудную задачу эту рѣшилъ, какъ извѣстно, Ломоносовъ, создатель нашего литературнаго языка, который служитъ органомъ умственной жизни для всѣхъ насъ—людей Великой, Малой и Бѣлой Россіи.

П. И. Житецкій.

---

[1]) Полное собраніе законовъ, т. I, стр. 1000, № 597.

СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ.

Много фамильныхъ архивовъ въ Малороссіи уже погибло навсегда. Достаточная часть ихъ погибла, конечно, отъ пожаровъ, при истребленіи всего имущества владѣльца; но гораздо больше исчезло архивовъ по кладовымъ и амбарамъ, отъ мышей и сырости... Въ настоящее время эти архивы существуютъ въ Малороссіи какъ счастливая случайность. Недавно намъ удалось осмотрѣть одинъ изъ нихъ, принадлежащій роду Сулимъ и сохраняющійся въ родовомъ ихъ селѣ Сулимовкѣ (встарину—Сулиминцахъ) переяславскаго уѣзда.

При обязательномъ участіи Т. В. Гамалѣй, настоящій владѣлецъ сулиминскаго архива — Ал. Андр. Войцеховичъ съ истинно просвѣщенною готовностію, далъ намъ возможность осмотрѣть этотъ архивъ во всѣхъ его подробностяхъ. Результатами этого осмотра дѣлимся здѣсь, желая и надѣясь вызвать свѣдѣнія и о другихъ такихъ, еще уцѣлѣвшихъ, архивахъ.

Значеніе фамильнаго архива зависитъ главнымъ образомъ отъ того общественнаго положенія, въ какомъ находились лица, накоплявшія такой архивъ. Въ этомъ отношеніи сулиминскій архивъ имѣетъ за собою всѣ преимущества: родъ Сулимъ — одинъ изъ старѣйшихъ въ Малороссіи. Семейныя преданія относятъ начальную извѣстность Сулимъ чуть-ли не къ XIII в.; мѣстная-же исторія начинаетъ ихъ знать съ начала XVII в., чѣмъ могутъ похвалиться въ Малороссіи лишь весьма немногіе роды. Иванъ Михайловичъ Сулима въ 1628 г. былъ гетманомъ запорожскихъ козаковъ [1]) и за свои службы получилъ отъ извѣстнаго Жолкѣвскаго значительное количество земель на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ имъ и поселено теперешнее село Сулимовка. О первоначальномъ поселеніи здѣсь Сулимъ мы встрѣтили въ другомъ мѣстѣ очень интересный актъ 1677 г., въ которомъ читаемъ: «славетне урожоный панъ Федоръ Сулима прекладалъ скаргу (переяславскому полковнику) на обывателей села своего дѣдизнаго Сулиминецъ, якожъ лебединскихъ и кучаковскихъ, до тоей-же его власности старожитне прислушаючихъ, въ

---

[1]) См. его письмо изъ Сѣчи къ Христофору Радзивилу, 1628 г., въ Археограф. Сборн. докум. относящ. къ исторіи сѣв.-зап- Руси, т. VII, стр. 87 (Вильна, 1870 г.).

таковій способъ: ижъ помянутие селяне, осѣвши съ предковъ своихъ на грунтахъ еще отца его Федорова Іоана Сулимы, по всѣ тіе часи отдавали послушенство и походячіе належности; а теперь о томъ ся оперши, усиловали съ того слѣберовати (освободиться) и съ подданства, которое предкове ихъ на собѣ мѣли, визутися» (избавиться). По этой жалобѣ тогдашній переяславскій полковникъ Иванъ Лысенко поручилъ одному изъ урядниковъ, «абы тамъ, въ Барышовцѣ, старожитныхъ людей где кого знаючи, вышукавши, доскопалне выпытавъ: чіи то отъ початку вѣку ихъ были грунта, нѣмъ (пока) еще люде не осѣли на сей Украйнѣ? — Теды вынайдены Миско Харченко и Андрей Вѣтченко, мужеве барзо въ лѣтехъ подейшлие, по сумлѣню старости своей визнали, *же еще наспочатку, якъ ся садила* (селилась) *Барышовка, тогда тое все положеня, где тие села осѣли — Сулиминцы, Лебединъ и Кучаковъ, надалъ панъ Жолковскій Ивану Сулимѣ въ заслугахъ у вѣчность, абы собѣ тамъ, сколко могъ и хотѣвъ, осадывъ людей ку своему подданству»*. [1]). На основаніи приведеннаго показанія барышевскихъ старожиловъ, Сулиминцы, Лебединъ и Кучаковъ отданы были въ подданство Федору Ивановичу Сулимѣ, который до того, какъ кажется, скитался на правомъ берегу Днѣпра, пока чигиринскіе походы не разрушили надеждъ и мечтаній, вызванныхъ извѣстнымъ гадяцкимъ договоромъ. Поселившись на лѣвомъ берегу Днѣпра, Федоръ Сулима создалъ себѣ положеніе въ тогдашнемъ обществѣ, выдавъ дочь замужъ за одного изъ сыновей гетмана Самойловича. Единственный сынъ Федора Иванъ поддержалъ это положеніе, женившись на сестрѣ Павла Полуботка, который помогъ зятю получить при Скоропадскомъ уже и генеральный урядъ «хоружаго». Бумаги Ивана Федоровича Сулимы послужили основаніемъ для Сулиминскаго архива. Одинъ изъ пяти сыновей его, Семенъ, занимая около 27 лѣтъ (1739—1766 г.) урядъ переяславскаго полковничества, значительно увеличилъ отцовское наслѣдство и сталъ однимъ изъ извѣстныхъ богачей въ Малороссіи. Такое общественное положеніе Семена Ивановича повело за собою значительное накопленіе бумагъ фамильнаго архива. Но наибольшее количество бумагъ Сулиминскаго архива относится къ концу XVIII в., когда владѣльцемъ Сулимовки сталъ средній сынъ переяславскаго полковника Акимъ. Послѣдній, по своему образованію, рѣзко выдѣлялся изъ среды тогдашняго общества. Акимъ Семеновичъ учился сначала въ кіевской академіи, затѣмъ въ 1755 г. перешелъ въ Петербургъ, въ сухопутный шляхетскій корпусъ, откуда черезъ четыре года выпущенъ сержантомъ, при чемъ «жалованъ золотою медалью». Кончивъ ученіе, Акимъ Семеновичъ оставленъ былъ при корпусѣ «для смотрѣнія надъ обученіемъ кадетъ наукамъ». При этомъ онъ между прочимъ былъ «опредѣленъ отъ начальства кадетскаго корпуса къ переводу съ французскаго языка на россійскій двухъ томовъ исторіи о фельдмаршалѣ Фран-

---

[1]) Генеральн. опись Румянцева, переяславскій полкъ, въ архивѣ кіевск. казен. палаты.

цузскомъ Тюреннѣ, кои въ 1766 г. въ типографіи оного корпуса напечатаны». Въ 1764 г. Сулима изъ корпуса былъ переведенъ въ азовскій пѣхотный полкъ премьеръ-маіоромъ; но черезъ три года снова былъ возвращенъ въ кадетскій корпусъ «и былъ въ смотрѣніи надъ тѣмъ-же обученіемъ кадетъ; а потомъ опредѣленъ къ реформѣ того-жъ корпуса и къ разнымъ должностямъ, въ команду генералъ-поручика Ивана Ивановича Бецкаго и отъ него при томъ-же корпусѣ употребленъ къ сочиненію: 1) Устава шляхетскаго сухопутнаго кадетскаго корпуса, 2) второй и третьей частей Учрежденія московскаго воспитательнаго дома и 3) плана къ заведенію при ономъ домѣ сохранной казны, ссудной казны и вдовьей казны». Въ 1773 г. Сулиму выпросилъ въ свое распоряженіе гр. З. Гр. Чернышовъ, которому было поручено гражданское устроеніе только что присоединенной тогда Бѣлоруссіи; здѣсь Акимъ Семеновичъ составлялъ «разныя узаконенія учрежденнымъ бѣлорусскимъ губерніямъ». Но, женившись около этого-же времени на дочери стародубскаго богача, полковника Павла Григорьевича Скорупы, Сулима пересталъ интересоваться службою и въ 1777 г. выпросился въ отставку, причемъ былъ произведенъ въ рѣдкій межъ тогдашними малороссіянами и завидный для нихъ генеральскій чинъ. Двадцать лѣтъ затѣмъ онъ прожилъ въ Малороссіи, устраивая свои богатыя помѣстья (у него было 1310 крестьянъ) и воспитывая своихъ двухъ сыновей, Павла и Акима. Но когда въ 1797 г. въ Малороссіи, вмѣсто судебныхъ палатъ, возстановленъ былъ генеральный судъ, Акимъ Семеновичъ, избранный однимъ изъ четырехъ кандидатовъ въ генеральные судьи, утвержденъ былъ императоромъ въ этой должности въ первый департаментъ суда. Прослуживъ шесть лѣтъ въ судѣ, Сулима вышелъ въ отставку и поселившись въ Сулимовкѣ, главнымъ образомъ заботился объ окончаніи воспитанія сыновей. Старшій изъ нихъ Павелъ окончилъ свое образованіе въ геттингенскомъ университетѣ, а младшій Акимъ въ московскомъ. Переписка отца съ двумя сыновьями - студентами (почти исключительно на французскомъ языкѣ) составляетъ одну изъ интересныхъ частей фамильнаго архива. Перепиской съ сыновьями, дѣятельно продолжавшеюся и по вступленіи ихъ на службу, и заканчиваются бумаги собственно Сулиминскаго фамильнаго архива. Бумаги этого архива заключаютъ въ себѣ главнымъ образомъ три отдѣла: 1) поземельные акты, т. е. гетманскіе универсалы и купчія записи, 2) отрывки изъ множества судебныхъ дѣлъ по спорамъ за имѣнія какъ между самими Сулимами, такъ и съ сосѣдями и 3) частная переписка. Послѣдній отдѣлъ представляетъ наибольшій историческій интересъ, представляя старую жизнь такою, какою она была въ дѣйствительности.

Кромѣ бумагъ, принадлежащихъ собственно роду Сулимъ, въ ихъ фамильный архивъ вошли значительныя части еще трехъ фамильныхъ архивовъ: Есимонтовскихъ, Скорупъ и Войцеховичей. Первые два архива перешли къ Акиму С—чу по женитьбѣ его на Марьѣ Павловнѣ Скорупѣ, которая принесла мужу всѣ богатства отца своего; а Павелъ Скорупа, кромѣ половины отцовскихъ (Григорія Скорупы)

имѣній, получилъ еще по завѣщанію отъ бездѣтной сестры Марины Григорьевны, по мужу Есимонтовской, всѣ мужнины ея имѣнія. Архивъ Войцеховичей вошелъ въ составъ Сулиминскаго, по браку дочери Акима Семеновича Прасковьи съ Иваномъ Андреевичемъ Войцеховичемъ, къ которому впослѣдствіи за бездѣтствомъ братьевъ жены, Павла и Акима, перешли всѣ имѣнія Акима Семеновича. Архивъ Войцеховичей состоитъ главнымъ образомъ изъ частной переписки Андрея Ивановича Войцеховича съ его четырьмя сыновьями и одного изъ послѣднихъ Ивана Андреевича (зятя Акима Семеновича) съ его тремя сыновьями: Николаемъ, Алексѣемъ и Андреемъ. Переписка эта, обнимающая почти полныя три царствованія, Екатерины II, Павла и Александра I, сохранилась въ наилучшемъ порядкѣ, въ который приведена была Алексѣемъ Ивановичемъ Войцеховичемъ [1]).

Для ближайшаго знакомства съ составомъ Сулиминскаго архива приводимъ здѣсь нѣсколько документовъ, преимущественно изъ частной переписки, какъ самаго цѣннаго историческаго матеріала.

Ал. Лазаревскій.

1.

Отрывокъ изъ жалобы мглинскаго сотника Алексѣя Есимонтовскаго на брата его Афанасія, стародубскаго обознаго, объ убыткахъ чрезъ него понесенныхъ во время взятія Мглина шведами въ 1708 г.

Когда я былъ у походѣ за Сожомъ, въ Литвѣ, при покойномъ пану гетману Скоропадскомъ, на тотъ часъ будучомъ полковникомъ стародубовскимъ и наказнимъ гетманомъ, и ходилъ за шведомъ, а услышалъ тое, что намѣренъ шведъ вторгнуть въ полкъ стародубовскій, якъ и указы монаршие о перестторозѣ объявлени были, писалъ до брата своего п. Аѳанасія Есимонтовского о томъ, дабы онъ непремѣнно и завчасу имѣніе рухомое въ пристойныхъ мѣсцахъ поховалъ, яко за совокупного нашего жития; но онъ, по своей природной презумпціи и великомыслности, не токмо писанія моего не послушалъ, лечъ и на уничтоженіе того отписалъ до мене, ганячи мене страхополохомъ, з выраженемъ того вѣршу на писмо п. Покорского, въ томъ-же до него писанное: „наши де матрони безпечно смажутъ сласціони; такъ мнѣ Боже поможи въ правдѣ моей!“ Такожде и по зближеню ся шведа ко Мглину учинилъ, же и на колкократное напомнене покойной панеи родителки нашои, которой, уже будучой въ престарѣломъ вѣку, не разъ тра-

---

[1]) Умеръ въ прошломъ 1881 г., членомъ государственнаго совѣта.

филось войни лядскіе видѣти и дознавать въ оних злыхъ приключеній, не послушалъ и имѣнія нѣякого не ховалъ, но своимъ упоромъ все на возы забравши, а согласившись зъ паномъ Турковскимъ и не освѣдчаючи указу монаршого такого, что въ ономъ повелѣвано зъ некрѣпкихъ городковъ уступать у крѣпкіе или въ посторонние мѣста, з быдломъ и з протчимъ, а з мелницъ снасти вынимать, опасаяся того, жебы граждане ихъ не удержали, пошли были, городъ покинувши и людей, ночною добою въ Бакланъ и далѣй за Судость рѣку. А ему-бы можна своимъ домомъ з Есимонтовки своимъ трактомъ безпрепятно и безсорно зъ народомъ ити въ Стародубовъ; понеже за то зсора сталась, что онъ державался пана Турковскаго, на той часъ сотника мглинского будучого. Догнали мглинци великимъ тумултомъ жену єго и мою зъ обозомъ всего имѣнія нашего и настращавши доволно, завернули у Мглинъ, чего ради покойная панѣ родителка наша того времени изъ дому нарушилась, зѣло осердившися. И такъ за скоримъ приходомъ шведскимъ, а не мнѣй и за тимъ, же народъ на нихъ повсталъ для вишеписанних причинъ, на десять тисячъ золотихъ худобы погубилъ своей и моей, якъ и самъ въ чолобитной, подаваемой имъ п. гетману Скоропадскому на Петра Подлузкого выражалъ, по якой отъ п. Чернища, судіи енералного, высланнимъ покойный Дашкевичъ былъ; однакже з того ничого полезного не учинилось, что сие все въ сущую правду сознаю подъ страшнимъ судомъ Божіимъ. А по многихъ турбацияхъ и страхованняхъ, бывшихъ у Мглинѣ отъ народу и отъ находу неприятелского, выходя зъ города, мое-жъ доброе давалъ великороссійскимъ людямъ зъ хутеръ и зъ протчего, свое легшое поховавши, за выводъ со Мглина, бо вже толко насилу пришло на трохъ чыли на чотирохъ возахъ выѣхать усѣмъ, после великого обозу...

2.

Жалоба гетману вдовы генеральнаго хоружаго Ивана Сулимы на сына. Около 1728 г.

Ясневелможный пане и всемилостивѣйшій патроне.

Рада-бы вседушне и по-премногу сама вашему високоповажному рейментарскому оказатися лицу и, при належитой субмѣссіи, бѣдствуемое, отъ своей-же утробы дѣючоеся, оповѣстить житіе; лечъ крайное мое изнемагаетъ калѣтство и болѣзнь не малая.

Еднако-жъ яко до своего полномощного рейментара и патрона з слезнимъ и ревнимъ отзиваюся чоломбиттемъ въ томъ, что позосталие сыни по покойномъ пану моемъ, старшіе Θедоръ и Самуилъ всякое послушенство, при обычайной чести и венераціи материнской, отдавали удовствуемой мнѣ презъ немалое время; а по окончению живота Θедора на службѣ монаршой, и Самуила, первимъ по нихъ остался Іванъ плачливый сынъ мой, на которого еще, яко на преслушника, разграбителя и разорителя дому моего, а не яко на сына, имѣла заносити скаргу въ коллегіи, первие и прежде упоминаючи его материнско и многократне; и по нынѣ прикрие и зѣло поносние отъ него, при старости лѣтъ моихъ, досади, утиски и грабительства износила терпѣніемъ; а теперъ цале не имѣючи куди инуди въ такомъ моемъ разореніи супплѣковати, толко принужденна до ясневелможвости вашой кривавослезную заносити апелляцію на ослушника такого, ибо не тилко необичайними и зѣло досадливими мене словами оний очевисте изъ женою своею укораетъ, но и честь мою поноситъ преднародне, нѣякоесь юродство невиннѣ мнѣ притвораючи; лечъ и на здоровю моемъ не малое увѣчча сдѣлавъ, якою причиною его зъ ущербкомъ здоровя моего и поннѣ въ калѣтствѣ пребываю, въ якомъ хотячи спабдѣніе и отраду принаймнѣй по жизнь мою зъ меншими двома сынами, Семеномъ и Стефаномъ, и зъ позосталими сиротами покойного старшого сына Θеодора дѣтми, а моими унучками, имѣти, лечъ онъ и на тихъ вражду не малую имѣючи, не тилко словесно ихъ укораетъ и ругаетъ безчиннѣ и неприятно слуху людскому, але яко наступца окрутний, не имѣючи ни Бога въ сердцу, ни памятаючи единоутробыя зъ собою, весма ихъ ненавидячи, бьетъ и ни въ чомъ простертися не допускаетъ. Чрезъ волю-же нашу и чрезъ благословеніе и до полѣценного наслѣдія, по согласию обополнимъ зъ покойнимъ паномъ моимъ опредѣленного, подлугъ лекгованного и сочиненного тестаменту, при особахъ знатнихъ и вѣри годныхъ, дѣтямъ моимъ Семену и Стефану, при которыхъ-бы спокойне могла животъ свой кончити; а онъ самоволне грабителствомъ и насилне отобравши и себѣ подлугъ хотѣнія своего належитую часть, якой уже я ему и не оретила, лечъ и тимъ еще не доволствуеться и втручается тамъ, где оному не позволяется и неблагословениемъ обаполнимъ запретилось; якого онъ чрезъ небрежение свое и упарчивость лишаючися и ослушенъ будучи, а нѣ тежъ уважаючи на клятву материнскую и калѣтство мое, и сего времени превеликое грабителство починилъ и чинитъ въ маетно-

стяхъ за службу покойному паву моему наданнихъ; откуду въ калѣтствѣ и слабости здоровя, при старости моей, прекормленіе зъ меншими синами моими и помянутими сиротами имѣю и всякое убожеское одѣяние сооружается. А онъ тому заздростячи, послѣднему въ крайнее убожество и бѣдство мене грабителствомъ своимъ приводитъ и такими ребеллѣями, поступками и неспокойнимъ житиемъ ежеденно утруждаючи, прежде времени желаетъ мене умертвити. И дабы указомъ ясневелможности вашой призванъ оний ослушникъ былъ во оправданіе наочне и по праворазсудителному рѣшению прещения и знатное отъ его-жъ ясневелможности принялъ наказание; и впредъ-би таковаго необичайного не чинилъ и не важился чинить мнѣ бѣдствуемой матери своей и сынамъ моимъ меншимъ грабителства, утѣсненія и насилства. Милостивное таковое въ занесенной апелляціи моей отъ полномощного рейментара своего дознавши помилованіе, по жизнь мою зъ позосталими сиротами одолжаюся за щастливое и долголѣтное его ясневелможности, моего всемилостивѣйшаго патрона, правителство и владѣние непрестанно Господа Бога благати, яко и повинна. Ясневелможности вашой, моего всемилостивѣйшаго пана и многодознанного добродѣя, нижайшая слуга Мария Полуботковна Иванова Сулимина, хоружая енералная, для лучшого достовѣрия къ сей чоломбитной моей своеручно крестъ святий прикладаю †.

3.

Четыре письма къ бунчуковому товарищу Григорію Демьяновичу Скорупѣ: зятя—Петра Искрицкаго, Ивана Михайловича Миклашевскаго, Василія Алексѣевича Дмитрашко-Раича и генеральнаго есаула Петра Валькевича. 1730—1740 г.

а) Милостивѣйшій мой отче и добродѣю.

Господарь двору рейментарского, панъ Костантій Острожскій мѣетъ по указу ясневельможного добродѣя, прійдуючого августа 1 или 2 числа отъездить въ Мглинъ, для взятя на урядѣ тамошномъ купчой на покупленніе грунта его ясневелможности, а оттоль (еще для лучшой крѣпости) прибувши въ Стародубъ, зъ майстрату тамошного взять мѣетъ екстрактомъ купчую тихъ покупленнихъ грунтовъ; которій поневажъ, за волею ясневелможной панеи, за однимъ заходомъ, и мнѣ осмотрувать будетъ приторговать хуторъ, того ради благоволи вм. м. добродѣй, освѣдо-

мившись о его, господара, въ Мглинъ прибытіи, объявить письмомъ своимъ о хуторѣ, ежели якій на продажѣ имѣется поблизу, а хочай и въ разстоянію отъ Стародуба, биле бы былъ угоденъ и чтобъ при немъ млинъ занять мощно было; понеже такъ вскорости, а особливе не знаючи осѣдлостей тамошнихъ, господарь не можетъ винайти безъ объявленя ему. О якую вм. м. добродѣя отеческую милость покорнѣйше просячи, зостаю вм. м. добродѣя щирозичливый синъ и нижайшій слуга Петръ Искрицкій [1]). Глуховъ, іюля 30 д. 1730 году.

Адрессъ: „милостивѣйшому моему отцу и добродѣевѣ, его милости, пану Григорію Скорупѣ, знатному товаришевѣ бунчуковому“.

б) Мосцѣ пане Григорій Скорупа, мнѣ велце мосцѣ пане и сердечне коханый племѣннику.

Прибывши панъ Θеодоръ Ширай въ Любечъ, писалъ ко мнѣ, что никакой команды тамо не засталъ, токмо панъ Есимонтовскій поручивши де въ команду горы, воды и лѣсы, отъехалъ въ домъ. Зъ здешнихъ-же чернѣговскихъ вѣдомостей болше никакихъ газетовъ не имѣется, токмо старая войтиха Лопатиха сего на датѣ положеннаго числа рано умре; а я на кушене запрошенъ до преосвященного, где и за ваше здорове полную имѣю выпить объявляю; да если еще неизвѣстно у васъ, ижъ указъ во всѣ малороссійскіе полки, въ томъ числѣ и въ чернѣговскомъ, полученъ сего октоврія 13 д., дабы всѣ полковники зъ старшинами, бунчуковіе и значковіе товарищи и хто тилко іменемъ козачимъ зовется, подъ смертною казнею, были въ крайней къ походу готовности, дабы за полученіемъ впредъ указа въ 24 часа выступили непремѣнно, къ выше показаннимъ сообщаю вѣдомостямъ, а доброздравственного вм. м. пану желая пребиванія, остаюсь вм. м. пану, сердечне-коханному моему племѣннику, щирозичливий дядя и слуга Іванъ Миклашевскій [2]).

1736 году, октоврія 14 д. Чернѣговъ.

Адрессъ: „Моему велце мосцѣвому пану, сердечне коханому племѣннику, его милости, пану Григорію Скорупѣ, знатному товаришу бунчуковому, въ городѣ Сосницѣ у покупки провіанта обрѣтаючомуся, надлежитъ“.

---

[1]) Родной племянникъ гетманши Ульяны Апостолъ, рожденной Искрицкой.

[2]) Сынъ стародубскаго полковника Михайла Миклашевскаго. Григорій Скорупа былъ женатъ на родной племянницѣ Ивана Миклашевскаго, дочери Степана Спиридоновича Ширая.

в) Мосцѣ пане Григорій Скорупа, вселаскавый мой свате и благодѣтелю.

Племенникъ мой, сотникъ ивангородскій п. Матвей Кониській, пришедши смотреніемъ Божіимъ въ совершенный возрастъ, будучи совершенного ума и ученія, желаетъ въ супружество себѣ пріятеля искать; а понеже сей станъ, по Божіему смотрѣнію и и его святой ординаціи установленный, избираютъ персоны не безъ пріятелского отозву и родителского консенсу, того для пріятелскую мою сватовскую вм. пану симъ моимъ выразивъ венерацію, родителского вашего соизволенія и аппробацѣи моего отозву съ охотою дожидаюсь. И ежели намѣренъ вм. панъ наймнѣйшую свою панну дочъ ему пану Матѳею Кониському въ супружество отдать, покорнѣйше прошу вм. пана стороны отозву моего своимъ мене писанемъ не оставить, которое мнѣ въ надежду сватской вм. пана любвѣ висвѣдчить имѣючойся благопріятное будетъ, а нынѣ со всякимъ персони вм. пана почтеніемъ остаюсь вм. пана покорный слуга Василий Думитрашко-Райча, бунчуковий товаришъ [1]).

12 септеврія, 1737 году. Нѣжинъ.

г) Мосцѣ пане Григорій Демяновичъ, мой давно знаемий друже и брате.

Всѣмъ тое можетъ быти извѣстно, въ томъ числѣ и вм. пану, же я прежде сего за службою и за разними зъ Малой Россіи отлучками по указамъ, не вѣдалемъ о нуждахъ и долегливостяхъ дому моего, чрезъ многое время. А нынѣ, когда въ дому трохи помешкалемъ, извѣстился зъ жалобы слобожанъ моихъ, жителей слободокъ Чернетщини и Чернятки, что вм. панъ, сидячи слободою въ отчинѣ покословской и знаючи границу между Покословщиною и между грунтомъ моимъ меженковскимъ, за рѣчкою Жечою лежачимъ, въ которомъ помянутіе мои слободки поселени, черезъ межу, въ оний мой грунтъ зъ двохъ сторонъ вступаешъ и изъ слободокъ моихъ сѣно не разъ велѣлъ забирать, и въ протчемъ ихъ обидить поступая, указомъ ея императорского величества противно, понеже на тотъ грунтъ и на утвержденіе оного границы имѣю я многіе крипости подлугъ давного ограниченія и розъѣзда: первей отъ старшини полковой, а потомъ отъ енералного бунчуч-

---

[1]) См. ниже № 5.

ного пана Лизогуба зъ протчіими чиненніе, послѣ декреталіе суду войскового енералного писма, унѣверсали и приватніе укази гетманскіе, а зверхъ того всѣ крипости утверждающая високомонаршая блаженной и вѣчнодостойной памяти его императорского величества жалованная грамота на все мое помѣсте, въ томъ числѣ и на мой меженковскій грунтъ, якъ есть въ своемъ ограниченню, данная во вѣчное владѣніе; о чемъ знать и вм. панъ, не безъизвѣстенъ будучи, писалъ къ вамъ писмомъ своимъ, припоминаючи того нашого грунту граничеціе, при енералномъ бунчучномъ подтвержаное, и просилъ, жебы потому смежности не нарушать, но содержать. А якъ зъ дѣла показалось, самъ вм. панъ въ томъ не устоялъ и не видя господара грунту въ присутствіи, такожъ доброй пріязни свѣтліе очи прикривши лакомимъ упоромъ, пустился былъ по чужое, да и зъ друга въ недруга переменившися, захотѣлъ мене обидити. И затимъ неправимъ поступкомъ, приличнѣйшого иску зъ паномъ Гудовичемъ и зъ Германомъ запомнѣлъ. Якъ-же ни было прежде безъ мене, нынѣ все тое Господь Богъ и високіе укази ея императорского величества исправлятъ во благо, и впредъ я себе обидити не дамъ! Толко не опускаючи слобожанъ моихъ обиды прежней, хотѣлъ бимъ вѣдать, почему вм. панъ силенъ такъ безъ мѣри, же не толко крипостей обыкновенних, но и чрезвичайной вседостойнѣйшой твердости монаршого привилею за предѣлъ и важность не имѣете? Надѣюся, на поселеніе слободки своей, скажешъ вм. панъ, же есть унѣверсалъ гетманский.—Тилко чи совершенний?—Ибо извѣстенъ я, что нѣкоторый унѣверсалъ вашъ въ канцелляріи енералной прежде подрано; а що нѣсколко купилъ вм. панъ у покослоцовъ дубовъ да сосонъ, инних для латвѣйшой куплѣ въ турму сажаючи, тое здается мнѣ до нарушенія граници меженковской и до забиранія у слобожанъ моихъ сѣна не силно, да и заводци ваши, дубовіе и сосновіе почому дерева и свои-ль или чужіе, вамъ показали, жадних крѣпостей не имѣютъ, подлинно знаю; однакожъ между деревомъ отчиннимъ и грунтомъ земелнимъ разнь и граница обосторонная мѣетъ бити безъ нарушенія; въ тому-же купля и купчая наша покословской полоси первѣйшая, за которую гроши наши продавцевѣ передомъ позаходили и еще за оную росправы не было. Чого ради хоти вм. панъ чимъ слобожанъ нашихъ изобидилъ, тое имъ наградить, а черезъ границу въ грунтъ мой впредъ не вступать нияким способомъ и проискомъ, понеже я чрезъ сее мое писаніе объявляю тое, защищая себя указомъ ея императорского

величества и чтобъ вм. панъ потомъ не вимовлялся, что о томъ извѣстенъ не былъ. Впротчемъ, остаюся вм. пану зичливий приятель и братъ охочий ко услугамъ Петръ Валкевичъ [1]).

4.

Письмо березанскаго сотника Василія Алексѣевича Дмитрашка-Райча къ своему полковнику Семену Сулимѣ, поздравительное съ рожденіемъ сына. 1746 г.

Велможний мосцѣ пане полковникъ переяславскій, милостивий мой добродѣю.

Рожденнымъ сыномъ велможности вашой Θеодоромъ Семеновичемъ поздравляя, желаю, даби шляхтичъ отъ шляхтича рожденний таковой дождалъ чести, какову велможность ваша и антецессори получили и въ числѣ велможнихъ считался зо временемъ, которому дай Боже совершенний возрастъ на подпору и вящшое прославленіе имени велможности вашой. Я же должность мою вѣдая, мой поклонъ отдать, по приказу велможности вашой, имѣю и со всею моею покорностію остаюсь велможности вашой всепокорнѣйшій слуга Василь Д. Райча.

1746 годъ. 8 дня іюня. Березань.

P.S. Ignosce quasi illustrissime quod hodie et cras non veniam, parce quaso 100 rublones d. Johanni Marcowicz ex vitrans actionis solvendo cui veniam postcras, fidibus non oblector potum horreo, tibi bene precari non deero.

5.

Письмо прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ Семену Сулимѣ, съ приглашеніемъ на свадьбу дочери. 1752 г.

Високородній и високопочтенний господинъ полковникъ переяславскій, сердечній мосцѣ пане брате и добродѣю мой.

Понеже, по судбахъ Божескихъ, дочь моя Елена зговоренна въ супружество умершего бунчукового товарища п. Андрея Миклашевскаго сину его, пану Петру Миклашевскому, а къ бракосочетанію ихъ, по согласію обоихъ сторонъ, положенъ термѣнъ сего

---

[1]) Письмо писано, по видимому, около 1740 г.

году въ слѣдующомъ сентябрѣ мѣсяцѣ 20-е число, и яко такови веселніи акта найвящше приукрашаеми бывають собраніемъ достойнѣйшихъ гостей и пріятелей, такъ и я, по преданности моей, почитая вашего високородія персону за найвожделеннѣйшого къ сему присутствію гостя, всепокорно прошу на воспомянутое число, купно зъ дражайшею вашего високородія супругою, не отказатся въ домъ мой благоволить прибыть и чрезъ то ущасливить мене, обще, при такомъ случаѣ, сугубо—какъ о благополучномъ вашего высокородія прибытіи, такъ и о совершенномъ дѣтей моихъ Богомъ узаконенного супружества восприятія—порадоваться; чего сердцемъ моимъ найохотнѣйше желаю, зъ равномѣрнимъ одолженіемъ, дабы и я при такихъ случаяхъ поважному вашего високородія дому щасливъ былъ мои услуги показать, къ которымъ и нынѣ совершенно и съ почтеніемъ обязуюсь и есмь вашего високородія, сердечного мосцѣ пана брата и добродѣя моего, покорний слуга Григорій Галаганъ.

Августа 23 д. 1752 г.
Прилука.

6.

Ордеръ гетмана Разумовскаго генеральному подскарбію Михайлу Скоропадскому объ отрышеніи его „отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ". 1753 г.

Господинъ Скоропадскый!

Изъ многихъ опитовъ, доволно мнѣ извѣстнихъ, я усмотрѣлъ, что ви, будучи мнѣ точно, по всевисочайшей волѣ ея императорскаго величества, человѣкъ подъ властію, вознамѣриваетеся противу мене нѣкоторимъ якоби самовластіемъ и весма мало уваженія имѣете на мои ордери, чрезъ что о себѣ даете въ народѣ малороссійскомъ великое мнѣніе, а моей власти нѣкоторимъ образомъ уничтоженіе. Хотя я самъ изъ многихъ вашихъ поступокъ очое примѣтилъ, однакожъ снисхожденіемъ моимъ или паче молчаніемъ старался васъ привести къ должности вашей, что самое ви видѣть всегда могли изъ того, что многое не по вашему мнѣнію отъ мене иногда опредѣляемо било, но по собственному моему разсужденію; ви-же, какъ вижу, стараетесь подъ имянемъ блага народнаго, укорять мене во многихъ повелѣніяхъ, или своимъ ослушаніемъ или таковими представленіями, которія

болше сходствуютъ возраженіямъ противу мене, такъ-какъ я самъ усмотрѣлъ въ представленіяхъ мнѣ, отъ васъ учиненнихъ отъ мая 14 и 25 чиселъ сего года, гдѣ войсковая оставшаяся въ Глуховѣ канцелярія, вашимъ уповательно руководствомъ, показиваетъ мнѣ дерзостно и безъизвѣстно, яко-би при моемъ гетманствѣ, для моихъ домовихъ нуждъ, весь народъ малороссійской къ разоренію и крайнему истощенію приведенъ и будто-би уже всего малороссійскаго народа едва кто и въ домѣ остается; гдѣ хитростно мнѣ представлено и то было, чтоби я хотя половинное число толко бралъ народа на работу, ибо де уже многое число онаго къ побегу обратилося, или въ слободские полки, или за границу, а изъ сего уже въ тѣхъ представленіяхъ и далніи амплификаціи и непотребніи слѣдствіи дополнени. Все-же оное приписиваете моей экономической канцеляріи, которая однакожъ ничего, безъ точнаго моего повелѣнія, до сего времени не дѣлала; почему всѣ такия уразителніи представленіи къ моей собственной персонѣ склоняются. Въ самомъ-же существѣ не толко ничего того не сискалося, но еще по нѣкоторимъ изъ сего слѣдствіямъ показалося, что оныя представленія вимишленни или для возмущенія противу меня народнаго, или въ сохраненіе въ архивѣ канцелярской противу настоящаго и безпристрастнаго моего гетманства, сходствуемаго во всемъ съ височайшею волею всемилостивѣйшей моей государиви, нѣкоторыхъ будто-би доказателствъ къ каковимъ-либо впредъ намѣриваемимъ жалобамъ. Напослѣдокъ, когда я учредилъ для лутшаго порядку экономическую канцелярію, не мою точно, но гетманскую, въ томъ мнѣніи, даби всѣ малороссійские дѣла лутшимъ распорядкомъ теченіе свое имѣли, а въ оной опредѣлилъ членами совѣтника Теплова и трехъ бунчуковихъ товарищей, а именно: Тернавского, Ломиковскаго и Чуйкевича, гдѣ и писменное учрежденіе далъ, что оная экономическая моя канцелярія не иное какое мѣсто есть, тоже самое, что и войсковая канцелярія, но одному мѣсту отъ меня предпоручено войсковые дѣла отправлять, другому гетманскый урядъ, касаючыйся до содержанія дому нѣкоторихъ городовъ и маетностей; то въ семъ случае возмечтали ви таковое мое учрежденіе вовся уничтожить разними проэктами и своимъ прозрѣніемъ, и перво, неприлично почитать то себѣ за обиду, что оной экономической канцеляріи опредѣлено отъ мене относиться съ вами въ равенствѣ: въ каковихъ случаяхъ никогда не взирается на честь присутствующихъ, но на важность мѣ-

ста. Вскорѣ-же послѣ моего учрежденія, ви вздумали уравнивать войсковихъ канцеляристовъ съ членами экономической канцеляріи, и на спошеніяхъ, въ противность мнѣ, своимъ установленіемъ опредѣлили подписываться рядовимъ канцеляристамъ, а въ немалую обиду членамъ той канцеляріи; напослѣдокъ, когда оное мною пресѣчено было, то не единожди на справедливыя требованія оной канцеляріи присилать свои грубия отвѣти и задавать иногда неприличныя требованія, на которие я снисходительно чрезъ долгое время съ терпѣніемъ взиралъ. Наконецъ, усматривая самъ изъ нѣкоторихъ въ экономическую мою канцелярію отъ васъ сношений таковыя экспрессіи, которыя безъ всякаго уваженія на мою собственную персону обращается, то, не требуя уже ни отъ кого себѣ болшихъ доказателствъ и экспликацій, хотѣлъ принять таковия мѣри, каковихъ власть, по всевисочайшей волѣ отъ ея императорскаго величества, мнѣ данная надъ вами требовала; но по крайней моей умѣренности еще удержался отъ того, а повелѣлъ изъ экономической канцеляріи отвѣтъ за моею апробаціею вамъ написать, что и учинено, и хотя ви точно вѣдали, что оный отвѣтъ изъ экономической канцеляріи состоялъ изъ моихъ собственныхъ повелѣный, однако-жъ не хотячи онаго разумѣть, вздумали мнѣ приносить на совѣтника Теплова жалобу, дая чрезъ то мнѣ знать, что вы не пріемлете таковихъ моихъ отвѣтовъ; а между тѣмъ учинили у себе, яко-би парламентское нѣкоторое опредѣленіе, въ противность моему ордеру, не сноситься писменно въ равенствѣ съ экономическою канцеляріею, чего было вамъ дѣлать никакъ не подлежало, безъ собственнаго моего повелѣнія, а слѣдовало представить прежде и ожидать на то резолюціи, а не собою отрѣшить мои ордери, чрезъ что явное подали презрѣніе къ моей персонѣ, а на себе навели нѣкоторое общественное самовластіе въ народѣ. Сколь сіе есть дерзновенно, то ви разсудить сами можете. Хотя-жъ ваша жалоба несправедливая отвѣта еще отъ мене никакова не удостоена, но для лутшаго усмотрѣнія, кто таковимъ затѣйкамъ притчиною, принужденъ я былъ господина обозного генерального [1]) въ войсковую канцелярію опредѣлить съ вами единимъ, а протчихъ отрѣшить; ибо ви иногда сказиваете въ таковихъ случаяхъ, что не сили другихъ голоси оспорать. А нынѣ усматривая, что положенное вами опредѣленіе прежде

---

[1]) Семена Кочубея.

сего о несношеніи съ экономическою канцеляріею письменномъ въ вашемъ мнѣніи силу свою и по сію пору имѣетъ, въ явную противность мнѣ, и господинъ обозный генералный, хотя далеко старѣе васъ чиномъ, мнѣніемъ своимъ согласующій съ моимъ ордеромъ, не силенъ находиться васъ самихъ оспорить; чрезъ таковый поступокъ ви себе оказали, что и прежнимъ затѣйкамъ не кто иный притчиною, ибо вознамѣрилися или виспекать отъ мене неправедно требуемую сатисфакцію на совѣтника Теплова, или таковымъ ослушаніемъ укорить мои поступки, которыя предъ лицемъ ея императорскаго величества всегда вѣрни и безпристрастни. Я вижу, что ви мою терпеливость и учтивое до сего времени съ вами обхожденіе толкуете своей головѣ, якобы въ нѣкоторое мое непроницателство, въ чемъ ви по сіе время весма ошибаетеся. Изволите ведать, что ваше високомисліе мнѣ всегда видимо было и оное весма неприлично; и ви никакими знатними службами предъ ея императорского величества похвалиться еще не можете предъ протчими многими службами въ Малой Россіи; хотя ви и много лѣтъ щитаете вашей службѣ, и вѣдаете, что довольно найдется у ея императорского величсства чество служащихъ малороссійскихъ людей, которые мѣсто ваше заступить могутъ. И не думайте, чтобъ ви въ такой цене были, какъ ви сами себе содержите. Когда ви презираете всѣ до сего учиненныя вамъ отъ мене милости и снисхожденіи, а на-послѣдокъ не толко ослушни уже являетеся моимъ ордерамъ, но и своими противнаго содержанія приговорами отрѣшаете, чрезъ что явное поощреніе даете другимъ, то видно, что ви не хотите припамятствовать поступокъ прежнихъ моихъ антецессоровъ съ таковими ослушниками, а составляете и своей персонѣ голосъ, якоби цѣлаго народа, противу мене. Чего ради я не имѣю болшей къ вамъ никакой повѣренности и отрѣшаю васъ отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ, а сверхъ того приказиваю быть вамъ въ Глуховѣ, не віезжая ни на малое время, ни подъ какимъ видомъ, безъ моего позволенія, изъ города. А ежели что противно сему еще учините, то я другия мѣри сищу васъ заставить почитать власть надъ вами поставленную отъ всемилостивѣйшей нашей самодержицы.

Москва. Декабря 24 д. 1753 году.

Гетманъ Разумовскій [1]).

[1]) Думаемъ, что приведенный „ордеръ" Разумовскаго, найденный нами въ сулимовскомъ архивѣ въ копіи XVIII в., писанъ подъ диктовку Теплова, который предсѣ-

7.

Письмо А. Канорювскаго-Сохи къ Григорію Сковородѣ. 1754 г.

Любезнопріятнѣйшій другъ мой, господинъ Сковорода.

Писаніе ваше чрезъ г. А. Турчановскаго я исправно получилъ. Не мало радуюсь о вашемъ прибытіи въ Малую Россію; много паче печаленъ о неудачи вашей въ вашемъ странствованіи. Однако нѣчему и удивлятись: часто трудолюбивая пчела, ища пріумноженія сокровищамъ своимъ, обтекая неизмѣримые мѣста пространныхъ поль, зачавъ отъ Пелопонеса и минуя острова Серискіе, пролетѣвъ изобилную Индію, ища цвѣту амарантового, преходитъ чрезъ сѣверные границы, гдѣ царство Хаоса и Старой Нощи граничитъ съ небомъ, тщетно возвращается, но вторичво почивъ чрезъ ночь, возводитъ очи вмѣстѣ и желаніе свое, видитъ по щедротамъ неба блещащую на листахъ полезную росу, которая развиваетъ унылые листья и показываетъ ей цвѣты корыстми потребными наполненными, она радуясь усугубляетъ трудъ свой, забиваетъ суети прошедшаго дни, возмѣщаетъ корысти и радуясь награждаетъ потеранное.

Таковымъ образомъ, пока силы еще въ насъ, а паче въ тебѣ не ослабѣваютъ, возведъ очи къ милосерднимъ небесамъ и во мѣсто росы, проливъ свой источникъ, протекающій отъ сердца чрезъ пріятные два свѣтила, дождись оттуду корыстей; дождись и мене, твоего нелицемѣрного друга, который въ жаждѣ твоей самъ сугубо жаждетъ. Ежели тебѣ не скифство покажется, тамъ гдѣ я хочу, будешъ вомѣщенъ несумнѣнно. Все оставя, не печалися и дождись меня. Я въ маи мѣсяцѣ именно буду. Я о тебѣ старателство хочу приложить и исходатайствовать тебѣ тѣхъ милость, которіи умѣютъ съ камени сдѣлать человѣка да человѣка доброго. Не отлучайся никуда; я за тобою пришлю, какъ пріѣду; потерпи па мнѣ, вся ти воздамъ. А нынѣ заключаю, что я твой вѣрній братъ и слуга, каковыми хочу жить и умереть. А. Капоровскій-Соха.

дательствуя въ учрежденной по его мысли и для него „экономической канцеляріи“, хотѣлъ, подъ видомъ защиты интерессовъ „гетманскаго уряду“, взіять на дѣла всей Малороссіи. Встрѣтивъ оппозицію со стороны Скоропадскаго (р. 1697+1758), Тепловъ, какъ видно, безъ особыхъ затрудненій, удалилъ его „отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ“ и выдвинулъ на его мѣсто молодаго Семена Кочубея (р. 1725 г.), уже беспрепятственно взіялъ на дѣла Малороссіи.

P. S. Бога ради, братѣку, прилѣжай ученіямъ и ежели нѣ отъ кого, то самъ, до пріезду моего, у себе учись. Не печалсь ни одѣяніемъ, ни другимъ чимъ; все будетъ, толко ученія не забывай. Вотъ тебѣ за много латинскихъ и русскій:

Питай лавръ водамы, пока не увянетъ!
И скройся грозныхъ тучъ, пока громъ не грянетъ!

Не погнѣвайсь, что я писалъ скоро и безъ разсужденія. Ты простишъ мнѣ, что не резолюцію написалъ.

P. S. Хотя не сатрапа персидскій, однакожъ не тотъ, что былъ; толко ты узнаешъ протчихъ. Оддаленъ живу и умру оддаленъ-же.

1754 г. генваря 25 д.
Москва [1]).

8.

Письма Семена Ивановича и жены его Прасковьи Семеновны Сулимъ къ сыновьямъ.

а) Любезнѣйшій сыну, Якимъ Симеоновичъ. Ми родительски сердцами обрадовани о вираженномъ въ писмѣ, что васъ Всевишній за труда не оставляя, якое нѣ есть производство подъ болшій степень получили. И надѣемся, по нашему молитвенному къ Богу восклицанію, не оставлени и впредь будете, толко по своимъ наукамъ зъ помощію (сѣтце су[illegible]патроші:) а лучше Божіею дерзать, чимъ би еще въ живихъ будучи, въ серцахъ ми радостнихъ пріобрѣли хочь маленку жизнь. О Симеонѣ, сыну нашемъ, болѣе размишлять нѣчего, какъ бы ему хорошую отставку получивши, женить его, чтобъ и насъ, не лишась сего вѣка, моглъ поддержать и своими труди; ибо въ насъ въ отечествѣ много противъ прежнего перемѣнъ насилствуется; хочай на то отъ монархи имянного и указу нѣтъ, можете зъ копѣи у Семена вичитавши, разсудить, да и впредь, Богъ вѣсть, что происходитиметъ. Васъ, любезнѣйшій сыну, родителски просимъ, всѣми мѣри стараться о дохожденіи

[1]) Письмо надписано: „Сердечному другу и пріятелю моему, Григорію Ивановичу, его благородію, Сковородѣ, или Савину, или Дунаевскому. Въ „Каврая". О Капоровскомъ знаемъ только, что онъ былъ племянникомъ Семена Ивановича Сулимы, полковника переяславскаго. Село Каврая въ это время принадлежало Степану Васильевичу Томарѣ. Вѣроятно, о немъ и говорится въ P. S.

по дѣлу Михалчиной и Гудовки маетностей конца и насъ наскорѣ увѣдомить. О Симеонѣ разсудить, что вскорѣ очей позбудеть, да и тамо зъ жалованья ему не прокормится, какъ въ одѣяніи и прочомъ. Бога ради, промишляйте объ немъ и какъ возможно старайся въ будущій годъ выпускъ ему совѣтовать получить. А вамъ отъ сердецъ родителскихъ зичимъ, при молитвахъ нашыхъ, въ помощь благополучія вашего пробавити и контиитовать до болшого степени; отъ отчизны васъ не оставляемъ во вѣки. Сиеочку, за присылку книгъ много благодарю и впредь просимъ переводами своими снабдивать насъ. Книжки Тюрена, зъ которихъ мѣлъ презентовать нашему шефу П. А. Румянцову, но я его дожидаясь въ полку своемъ видѣть и тогда презентовать имѣлъ; однакъ пощастю въ насъ не бивалъ и затимъ остались въ мене. Болѣе за слабостію писать не досугъ. Васъ, любезнѣйшій сину, Божію промислу, при молитвахъ нашихъ, препоручаемъ. Вамъ всѣхъ благополучій вѣрноусерднѣйшій отецъ и мати Семенъ Параскевія Сулими.

Ноябра 30 д. 1765 г. Баришовка.

б) Любезнѣйшіе дѣты, Семенъ Семеновичъ, Якимъ Семеновичъ. Отпущеннимъ моими до сего къ вамъ чрезъ Кіевъ и Глуховъ писмами дала я вамъ знать о горестномъ и тяжкомъ приключеніи нашемъ, что мой мужь, вашъ отець, минувшого мая 27 числа, сполдни въ половинѣ третего часа, по долговременномъ разними болѣзнями страданіи, преставился изъ сего на вѣчное житіе, оставя мене съ вами въ сиротствѣ и къ пролитію тяжчейшихъ слезъ моихъ. А нынѣ и чрезъ сей удобной случай о томъже нещастіи вамъ повторяю и плачливе прошу васъ, любезніе дѣти, во всемъ томъ, что покойній отець вашъ чрезъ отправленного къ вамъ Якубовского писалъ, прилагать неусыпного старателства къ вашему благополучію и моему утоленію неснослихъ печалій. Да и сами вы, какой ни на есть съ васъ, не укоснѣть сюда пріѣхать подъ сей случай, ибо братъ вашъ Евстафій Семеновичь на время было въ домъ отпросился, да и паки на срокъ по обовязки отъѣхалъ. При томъ не оставте постараца испросить у графа Румянцова сюда въ полкъ ордеръ, чтобъ значковій товарищъ Шулговскій, въ котораго вѣдѣніи и знаніи всѣ нашы писменніе дѣла, оставленъ былъ для оннхъ, подъ такое время, при домѣ нашемъ, на свободѣ отъ полковихъ по его званію нарядовъ; и тое прислать ко мнѣ, и обо всемъ уведомить, да и Якубовскаго не медлить. Чего всего, а паче самихъ васъ, коего возможнаго

прибытія, ожидая и поручая васъ же Божію благословенію и милосты, остаюсь вамъ, любезніе сыни, усердно богомолствующая печалная маты, Параскевія Сулимина.

Іюнь 9 д. 1766 г. Барановка.

9.

Письмо Василія Ивановича Скоропадскаго къ Ивану Андреевичу Войцеховичу. Окт. 1786 г.

Милостивый государь мой, Иванъ Андреевичъ. Признательно вамъ благодарю за исполненіе моей коммисіи относительно отсылки письма моего въ Питербургъ и за сообщеніе разныхъ бумагъ, въ пакетѣ вашемъ вложенныхъ. У насъ по Юркевичевому дѣлу есть очевидность доказательствомъ, что нынѣ въ свѣтѣ все идетъ и такъ, и сякъ. Планы я у васъ оставляю, потому что они здѣланы для покойнаго отца моего и ошибкою оставлены въ коммисіи покойнымъ Семеномъ Васильевичемъ [1]). Записку-жъ, по требованію вашему, обратно вамъ отсылаю и хотя вы таите сочинителя оной, слѣдуя въ случаи семъ скромности столько васъ отличающей, которой въ протчемъ правду говоря, между нами не долженствовало бы быть, однакожъ по надутому слогу, по чудности изреченій, по лести безмѣрно тутъ находящейся, я отгадываю, что писалъ записку тотъ грекъ, что изъ Царьграда притекъ, несносну ябеду съ собой привлекъ и матерь его да будетъ пекъ. Въ протчемъ естли тѣ безмѣрныя похвалы, коими усыпана записка, относются на имя извѣстнаго вамъ моего благодателя и правителя сего края [2]), то они справедливы суть всеконечно. Но естли паче чаянія (чего конечно быть не можетъ) клонятся они къ тому, кто столько фамилію нашу обидилъ, то вотъ мой на сіе отвѣтъ:

не можно,	ни за что,
что можно	ни про что,
дурака,	возвышать,
простака,	украшать
выхвалять,	дѣлами,
прославлять	хвалами.
и повѣсть	На время
надъ совѣсть .	и племя,

[1]) Кочубей, членъ малороссійской коллегіи. † 1779 г.

[2]) П. А. Румянцевъ.

что течетъ,
навлечетъ
правды свѣтъ
и минетъ
ужъ тогда,
на всегда,
блескъ хвалы;
а глупый
тотъ подлецъ,
тотъ срамецъ,
что писалъ,
что маралъ,
что потѣлъ,
что вертѣлъ
и умомъ,
и перомъ,
дабы соръ
пустой вздоръ
издавать,
предавать
потомству,
къ знакомству
всѣхъ людей
по своей
глупости,
тупости,
допущенъ быть не можетъ.

Ожидаю отъ скромности вашей, любезный другъ, что сія шаль, которая ничто иное есть, какъ плодъ празднаго времени, останется между нами, не съ тѣмъ однако, чтобъ я сего боялся; нѣтъ! но чтобъ не имѣть себѣ непріятелей. Въ протчемъ усердіе мое и почтеніе къ вамъ есть довольно извѣстны. Итакъ не распространяя письма моего излишними онаго повтореніями, я кончу тѣмъ для меня найпріятнѣйшимъ увѣреніемъ, что есть и пребуду навсегда вашъ покорнѣйшій слуга. В. Скоропадскій [1]).

(Ок. 1786 г., изъ с. Авдѣевки).

10.

Два письма слободско-украинскаго епископа Христофора Сулимы къ брату Акиму Сулимѣ. 1789 г.

а) 1789 года 12 августа, въ понедѣльникъ, съ Санктпетербурга.

Донесъ меня Богъ въ Питеръ благополучно сего 9 августа, въ четвертокъ. Живу въ невскомъ монастырѣ. Ризницу уже при-

---

[1]) В. Ив. Скоропадскій служилъ у Румянцова адъютантомъ. Подъ обидчикомъ Скоропадскихъ здѣсь разумѣется, кажется, генер.-лейт. Семенъ Ивановичъ Неплюевъ, мужъ двоюродной сестры В. Ив—ча, Прасковьи Петровны. Послѣдняя, будучи бездѣтною и желая передать мужу имѣнія, выдала на послѣднія купчую крѣпость какому-то Чоглокову, а Чоглоковъ на эти имѣнія выдалъ Неплюеву закладную крѣпость. Скоропадскіе, послѣ долгаго процесса, добились признанія купчей крѣпости недѣйствительною и вернули отъ зятя сс. Блотницу, Васьковцы, Чепелевъ и Охромѣевичи.

нили въ синодѣ. Письма поручилъ; одно только еще у меня остается къ Якимовичу. Графъ [1]) сказалъ: съ удовольствіемъ пріймуся стараться и пошлю къ митрополиту записку или съ нимъ увидѣвшись, поговорю. Петръ Васильевичъ [2]) приказалъ частѣе у его бывать и обѣщался такъ-же стараться, но примолвилъ еще, чтобъ собравши мѣсто, ему доложилъ. Николай Петровичъ [3]) былъ весьма доволенъ письмомъ и мнѣ показался пріятнѣйшимъ; притомъ сказалъ, когда услышилъ, что 24 года въ монашествѣ и еще безъ чина, что всѣхъ святыхъ призовемъ на помощъ, чтобъ графа понудить къ доставленію чина и—свой своему по неволѣ долженъ помогать. Есть еще дворецкій у графа съ студентовъ, Острогорскій, приближоный къ графу, а мнѣ знакомый, ибо я его отцу помогалъ еще въ Переяславѣ и онъ помнитъ; а посему меня скоро и къ графу представилъ и крѣпко съ Николаемъ Петровичемъ взялся часто напоминать о мнѣ графу. Но что Богъ устроитъ, еще не извѣстно. Въ духовныхъ нѣтъ надежды вовся, кромѣ духовника; не любятъ—съ дворянъ; хотятъ, чтобъ первѣе имъ послужилъ, а потомъ въ чинъ. Митрополитъ приказалъ намѣстнику, когда буду проситься въ невскій монастырь, то чтобъ принялъ въ число братіи; но я ни за что здѣсь оставаться не соглашуся и мнѣ здѣшнее житье вовся не кажется; я естьли недѣль чрезъ двѣ ничего не получу, отсель удалюся и оставлю стараніе Николаю Петровичу и г. Острогорскому. Желаніе-жъ мое, за возвратомъ, переселиться къ могилевскому преосвященному [4]): ибо онъ обѣщался дать мнѣ чиноначаліе, а большого буду ожидать въ маломъ чинѣ. Всѣ о вашемъ здоровьи спрашивали, а о дѣлахъ никто ничего не предлагалъ. Петръ Василіевичъ удивился, когда услышилъ о смерти Семена Семеновича. Valete et sis validus; timeo, ne teneam necessitatem rerum gerendarum ideoque cito hoc mense discedam.

P. S. Матушкѣ низенько кланяюся, а юнотъ [5]) мысленно цѣлую. Искренно желаю видѣть всѣхъ здоровыми и благоденственными.

---

[1]) Безбородко.

[2]) Завадовскій.

[3]) Румянцевъ?—Отецъ его, тогдашній правитель Малороссіи, былъ сосѣдомъ Сулимъ, по ташанскому имѣнію.

[4]) Георгію Конисскому.

[5]) Юнцовъ, т. е. дѣтей Акима С—ча.

б) Съ Санктпетербурга въ среду 1789 года, 3 октября.

Excellentissime atque clarissime!

Се! уже благоволилъ Всевышній излить на мя благость свою не по моему достоинству, но щастіемъ вашихъ юнотъ, къ ихъ можетъ быть будущему удовольствію, коихъ прошу за меня поцѣловать и есть-ли успѣшны во всемъ благомъ, то и погладить, а я имъ не премину въ гостинецъ привезть по едной книги съ картинами. Въ день Покрова, въ который совершается въ Сулимовкѣ память предковъ нашихъ[1]), при посвященіи переименованныя съ богородичнаго Успенія церкви каменныя во Владимира, строившіяся 50 лѣтъ, которая на питербургской сторонѣ, въ виду множества генераловъ и народа, произведенъ митрополитомъ Гавріиломъ во игумена въ свято-николскій моденскій монастырь, состоящій отъ Новагорода въ 15-ти верстахъ. Но въ сей обители мнѣ не быть и ея не видѣть, потому что за производствомъ въ Иркуцкъ архіерея и по перемѣщеніи архимандритовъ, будетъ мнѣ недѣль чрезъ двѣ производство въ архимандрита, а игуменомъ здѣланъ только для совершенія порядка. За полученіемъ сего позвольте васъ просить, чтобъ вы совершенно щитали меня архимандритомъ и о семъ-бы отецъ Павелъ и отецъ Кондратъ принесли-бъ Богу благодареніе. Благодарилъ я графа, благодарилъ я и Николая Петровича и г. Острогорскаго, коего я вѣкъ не забуду, ибо онъ меня графу представлялъ и меня рекомендовалъ. Графъ чрезвычайно ко мнѣ ласковъ и благосклоненъ, а ходатайство его и промыслъ неусыпныя. Г. Новицкій бывши у меня, сказывалъ: „графъ-де росказывая, что видѣлъ тебя въ одной каретѣ съ митрополитомъ ѣхавшаго, якобы задумавшися, сказалъ: будетъ-ли то нашъ отецъ Христофоръ архіереемъ? но я-де отвѣчалъ, развѣ по времени, а теперь по производствѣ архимандритомъ, нужно чтобъ повидѣлся съ роднею". И сіе сказано въ мою пользу: ибо здѣсь у меня уже денегъ нѣтъ и ни у меня, ни у Гаврилы[2]), шубъ не имѣется. О семъ обясниться я стыдился г. Новицкому, потому что онъ-бы графу сказалъ, что было-бъ мнѣ въ стыдъ, а вамъ-бы можетъ быть было въ поношеніе. И такъ я принужденъ занять триста рублей у г. Острогорскаго. Наконецъ Николай Петровичъ спрашивалъ

[1]) Сулимовская церковь посвящена Покрову Богородицы.

[2]) Слуга Сулимы.

меня, освѣдомлялъ-ли я родныхъ о графской милости и о успѣхѣ производства. Я отвѣчалъ, что о первомъ писалъ, а о другомъ буду писать. Онъ мнѣ отвѣчалъ: пишите. Я изъ сего заключаю, что нужно и надобно, дабы вы, пока я здѣсь, письмомъ благодарили графа и г. Новицкаго; а ко мнѣ не извольте писать потому, что письмо урядъ-ли меня здѣсь застанетъ: ибо я, по производствѣ архимандритомъ [1]), немедленно выѣду и буду къ вамъ возвращаться чрезъ Москву, Смоленскъ и Могилевъ. Къ господину-жъ Острожскому писать я на волю вашу отдаю и за возвратомъ больше вамъ о немъ доложу. A Zawadowsky nihil boni fecit nec post primû ostensit suâ faciem. Теперь позвольте терпѣливо внять прозьбу мою: 1) нижайше прошу заготовить для отдачи денегъ г. Острогорскому хотя рублей двѣстѣ, чтобъ я могъ за возвратомъ заразъ долгъ ему отдать и симъ чувствительность оказать, а у меня надѣюся сыщется сотнишка; но при семъ прошу не безпокоить ни Скорупиного, ни пани сватовой скарбу, а изъ точного Сулиминого одолжить; я-жъ надмуся десатерицею отдать. 2) Не оставте притвердить заразъ папу Матвею, чтобъ онъ часто часто чрезъ Тимоха келіи мои и въ нихъ содержимая навѣщалъ и наблюдалъ, дабы было все цѣло, чисто, тепло и въ порядкѣ; а я ему уже купилъ круговое платья. Впрочемъ прошу кланяться матушкѣ и испросить ея ко мнѣ благоволенія, а безъ сего опасаюсь заѣхать, чтобъ иногда какъ мать и съ крестомъ меня за уши не подрала; но нѣтъ! не посмѣетъ! Я теперь важенъ и гордъ! Фе! Я поистиннѣ, слава Богу, и здоровъ, и веселъ, и судбою моею доволенъ. Желаю душею моею, чтобъ мнѣ и васъ въ такомъ положеніи видѣть и воспѣть: здравствуйте! а нынѣ прощайте.

Позвольте сказать: хоть лиха набрався, но въ щастя впхався. Теперь я не прошу невѣстушку о архимандріи. Фе! и думать не хочу. А Грыбанъ отъ радости еще больше для важности грыбы свои откпасилъ. Митрополитъ моею благодарною рѣчью весьма былъ доволенъ; а по отпускѣ сего примуся за двѣ (рѣчи), т. е. одну на случай, для высочайшаго лица, а другую для митрополита. О дѣлѣ черниговскомъ ниже слышу что; я весьма опасался при-

---

[1]) Христофоръ Сулима посвященъ былъ архимандритомъ въ гамалѣевскій харлампіевскій монастырь (глуховскаго уѣзда) 14 декабря того-же 1789 г. (объ отъѣздѣ Сулимы изъ Спб. см. письмо Безбородка—Сборникъ русск. ист. общ., XXVI, 478). Умеръ въ 1813 г., въ санѣ слободско-украинскаго епископа.

ѣзду Іоськового [1]), но однакъ обманулся. Я у него не былъ еще и съ нимъ не видѣлся, а слышу, что онъ въ моей судьбѣ ни тепелъ, ни холоденъ. Графу-жъ онъ сказалъ только: умно вы здѣлали, что сему невинному помогли и я радуюся. Подлинно весьма графъ ко мнѣ благопріятенъ. Онъ до небесъ возноситъ родъ Сулимъ и доброту родителей и въ одно время сказалъ: и грѣхъ мнѣ, когда я сему Сулиминому потомку не помогу. А единожды съ сожалѣніемъ говорилъ о невинныхъ доносахъ на батюшку нашего. Иваненковы [2]) письма часто раздираетъ и терпѣть не можетъ, говоря: я-бы желалъ, чтобъ сей.... ни меня не зналъ, ни я его.

11.

Письма Якима Якимовича Сулимы къ отцу. 1804—1805 г.

а) Милостивый государь, батюшка!

Съ позволенія г-дъ профессоровъ, Петра Ивановича Страхова и Антона Антоновича Антонскаго, хожу я въ преподаваемые ими публичные ординарные классы опытной физики и натуральной исторіи, по 3 часа въ недѣлю. Приватныя лекціи для философіи имѣть буду, дней чрезъ пять, у профессора философіи Павла Аѳанасіевича Сахацкаго, о учености коего извѣстно и въ самой Германіи; онъ знавъ дядюшку Христофора Семеновича [3]), еще іеромонахомъ въ кіевской академіи, съ охотою на сіе согласился; о цѣнѣ, однако жъ, за каждую часть философіи еще не объявилъ. Но профессора для смѣшенной математики до сихъ поръ не нашли; Панкевичъ, весьма прославившійся профессоръ науки сей, по причинѣ слабаго своего здоровья, приватныхъ лекцій никому не даетъ; а другіе профессора то весьма дорого цѣнятъ труды свои, то далеко живутъ.

По вступленіи моемъ въ классы, имѣлъ я честь быть съ Иваномъ Ивановичемъ [4]), 19-го сего мѣсяца, у его высокопревосходительства Александра Андреевича; и приняты мы были

---

[1]) Кажется, слѣдуетъ разумѣть Судіенка (Осипа Степановича), бывшаго фактотумомъ у Безбородка.

[2]) Иваненка, Григорія Григорьевича, назначеннаго переяславскимъ полковникомъ на мѣсто умершаго Семена Ив—ча Сулимы, отца Христофора.

[3]) См. выше, № 10.

[4]) Ваниовскимъ, воспитателемъ Як. Як—ча Сулимы.

весьма благосклонно: онъ изволилъ спрашивать о здоровьѣ вашемъ, о братѣ Павлѣ Якимовичѣ, вышлилъ сестры замужъ и приказалъ намъ остаться у его обѣдать. Впротчемъ я не знаю, что со мною его высокопр-ву по письму вашему, на которое отвѣчать обѣщался, угодно будетъ здѣлать. Ожидая, въ разсужденіи сего, вашихъ повелѣній и испрашивая родительскаго благословенія, честь имѣю пребыть съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію вашъ, милостивый государь батюшка, всепокорнѣйшій и послушнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

9 октября, 1804-го года.
Москва.

P. S. Квартиру, которая была далеко отъ университета, мы перемѣняли: оная теперь близъ самаго университета, въ домѣ университетской церквы пономаря.

б) Милостивый государь, батюшка! Пользуясь недавно открывшеюся здѣсь весною, посѣщалъ я нѣкоторыя достойныя примѣчанія мѣста: и ничто мнѣ такъ не понравилось, какъ голицынская, недавно выстроенная, больница. Князь, движимъ будучи нѣжнѣйшею чувствительностью къ человѣчеству, умѣлъ украсить благодѣтельное сіе заведеніе и превосходнѣйшимъ вкусомъ въ расположеніи, и совершеннѣйшимъ искуствомъ въ исполненіи. Примти туда: въ покояхъ—цѣль и средство; во храмѣ Бога—великолѣпіе и благоговѣніе приходящихъ. Тутъ позналъ я силу произведеній великихъ артистовъ на чувствованіе наше. Величественные въ церьквѣ восѣмь мраморныхъ столбовъ, пространство, свѣтъ, игра горящаго солнца въ яркой бронзѣ у жертвенника, вселяютъ нѣкоторый священный страхъ, и—слышенъ, кажется, гласъ: земля, на ней-же стоиши, свята есть! Сіе чувствованіе растворяется надеждою, когда обратятся глаза на картины, представляющія разительно Божество, его величіе и премудрость, его благость и милосердіе—картины, кои пребудутъ вѣчнымъ предметомъ удивленія! При таковой перемѣнѣ движенія духа, тихая и совершеннѣйшая гармонія пѣвцовъ, переливаясь изъ тона въ тонъ, изъ трели въ трель, погружаетъ его въ какое-то пріятное забвеніе, возвышаетъ его, и—онъ стремится къ своему началу—всеобщей причинѣ. Тутъ проникъ я Сократову истинну: совершеннѣйшая музыка есть настоящая философія! Мраморный памятникъ, воздвигнутый въ честь строителю, за-

служиваетъ также великаго вниманія: онъ выработанъ съ послѣднею возможностію. Женщина, стоящая предъ бюстомъ на колѣнахъ съ распростертыми руками, и обращаясь къ олтарю, упрекаетъ, кажется, самое небо въ отнятіи таковаго благодѣтеля людей! Нельзя не подумать, что въ хладный сей мраморъ, образованный рукою искуства, не заключена и жизнь, и душа. Каждая часть, каждая черта живо выражаетъ снѣдающее сердце тягостнѣйшею печалію, и не находящее ни въ чемъ утѣшенія!...

Ты былъ другъ природы! сказалъ я. Ты здѣлалъ честь нашему времени!—Достойное достойному!!!... Я приготовляю себя видѣть Останкинъ, мызу г. Шереметьева. Сіе мѣсто заслужило удивленіе двухъ императоровъ, Іосифа II и Павла I.

Примите, милостивый государь, батюшка! усерднѣйшее почтеніе, съ коимъ имѣю честь пребыть навсегда вашъ покорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

16-го маія, 1805-го года Москва. На Никольской. Въ Богоявленскомъ монастырѣ.

P. S. Уже двѣ молотильни осматривали мы, однакожъ сверхъ того, что солома совсѣмъ къ употребленію, выключая корму скота, не будетъ годиться, вычислилъ я, что 5 человѣкъ, работая на ней 12 часовъ безъ отдохновенія, не больше могутъ обмолотить 30 копенъ. Правда, работа на ней весьма легка: швечики, а не швецы, съ приставникомъ съ нею управятся. Цѣна за оныя по 300 ру. Смотрѣли мы и вѣяльницы: они точно такія, какъ наша; въ нашей только размѣръ потерянъ. Сіе удержало насъ заплатить 100 ру. за простую сію машину. Бритвы при семъ имѣемъ честь поднести: для нихъ потребна только горячая вода и ремень, но никогда оселокъ.

в) Милостивый государь батюшка! Наконецъ пришли тѣ драгоцѣннѣйшія минуты, что хвалюся предъ вами. Выслушалъ я курсъ философіи; понимаю то, что есть чистое и человѣка достойное! Я счастливъ: знаю то, чего-бы не зналъ, не имѣя родителя философа! Чувствованіе сего счастія, недовѣдомаго многимъ, зажгло новый и вѣчный фиміамъ благодарности ему Великому! на жертвенникѣ моего сердца.

Позвольте мнѣ, милостивый государь батюшка! послушать еще отъ премудростей безсмертной Ураніи, подвергающей эѳиры своему разуму, да познаю и я пути небесныя, бѣги свѣтилъ по

неизмѣримымъ эллипсисамъ, таинственные законы звѣздъ; да узрю по ближе дѣла перстъ Божіихъ. Ни вышности должностей гражданскихъ, ни блески буйной славы подвиговъ воинскихъ, не прельщаютъ меня: я музамъ себя посвятилъ. Благоволите, что-бъ и сѣверъ къ новому году совсѣмъ не нуженъ мнѣ былъ, да поздравлю онымъ и облобизаю руки родителя, котораго почитаю и которому удивляюсь! Милостивый государь, батюшка, вашъ всепокорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

4 іюля, 1805-го года. Москва. На Никольской, въ Богоявленскомъ монастырѣ.

1) Милостивый государь, батюшка! Письмо ваше и деньги 700 р. получили мы 19-го сего мѣсяца, исправно. Мнѣ весьма прискорбно, что не могу похвалиться вамъ: воля ваша исполнена, я записанъ въ университетѣ. Сему причиною крайняя слабость, которую почувствовалъ я съ 25 сентября, во всѣмъ моемъ корпусѣ, сопровождаемая чрезвычайною тяжестію. Хина, которой съѣлъ на 6 р., выключая другихъ лѣкарствъ, поставила меня теперь на ноги, но которой оставлять еще не велятъ. Въ семъ-то случаѣ увидѣлъ я наиболѣе привязанность и усердіе ко мнѣ Ивана Ивановича: не только самъ трудился онъ, но призывалъ еще старыхъ своихъ знакомыхъ изъ г-дъ медиковъ, доктора Вегнера и Фреза. Растройка сія въ здоровьи дала мнѣ знать, что я не способенъ оставаться болѣе въ ученомъ кругѣ. Чистая математика, сдѣлавшись моимъ ремесломъ, престанетъ быть уже источникомъ пріятныхъ для меня занятій, но будетъ тяжкимъ бременемъ. Того не довольно, что могу я читать свободно всю чистую математику въ ея апликаціяхъ къ смѣшенной: но и самыя тончайшія произведенія великихъ умовъ долженъ знать механически, какъ знаю артилерію, которая однако-жъ не можетъ быть мнѣ полезна. Таковы предлежатъ мнѣ труды; а я не могу и 4-хъ часовъ въ сутки, хотя сіе время и не достаточно, работать, какъ работалъ въ астрономіи надъ плоскою и ортографическою проэкціями, въ чистой математикѣ надъ диференсіаломъ и интеграломъ, гдѣ разумная способность человѣка, отдѣляясь отъ всякой матеріи, занимается свободно вещами, внѣшнимъ чуствамъ неподверженными, дѣлаетъ ихъ возможными, дѣйствительными, даетъ имъ различные виды и назначенія. Сіе-то положеніе математиковъ страшно: они не могутъ тутъ примѣчать, какъ время, шумя на быстрыхъ крыльяхъ, похищаетъ у нихъ половину дня, или половину ночи. Да и при испытаніяхъ пуб-

личныхъ не спросятъ: каково здоровье ваше? Мнѣ не возможно будетъ пользоваться полезнѣйшими совѣтами дражайшаго родителя! ни заниматься долго подобными работами, его нѣжнѣйшими попеченіями, его ласками—первѣйшимъ благомъ! Я долженъ править симъ тяжелымъ плугомъ и ожидать почти всеобщаго конца маѳематикамъ, котораго не избѣжали ни г. Голдбахъ, ни Іде, ни Загорскій, ни Панкевичъ! Почтенные сіи мужи вмѣсто того, чтобы пожать плоды на нивѣ долговременныхъ трудовъ своихъ, изнемогаютъ первые три—отъ лютѣйшей чахотки, дѣлающей самое бытіе ихъ несноснымъ, а послѣдній—паралитикъ. Такова маѳематика. Сверхъ того, лишаетъ она прочихъ полезныхъ познаній, требуя безпрерывныхъ упражненій въ ней или въ ея остротахъ, часто безполезныхъ, но которыя привыкли называть маѳематическими чудесами! Я предъ вами, дражайшій родитель!—открываюсь! не открыться—себя стыжусь: страшусь, со времени растройки въ здоровьи моемъ, принять ее и на время своимъ ремесломъ, оставляя щастливѣйшимъ меня въ комплекціи: и кандидатства, и магистерства, и адъюкства; и прилѣжнѣйше прошу васъ, милостивый государь, батюшка! дать мнѣ другое средство къ политическимъ необходимостямъ. Практическая астрономія—веретено, возлѣ котораго обращается непрестанно моя мысль! Не уйдетъ, когда почувствую здоровье мое возстановленнымъ и представится къ тому благопріятный случай. Впрочемъ, есть-ли проходить мнѣ ученые степени есть непремѣнная ваша воля, скажите—готовъ и послѣдними силами: ибо нѣтъ для меня ничего пріятнѣйшаго и лестнѣйшаго, какъ совершеннѣйшее покореніе и возможнѣйшее исполненіе оной и всего того, что можетъ усладить дни ваши, толико для насъ драгоцѣнные! Милостивый государь батюшка! вашъ всепокорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

24 октября 1805 года. Москва. Богоявленскій монастырь.

d) Monsieur et très cher père! Enfin après un hyver fort irregulier, le printems commence ici à se faire sentir tout inopinement; et il n'est pas étonant que les chevaux, que vous avez eu la bonté de nous envoyer, sont venus harassés quoiqu'ils n'ayent aporté pas un poud du tabac. Ces mêmes circonstances ne nous laissèrent pas nous determiner de vous envoyer en profitant du retour de Hamaniza à Koustricz: quelques modèles des machines économiques que mon frère aporta de payes étrangers et de Finlande et notre bibleotheque. Nous nous contentons donc de Vous faire passer seulement une petite quan-

tité de confitures dont vous m'avez parlé à mon départ de chez vous, et de semense Kounjoutnoe.

Jusqu'à présant je ne vous ai rien dit que je m'ocupe d'Architecture et de l'art des Jardins. Dans la première j'ai fait déjà quelques pas, grâce à mon ami M-r de Stassoff, proffesseur de l'Architecture de l'Accademie de s-t Luc à Rome. Plus je contemple les monumens de la haute antiquité, plus j'y trouve de solidité, de convenance et de beauté. Ces productions de l'antique art de batir dont la fermeté extrême nous étone et fera l'admiration de ceux qui naitront long temps après nous, font bien voir que l'envie de plaire n'etoit jamais l'objet de l'architecture; son but étoit la solidité de batimens, l'utilité publique et particulière, le bonheure et conservation des individus. Il est bien vrai que la beauté n'y fut point oubliée; mais l'air majeustueux et inposant des enciens édifices, qui les distingue des batimens modernes chargés des ornemens et des decorations mal entendues, ne depend que de la proportion de chaque masse en particulier et de l'harmonie qui regne entre les partie et leur ensemble.

Quand à l'art des Jardins j'en suis plus satisfait que je ne m'en attendois pas. Digne enfant de la belle nature! Cette jeune Muse élevée par la philosophie des anglois qui ne sont jamais las de l'examen de la nature, nous apprens de nous entourer des objets plains d'attraits et nous inspire les plaisirs les plus doux, les plus nobles, les plus durables qui fleurissent dans le carrière de la vie, plaisirs qui convient à tous les ages, à tous les états, à toutes les situations de 'homme, plaisirs, dit M-r Guichfeld, que les sujet partage avec son roi. Car quelles connoissance de la peinture en paysage, que de gout et de jugement qu'il faut avoir pour pouvoir, en imitant la belle nature se figurer l'ordonnace d'une vaste tableau sur le terrein ou l'on rencontre presque à chaque pas une foule d'obstacles qu'on ne peut surpasser qu à force d'imagimation bien exercée et par un travail soutenu. J'aime à surmonter les difficultés et je suis conduit dans la theorie de cet art par les talens et les lumiers de Guirchfeld; je vous suplie donc mon très cher Père de faire choisir un garcon, qui sait lire et écrire, d'une meilleure et riche famille de Vos sujets, de l'angager pres d'un Alemend qui dirige le jardin imperiale à Kiew et de le faire passer d'entre les bras de sa mère tout droitement à Kiew pour qu'il ne soit pas imbu des moeurs des courtisans. J'aurois besoin de bon cultivateur des plantes et des arbres: car je veux Vous faire un jardin qui surpassera le paradis que Mahomet imagina pour le recompense de Mousoulmans. Jài l'honneur d'être.

Monsieur et très cher Père Votre très-humble et très obeissant serviteur et fils Ioachim Soulima.

Le 17 mars, 1811.
S. P-bourg.

Переводъ. Милостивый государь, дорогой отецъ! Наконецъ то, послѣ очень неровной зимы, совершенно неожиданно весна начинаетъ здѣсь давать себя чувствовать; а потому не удивительно, что лошади, которыя, благодаря вашему вниманiю, были намъ высланы, оказались измученными, хотя не привезли ни одного пуда табаку. Тѣ-же обстоятельства не дозволили намъ воспользоваться отъѣздомъ Гаманицы въ Кустичи, чтобы переслать вамъ нѣсколько моделей хозяйственныхъ машинъ, которыя привезъ мой братъ изъ заграницы и Финляндiи, а также нашу библiотеку. Поэтому ограничиваемся только посылкою конфектъ, о которыхъ вы говорили при моемъ отъѣздѣ, и кунжутныхъ сѣмянъ.

До сихъ поръ я вамъ еще ничего не говорилъ о своихъ занятiяхъ архитектурой и садоводствомъ. Въ первой я уже сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи, благодаря моему другу Стасову, профессору архитектуры академiи св. Луки въ Римѣ. Чѣмъ болѣе изучаю я памятники глубокой древности, тѣмъ болѣе нахожу въ нихъ основательности, цѣлесообразности и красоты. Эти созданiя древняго строительнаго искусства, необычайная прочность которыхъ удивляетъ насъ и заставитъ восторгаться далекихъ нашихъ потомковъ, доказываютъ ясно, что желанiе нравиться никогда не было цѣлью тогдашней архитектуры; цѣль ея заключалась въ прочности зданiй, общественной и частной пользѣ, въ довольствѣ и безопасности отдѣльныхъ личностей. Правда, что красота нисколько въ нихъ не была забыта; но величественная и внушительная наружность древнихъ зданiй, которая ихъ отличаетъ отъ новыхъ построекъ, обремененныхъ разнаго рода украшенiями, плохо понятыми, зависитъ только отъ соразмѣрности каждой массы въ частности и отъ гармонiи, которая царствуетъ между частями и цѣлымъ.

Относительно садоводства, я настолько доволенъ, какъ и не ожидалъ!—Достойное дитя прекрасной природы! Эта молодая муза, воспитанная философiей англичанъ, которые никогда не утомляются созерцанiемъ природы, учитъ насъ окружать себя предметами, полными привлекательности и внушаетъ намъ самыя прiятныя, самыя благородныя и самыя продолжительныя наслаж-

денія, которыя радують насъ въ продолженіе всей жизни,—наслажденія, которыя соотвѣтствуютъ всякому возрасту, всякому положенію и всякому состоянію человѣка, и которыя, по выраженію Гиршфельда, подданный раздѣляетъ съ своимъ королемъ. Какихъ нужно познаній въ пейзажной живописи, сколько нужно вкуса и разсудка, чтобы, подражая чудной природѣ, представить расположеніе обширной картины на землѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу встрѣчается масса препятствій, побѣда надъ которыми возможна лишь при помощи хорошо изощреннаго воображенія и неустаннаго труда. Я люблю преодолѣвать затрудненія и—въ теоріи этого искусства, руковожусь талантами и знаніемъ Гиршфельда. Прошу, дорогой отецъ, прикажите найти межъ вашими крестьянами грамотнаго мальчика изъ хорошей и зажиточной семьи, и затѣмъ—отдать его къ нѣмцу, завѣдующему царскимъ садомъ въ Кіевѣ; но только отдать прямо изъ семьи, чтобы къ нему не могли привиться нравы дворовыхъ. Мнѣ будетъ необходимъ хорошій садовникъ, такъ какъ я желаю устроить вамъ садъ, который превосходилъ-бы рай, который созданъ Магометомъ для его мусульманъ.

12.

Письмо Павла Якимовича Сулимы къ отцу и отвѣтъ отца. 1804 г.

a) Monsieur et très cher père. N'ayant jusqu'ici reçu aucune nouvelle de la lettre de change, qui devoit, suivant ce que Vous nous avez écrit, suivre immediatement votre lettre du $^{15}{}_{27}$ d'avril, je me trouve obligé de Vous en faire part en vous priant très humblement d'en accelerer l'envoi, s'il est possible, avec le supplement de 1000 r. que vous avez eu la bonté de nous accorder. Le séméstre présent tire à sa fin et en couronnant mes travaux par l'attestation de l'Université, je me flatte d'avoir satisfait aux désirs et aux souhaits de mon très cher père. Pour y parvenir il me falloit subir l'examen de la faculté de Philosophie: j'ai comparu suivant l'usage devant cette imposante compagnie; fix Professeurs, le Doyen en tête, ont assisté et presidé à mon examen: M rs Tychsen, Schlötzer, Meyer, Meiners, Eychhorn et Mischerlich; c'etoit le $\frac{20 \text{ Avril}}{11 \text{ Maï}}$ et j'ai reçu le dyplome de Docteur en Philosophie muni de la signature de M r Tychsen, Doyen de la faculté de Philosophie et scellé du sceau de l'Université, ci joint la copie et celle de mon serment. Apres avoir disseré

de jour en jour en attendant la lettre de change ci—mentionée, je vous les envoie en vous faisant mille remercimens pour vos soins et vous priant tres humblement de vouloir bien les agreer comme une preuve parlante de mon zèle ardent pour l'accomplissement de vos voeux. Il ne me reste donc que commencer l'autre carriere en me rendant à Petersbourg: et je mettrai en route dès que j'aurai reçu l'argent, qui nous manque deja depuis longtems, le plutôt sera le mieux; nous serions charmés de profiter, s'il est possible, de la belle saison pour notre voyage pour ne pas arriver a Petersbourg sur l'arrière saison.

Dans l'esperance de recevoir bientôt de Vos chères nouvelles j'ai l'honneur d'etre avec le plus profond respect et la plus parfaite soumission votre très humble serviteur et fils Paul Soulima.

Le $\frac{20\ \text{Juin}}{5\ \text{Juil}}$ 1804. Göttingue.

Переводъ. Милостивый государь и дорогой отецъ. Не имѣя до сихъ поръ никакого свѣдѣнія на счетъ векселя, который, по вашимъ словамъ, долженъ былъ слѣдовать за вашимъ письмомъ отъ $^{15}/_{27}$ апрѣля, я принужденъ напомнить вамъ объ этомъ и покорнѣйше просить, если возможно, ускорить высылку таковаго съ прибавленіемъ 1000 р., которую вы по вашей добротѣ подарили намъ.

Настоящій семестръ приближается къ концу и, вѣнчая мои труды университетскимъ дипломомъ, заставляетъ меня надѣяться, что я удовлетворилъ требованіямъ и желаніямъ моего дорогого отца. Для достиженія этого, мнѣ нужно было держать экзаменъ по философскому факультету; я предсталъ по обычаю предъ этимъ почтеннымъ собраніемъ: шесть профессоровъ съ деканомъ во главѣ, присутствовали на моемъ экзаменѣ: Тихзенъ, Шлетцеръ, Мееръ, Мейперстъ, Эйхгорнъ и Мичерлихъ; совершилось это $^{28}/_{11}$ апрѣля—мая, и я получилъ дипломъ доктора философіи, съ подписью г. Тихзена, декана философскаго факультета, и съ университетской печатью. Прилагаю копію диплома и копію моей присяги, посылкою которыхъ медлилъ въ ожиданіи со дня на день вашего векселя. Отправляя эти документы, приношу вамъ глубочайшую благодарность за ваши заботы и покорнѣйше прошу принять эти бумаги, какъ живое доказательство моего пламеннаго усердія исполнять ваши желанія. Затѣмъ, предо мною начало другаго поприща—въ Петербургѣ. Уѣду я, какъ только получу деньги, въ которыхъ мы давно уже чувствуемъ недоста-

томъ. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Мы будемъ въ восторгѣ воспользоваться, если возможно, прекраснымъ временемъ года для нашего путешествія, чтобы не опоздать и не попасть въ Петербургъ осенью.

Le $^{17}{}_{28}$ d'aout 1804. Souliminci.

б) Mon cher fils Paul. Je me hâte de vous avertir par la poste de Kiew, que le 22 du mois Courant du v. st., j'ai envoyé d'ici par un Expres à Czernihow chez Wasily Jw-cz Ienko, 2,200 roubles pour Vous faire parvenir cette somme par des lettres de change de Moskou. Les vôtres de Gottingue écrites le 30 d'avril et 5 de Juillet duv. st. de l'année présente me sont parvenuës la 1-ri le 31 de Mai et la dernière le 18 du mois courant. C'est au comble de ma joye, que je me vois parvenu à avoir un fils si cher comme vous, digne d'un grade de Docteur en philosophie, fondement inebranlable d'une vray felicité dans ce monde: nul autre grade, ni militaire ni civil, ne m'auroit jamais consolé autant que celui que vous venez de recevoir dans une Université aussi célèbre que celle de Göttingue: je vous en felicite mon cher fils du fond de mon coeur. Mais étant venu à Petersbourg, nonobstant le titre de docteur, vous devez subire un examen: c'est par ce moyen seul, que la loi veut qu'un Etudiant, qui a fait des Etudes aux frais de la couronne, soit accepté aux services avec un grade d' oficier: or celui, qui les a faites à ses propres depens, en merite préférablement: Que dire d'un docteur en philosophie mis déjà en epreuve et muni d'un privilège? mais ce titre vous mène aux services plutot sivils que militaires: l'entrée à ceux-ci d'un Docteur sera bien sans exemples. C'est donc au ministre des affaires interieures M-r le comte Victor Paulovicz Koczoubey, ou bien à celui de justice prince Petr Alexeewicz Lopouchin, que vous vous devrez adresser (après avoir subi l'examen) avec votre privilège de Docteur, en cherchant service pour en obtenir un grade competant à un docteur en philosophie, et non pas à un Etudiant: et je ne manquerai pas de prevenir votre arrivée de Petersbourg, que je suppose vers le milieu du mois de Novembre, par des lettres aux dits seigneurs, de sorte qu'au moment de vôtre départ de Gottingue vous m'en avertirez par une lettre en l'adressant une par Kiew a Perejaslaw du Gouverment de Poltawa, et l'autre par Czernihow. Si j'ai tardé à vous envyer le dite somme, c'est à cause d'un achat de terre, que j'ai fait près de notre *choutor* pour 2 mille roubles, aussi j'avois à payer 600 roubles à Ma-me votre chère Epouse mon cher Iwan Michaïlowicz,

dont voici la copie d'une quittance. Un catastrophe assez triste m'a fait tarder aussi: votre soeur Marie ayant pour son Mariage avec Подсудокъ de Perejaslaw M-r Маркевичъ suivie la meme voie qu' à voit prise votre soeur Paranka. Mais vous me consolerez encor par une nouvelle du soin que vous prenez toujours à conserver votre santé et les yeux. Votre frère va le mois, qui suit, à Moscou acompagné par M-r Iwan Iwanowicz Korizky, pour y achever les Etudes sous la protection (entant qu'il s'en rendra digne) de S. E. M-r Alex. Andr-cz Beklechew General Gouverneur de Moskau.

Adieu, mon cher fils.

P.S. Mille et mille respects à vous mon cher Iwan Michailowicz: le privilège de docteur sur le perchemin, dont vous m écrivez doit être presenté non pas à moi, mais à l'Academie de Petersburg.

17/28 августа 1804 г. Сулимивцы.

Переводъ. Дорогой мой сынъ Павелъ. Спѣшу увѣдомить тебя по кіевской почтѣ, что 22-го текущаго мѣсяца, я съ нарочнымъ выслалъ отсюда въ Черниговъ, Василію Ивановичу Енько, 2200 рубл., для отправки тебѣ этихъ денегъ векселями изъ Москвы. Твои письма изъ Гетингена отъ 30 апрѣля и 5 іюля сего года, получены мною, 1-е 31 мая, а послѣднее 18-го сего мѣсяца. Для меня верхъ отрады чувствовать, что я имѣю такого дорогого сына, какъ ты, сына—удостоеннаго степени доктора философіи!—Послѣднее—прочное основаніе истиннаго благополучія въ этомъ мірѣ: никакое другое удостоеніе, ни военное, ни гражданское, не доставило бы мнѣ столько отрады, какъ то, которое ты получилъ въ такомъ знаменитомъ университетѣ, какъ гетингенскій! Поздравляю тебя, сынъ мой, отъ глубины души моей!—Но за прибытіемъ въ Петербургъ, не смотря на полученную докторскую степень, ты долженъ будешь держать тамъ другой экзаменъ. Этимъ-то только способомъ по закому учившійся на казенный счетъ можетъ быть принятъ на службу съ офицерскимъ чиномъ; но учившійся на свои средства, конечно, удостоенъ будетъ этого чина съ предпочтеніемъ, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о докторѣ философіи, выдержавшемъ экзаменъ и—съ дипломомъ въ рукахъ. Но этотъ титулъ даетъ тебѣ болѣе правъ на службу гражданскую, чѣмъ на военную; военный со степенью доктора—явленіе внѣ примѣровъ. Поэтому, вслѣдъ за экзаменомъ, тебѣ слѣдуетъ обратиться съ докторскимъ дипломомъ въ рукахъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Виктору Павловичу Кочубею, или къ

министру юстиціи, князю Петру Алексѣевичу Лопухину и—искать должности, соотвѣтствующей степени доктора философіи, а не званію студента. Я не упущу, конечно, еще до твоего пріѣзда въ Петербургъ, что будетъ, по видимому, около половины ноября, предупредить названныхъ сановниковъ письменно. И такъ, о выѣздѣ изъ Гетингена ты меня извѣсти, адресуя одно письмо черезъ Кіевъ, въ Переяславъ, а другое—въ Черниговъ. Если я опоздалъ выслать деньги, то случилось это вслѣдствіе сдѣланной мною покупки земли, поблизу нашего хутора, за которую заплатилъ 2000 р. Кромѣ того, я долженъ былъ уплатить 600 руб. вашей дорогой супругѣ, мой любезный Иванъ Михайловичъ, въ чемъ прилагаю копію квитанціи. Да случилось еще одно грустное событіе, которое также задержало меня: ваша сестра Марья, имѣющая теперь мужа, въ лицѣ переяславскаго подсудка Маркевича, пошла по стопамъ сестры вашей Параньки[1]). Утѣшилъ ты меня также и извѣстіемъ о твоей заботливости по сохраненію здоровья и глазъ. Братъ твой ѣдетъ въ будущемъ мѣсяцѣ въ Москву, въ сопровожденіи Ивана Ивановича Корицкаго, для окончанія своихъ наукъ, при помощи (если будетъ достоинъ) его пр—ва Александра Андреевича Беклешева, московскаго генералъ-губернатора. Прощай, мой дорогой сынъ!

P.S. Тысячи пожеланій вамъ, мой дорогой Иванъ Михайловичъ! Докторскій дипломъ на пергаменѣ, о которомъ вы мнѣ пишете, долженъ быть представленъ не мнѣ, но въ петербургскую академію[2]).

Доставившій столько счастья отцу своимъ докторскимъ дипломомъ и затѣмъ значительными успѣхами въ службѣ, военной, а не гражданской, какъ предполагалось, Павелъ Акимовичъ умеръ въ 1812 г. Акимъ Семеновичъ въ дневникѣ своемъ, о которомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ, смерть сына Павла отмѣтилъ слѣдующими строками:

---

[1]) „Паранька", т. е. Прасковья Акимовна вышла замужъ, какъ уже упомянуто въ предисловіи, за Ивана Андреевича Войцеховича, во время службы Акима Сем—ча въ Черниговѣ, гдѣ Войцеховичъ занималъ должность совѣтника губернскаго правленія. По видимому, бракъ состоялся противъ воли отца, ожидавшаго, конечно, болѣе видныхъ жениховъ. Переяславскій подсудокъ—былъ еще ниже, по своему рангу.

[2]) Обращеніе это относится къ Ив. М—чу Ванновскому, бывшему воспитателемъ Павла Ак—ча, сопровождавшему его и заграницу. У младшаго брата, Акима, воспитателемъ былъ И. И. Корицкій.

„Paul Joach-cz Soulima, capitaine de la suite de S. M., étant commandé de S.-Peterzbourg à Ostaschkow pour en chasser les ennemis du district de ce nom, sous les ordres du prince Wolkonsky, alors chef de la suite de S. M., en passant par Bronica, est mort на почтовомъ дворѣ. Sa mort est publiée Московск. Вѣдом. an. 1812, № 99, page 1851".

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Іюля 1. Въ субботу все войско отдыхало; пѣхота была изнурена трудомъ въ теченіи цѣлаго предъидущаго дня и пребываніемъ въ продолженіи всей ночи въ строю подъ дождемъ, а конница не менѣе выбилась изъ силъ, такъ какъ лошади три послѣдніе дня, не выходя почти изъ строя, оставались безъ корма. Между тѣмъ король совѣщался съ опытными въ военномъ дѣлѣ людьми о томъ, предпринять-ли штурмъ козацкаго лагеря, или заключить его въ осаду. Предпріятіе это было не легкое; таборъ козацкій былъ многолюдный и огромный, такъ, что конца его не было видно; въ немъ пылали многочисленные костры и кругомъ возвышались сильныя земляныя укрѣпленія; притомъ козаки уже находились въ отчаяніи, а отчаяніе даже боязливыхъ дѣлаетъ храбрыми. Между тѣмъ ихъ не переставали тревожить пальбою изъ небольшихъ походныхъ пушекъ, за артиллеріею-же большого калибра отправили королевскихъ лошадей въ Броды. Козаки совершенно потеряли самоувѣренность и стали метаться, ища спасенія, подобно утопающимъ, хватающимся за водоросли.

Іюля 2. Въ воскресеніе козаки заявили готовность просить помилованія и прислали объ этомъ письмо къ королю. Другое письмо прислалъ князю Вишневецкому бѣлоцерковскій полковникъ Крыса; онъ просилъ князя поручиться за козаковъ, обѣщая, что въ теченіи двухъ дней они всѣ сдадутся; тѣмъ не менѣе, они

*) См. январь, февраль, май, іюнь и сентябрь „Кіев. Ст.“.

продолжали непріятельскія дѣйствія, палили въ наше войско изъ пушекъ и не допускали насъ къ переправѣ. Потерявъ надежду на возвращеніе Хмельницкаго и чувствуя, что столь многочисленное войско не можетъ оставаться безъ предводителя, козаки избрали на мѣсто Хмельницкаго гетманомъ Джеджалія, того самаго, который въ началѣ возстанія, во время похода на Жолтыя Воды, поднялъ на Днѣпрѣ знамя бунта противъ старшины, преданной Рѣчи Посполитой и, вмѣстѣ съ другими, перебилъ ее. Ему, не смотря на его сопротивленіе, насильно вручили начальство; но Джеджалій принялъ оное лишь на нѣсколько дней, чувствуя, что можетъ поплатиться головою за эту должность. Многіе хотѣли перебѣгать въ нашъ лагерь, но король приказалъ стрѣлять въ перебѣжчиковъ, а для того, чтобы они не могли спасаться бѣгствомъ, приказано было князьямъ Вишневецкому и Радзивиллу съ нѣсколькими тысячами войска, переправиться черезъ рѣчку и занять позицію сзади за ихъ таборомъ; но приказъ этотъ не былъ исполненъ, ибо князь Вишневецкій потребовалъ 15,000 войска, а король не хотѣлъ отпустить такого количества. Между тѣмъ совѣщались по поводу письма, заключавшаго просьбу о помилованіи: одни заявляли, что слѣдуетъ оказать милосердіе, казнивъ смертью только старшину и особенно выдающихся бунтовщиковъ; другіе настаивали на томъ, чтобы, давъ слово относительно прощенія, и потомъ, отнявъ пушки и оружіе, распредѣлить плѣнныхъ по полкамъ, перебить ихъ поголовно, отнять у оставшихся всѣ привилегіи, на вѣчныя времена запретить употребленіе оружія, истребить ихъ вѣру (въ виду этого предложенія кіевскій воевода Адамъ Кисѣль былъ удаленъ изъ совѣта подъ благовиднымъ предлогомъ) и навсегда уничтожить самое имя козаковъ. Такъ препираясь, не пришли ни къ какому окончательному рѣшенію; непріятель-же, въ виду нашего бездѣйствія, не упускалъ ни одного средства къ своему спасенію; онъ отстрѣливался изъ валовъ и, выбирая удобное время, предпринималъ вылазки; въ ту-же ночь нѣкоторые ползкомъ прокрались въ одинъ изъ нашихъ редутовъ, напали на утомленныхъ пѣхотинцевъ и изъ нихъ 8 человѣкъ убили, а многихъ переранили косами; они чуть было не овладѣли редутомъ и были оттиснуты только во время подоспѣвшимъ подкрѣпленіемъ.

Іюля 3. Въ понедѣльникъ къ намъ стали перебѣгать изъ козацкаго лагеря шляхтичи, утверждавшіе, что они находились въ рядахъ бунтовщиковъ по принужденію и будто ихъ насильно

заставили принимать участіе въ войнѣ; на самомъ-же дѣлѣ они, потерявъ все имущество, искали исхода въ козацкой службѣ. Эти-то перебѣжчики извѣстили, что среди козаковъ возникли несогласія, что обыкновенно бываетъ, когда нѣтъ вождя. Вечеромъ, когда отборные наемные полки наши возвратились въ лагерь, и когда удалился самъ кастелянъ краковскій, на горѣ-же, возвышавшейся надъ козацкимъ таборомъ, оставлены были только два полка, непріятель, сознавая неудобство для себя нашей позиціи на той горѣ, наступилъ всѣми своими силами на оставшіеся полки; и тѣ, не получая подкрѣпленій, должны были, отстрѣливаясь, отступить не безъ урона въ лагерь. Непріятель занялъ гору, но не долго могъ удержать эту позицію, ибо на разсвѣтѣ хорунжій коронный (Конецпольскій), выступивъ съ нѣсколькими полками изъ лагеря, заставилъ непріятелей отступить обратно въ таборъ, при чемъ многіе козаки были перебиты и потоплены въ прудѣ, позиція-же на горѣ вновь была нами занята.

Іюля 4. Хотя по видимому и происходили военныя дѣйствія, но вообще можно сказать о насъ то, что относится ко многимъ знаменитымъ и храбрымъ военачальникамъ, что умѣли побѣдить, но не умѣли воспользоваться побѣдою. Врагу разбитому, объятому страхомъ и ожидавшему окончательной гибели мы, пребывая долго въ бездѣйствіи, дозволили отдохнуть, оправиться, возстановить совершенно было упавшую бодрость духа и возвести сильныя укрѣпленія, себѣ-же затруднили путь къ скорому и окончательному истребленію врага и сдѣлали сомнительнымъ результатъ дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя, при большей поспѣшности, могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Чтобы не оставаться безъ дѣла, король въ этотъ день подвинулъ войско изъ прежняго лагеря, находившагося у Берестечка, ближе къ непріятельскому табору. Принято было рѣшеніе, чтобы врага окружить со всѣхъ сторонъ окопами, занять эти послѣдніе войскомъ, сзади-же войско обезпечить возами и такимъ образомъ подавить враговъ голодомъ, такъ какъ приступъ былъ невозможнымъ. Въ тотъ-же день воздвигнуто было множество шанцевъ и редутовъ и почти вся работа была завершена. Для усиленія военной дисциплины среди дворянскихъ поголовныхъ ополченій, ихъ распредѣлили по частямъ и присоединили къ отрядамъ наемнаго войска; изъ числа ихъ, ополченія краковское, сендомирское, познанское и калишское, прихода котораго еще ожидали, присоединены къ королевскому полку. Ополченія волынское, под-

ляское и русское не хотѣли было сразу согласиться на эту мѣру, заявляя различные предлоги въ дѣйствительности-же не желая отправляться, согласно полученному приказанію, на ту сторону рѣки, гдѣ они могли ожидать частыхъ нападеній.

Между тѣмъ враги, понявъ наше намѣреніе и встревожившись вслѣдствіе приближенія нашего войска, съ большою рѣшимостью вышли изъ своего табора и изъ шанцевъ на гору и отважно рѣшились сразиться, но были храбро оттиснуты нашими войсками къ табору, при чемъ нѣсколько сотъ ихъ погибло. Впрочемъ побѣда эта не даромъ досталась и нашимъ войскамъ: нѣсколько товарищей было убито; раненъ былъ выстрѣломъ панъ Сокоръ, храбро предводительствовавшій своимъ отрядомъ, равно и панъ Пясечинскій. Пушки въ теченіи цѣлаго дня гремѣли съ обѣихъ сторонъ; но наши были больше калибромъ и причиняли больше вреда, а непріятельскія ядра хотя на многихъ наводили страхъ, но немногихъ подвергали опасности; отъ нихъ убитъ былъ только одинъ товарищъ и нѣсколько рядовыхъ, также убита лошадь подъ паномъ Яцкомъ Разражевскимъ, самъ-же онъ, по милости Божьей, остался невредимъ. Ночью хлопы безпрестанно старались насъ безпокоить и тревожить и даже рѣшились стремительнымъ натискомъ ворваться въ нашъ лагерь; но ихъ зловредныя намѣренія были разстроены предусмотрительностью короля и региментарей, а также свѣтомъ луны, сіявшей ночью въ полномъ блескѣ.

Доставлено было письмо, написанное ханомъ 30 іюня подъ Константиновымъ. Ханъ, желая замаскировать позорное свое бѣгство, извѣщалъ въ немъ, что онъ отступилъ исключительно потому, что, среди окруженной болотами мѣстности, у Берестечка, не имѣлъ достаточно простора; онъ заявлялъ, что охотно подождетъ у Константинова прихода короля или пановъ, съ надеждою на лучшій успѣхъ битвы. Писарь, писавшій это ханское письмо, очевидно полякъ, хотя не подписавшій своего имени, въ концѣ письма сдѣлалъ по польски приписку, изобличавшую неискренность татарской похвальбы; онъ приписалъ слѣдующее: „Писавшій это письмо, покорный слуга вашей королевской милости, извѣщаетъ, что ханъ сильно струсилъ и что мы бѣжимъ, не останавливаясь, въ Крымъ; козаковъ извѣстили, чтобы они спасались бѣгствомъ и не надѣялись на помощь. Хмельницкій отправленъ въ оковахъ въ Чигринъ, дабы выдать свою казну“.

Другое письмо ханъ написалъ кастеляну краковскому; въ немъ онъ требовалъ, чтобы гетманъ приказалъ хорошо обращаться съ плѣнными, особенно съ Мегечъ-мурзою, который былъ пойманъ у Каменца и отправленъ въ Варшаву, обѣщая взаимно хорошо обращаться съ нашими плѣнными. Притомъ онъ требовалъ уплаты выкупа за отпущенныхъ татарами на свободу „товарищей", подъ опасеніемъ потери впередъ всякаго довѣрія.

Іюля 5, въ среду. Утромъ татаринъ Мехметъ-Челеби, состоящій на службѣ у кастеляна краковскаго, доставилъ взятаго имъ въ плѣнъ Муртаза-Агу; послѣдній брошенъ былъ во время бѣгства татарами, которые не могли его увезти съ собою по той причинѣ, что, вслѣдствіе полученныхъ ранъ, онъ не могъ сидѣть верхомъ и долженъ былъ лежать въ повозкѣ. Муртаза-Ага человѣкъ знатнаго происхожденія и родственникъ бывшаго хана; всѣ дѣла въ Крыму рѣшались по усмотрѣнію его и ханскаго визиря; онъ раненъ былъ картечью въ руку и въ бокъ и насилу могъ говорить, когда его взяли въ плѣнъ; теперь онъ предлагалъ 10,000 талеровъ Мехметъ-Челебею за то, чтобы тотъ препроводилъ его къ хану, а не въ нашъ лагерь. Вообще татаре оставили по дорогѣ до 1,000 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Прежде этого не случалось, ибо они считаютъ не дозволеннымъ бросать трупы убитыхъ; обстоятельство это свидѣтельствуетъ о степени замѣшательства и упадка духа, до какой они дошли. Утверждаютъ, что въ теченіи трехъ дней убито было 1000 татаръ, не считая въ томъ числѣ раненыхъ и плѣнныхъ. Дѣло неслыханное, чтобы татаре понесли столь численную потерю въ открытомъ сраженіи. Самъ ханъ не былъ раненъ, какъ разглашали, только нѣсколько мурзъ, стоявшихъ возлѣ него, было убито.

День этотъ прошелъ спокойно; ночью козаки приготовлялись къ сильной вылазкѣ, но ливень, продолжавшійся въ теченіи всей ночи, помѣшалъ имъ, причинивъ значительный вредъ и нашему войску, изъ числа котораго 10,000 находилось въ строю и кромѣ того калишскій полкъ, только что подоспѣвшій въ лагерь, стоялъ на стражѣ. Поздно вечеромъ панъ Балабанъ съ 1000 человѣкъ перебрался на ту сторону для того, чтобы стать въ тылу козаковъ, не дозволить имъ выходить за провіантомъ и мѣшать ихъ бѣгству, такъ какъ они начали уходить мелкими отрядами въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Притомъ онъ долженъ добыть точное свѣдѣніе о ханѣ, ибо ходили слухи, что этотъ послѣдній, по просьбѣ Хмельницкаго, остановился въ четырехъ миляхъ отъ Вишневца.

Іюля 6, въ четвергъ, артиллерія наша открыла сильный огонь съ нѣсколькихъ сторонъ. Около полдня прибыли въ посольствѣ три полковника. Крыса, полковникъ чигиринскій, красивый мущина и, какъ говорятъ, расположенный къ намъ, Гладкій и Переяславецъ; ихъ проводили прежде къ кастеляну краковскому, который прочиталъ имъ хорошую нотацію, перечисливъ всѣ ихъ преступленія. „Вы измѣнники, подобныхъ которымъ нѣтъ на свѣтѣ, говорилъ онъ;—вы уже не христіане, ибо побратались съ татарами и турками, вы не достойны явиться передъ лице короля и т. д.“ Потомъ, съ разрѣшенія военнаго совѣта, ихъ позвали къ королю; они съ земными поклонами просили помилованія и на всѣ предложенные имъ вопросы отвѣчали только то, что просятъ милосердія; всю вину они слагали на Хмельницкаго, а также, по своему обыкновенію, на свои грѣхи; всѣмъ сенаторамъ они поочередно цѣловали руки и края одежды, словомъ, заявили достаточно смиренія (лишь-бы не притворнаго). Послѣ продолжительнаго совѣщанія, король объявилъ имъ черезъ канцлера, что хотя они за совершенныя преступленія, равныхъ которымъ нѣтъ во вселенной, и не достойны помилованія, но что король, какъ монархъ милосердный, уподобляясь милосердному Господу Богу, склоняется къ помилованію ихъ, если только смиреніе ихъ будетъ искреннее, что условія онаго будутъ имъ объявлены завтра, сегодня-же они должны въ доказательство искренности оставить въ лагерѣ одного изъ среды себя. Остался по собственной просьбѣ Крыса, хотя не безъ нѣкотораго страха.

Въ то время, когда наши вели эти переговоры у Берестечка, литовское войско также не оставалось въ бездѣйствіи; оно въ тотъже день съ Божіею помощью одержало за Днѣпромъ не маловажную побѣду надъ этою сволочью, какъ о томъ гласятъ слѣдующія письма:

Копія письма князя Януша Радзивилла, гетмана великаго литовскаго, писаннаго къ его женѣ 6-го іюля, въ день одержанной побѣды, въ пяти миляхъ отъ Чернигова.

„Извѣщаю васъ, что Господь даровалъ мнѣ побѣду надъ врагами. Коротко изложу за недосугомъ, ибо сейчасъ выступаю въ походъ: я быстро овладѣлъ тѣми укрѣпленіями, которыя защищали переправу черезъ Днѣпръ. Тотчасъ Небаба явился имъ на выручку и храбро наступалъ на насъ, но, подобно Кречевскому, онъ и самъ погибъ и потерялъ все свое войско; теперь выступаю преслѣдовать остатки его отряда, отступившіе къ двумъ таборамъ

своимъ, расположеннымъ въ четырехъ миляхъ отсюда. Дай, Господи, продолжать кампанію также удачно, какъ она начата: въ битвѣ я потерялъ только одного товарища, остальные погибшіе—челядь".

Другое лице, имѣвшее болѣе времени, сообщило подробности объ этомъ сраженіи въ слѣдующемъ письмѣ отъ 7 іюля, т. е. на другой день послѣ битвы:

„Полковника Небабу мы разгромили слѣдующимъ образомъ: панъ стражникъ Мирскій, переправившись на ту сторону Днѣпра, напалъ на козацкій гарнизонъ въ укрѣпленіяхъ, состоявшій изъ 300 всадниковъ; онъ истребилъ его такъ, что только немногіе спаслись бѣгствомъ. Бѣглецы извѣстили Небабу о томъ, что ляхи заняли уже ихъ ретраншаменты, но что отрядъ ихъ не многочисленъ. Небаба, желая разгромить Мирского, двинулся изъ-подъ Чернигова со всѣмъ своимъ войскомъ, котораго было числомъ 15,000. Онъ наступилъ на Мирскаго, не зная о томъ, что въ четверти мили дальше переправляется черезъ Днѣпръ гетманъ Янушъ Радзивиллъ. Послѣдній, успѣвъ переправить только часть своего войска, немедленно атаковалъ Небабу съ фланга; дѣло обошлось даже безъ выстрѣла, ибо, быстро окруживъ эту сволочь, мы рукопашнымъ боемъ истребили ее на повалъ. Не знаю, спаслось-ли ихъ хоть нѣсколько человѣкъ. Небаба, видя опасность, сошелъ съ коня и сражался пѣшій; на него напалъ одинъ товарищъ изъ хоругви мозырскаго старосты; онъ храбро и долго защищался; товарищъ долженъ былъ также сойти съ коня, и они вступили въ рукопашный бой; въ это время подоспѣлъ на помощь другой товарищъ и они стали его вдвоемъ одолѣвать. Небаба не допустилъ ихъ однако взять себя въ плѣнъ; когда ему изранили правую руку, онъ защищался лѣвою, пока его не убили. Послѣ этого счастливаго вчерашняго дѣла, сегодня 200 козаковъ пѣшихъ, вооруженныхъ самопалами, не зная о пораженіи своихъ, препровождали возы съ провіантомъ въ свой лагерь; наши окружили ихъ и всѣхъ забрали въ плѣнъ. Плѣнные сказывали, что въ полку Небабы было 20,000 человѣкъ, но 3,000 онъ послалъ въ сторону Кричева и они овладѣли Рославлемъ, 2,000-же отправилъ собирать провіантъ, такъ что при немъ оставалось только 15,000. Черниговскіе мѣщане пріѣзжали къ князю съ изъявленіемъ покорности; они просили лишь о сохраненіи жизни себѣ и своимъ дѣтямъ и обѣщали выдать нѣсколько тысячъ парубковъ-броварниковъ, которые стали собираться въ помощь Небабѣ. Сраженіе это проис-

ходило въ пяти миляхъ отъ Чернигова; одержавъ побѣду, князь направился въ Любечъ, а часть войска отправилъ въ Черниговъ.

Стольникъ литовскій вмѣстѣ съ паномъ Павшею пошли къ Припяти, а панъ Вейсъ съ 300 драгунъ подканцлера литовскаго отправился выручать Кричевъ; онъ наткнулся на передовой козацкій отрядъ въ 500 человѣкъ конницы, сразился и, положивъ на мѣстѣ 150 человѣкъ, остальныхъ разсѣялъ. На другой день онъ соединился съ поголовнымъ ополченіемъ дворянъ Мстиславскаго воеводства, и они напали вмѣстѣ на отрядъ козацкой конницы изъ полка Небабы, состоявшій изъ 3000 человѣкъ; послѣ упорнаго сраженія они одержали побѣду и перебили или разсѣяли ихъ, но и сами понесли чувствительныя потери: знатныхъ шляхтичей убито 20, самъ Вейсъ палъ въ битвѣ; погибли также: мстиславскій подсудокъ Воловичъ, мстиславскій писарь Суходольскій и панъ Каменскій; другихъ труповъ нельзя было распознать. Драгунъ убито 30 и вообще съ нашей стороны пало до 200 человѣкъ, но козаковъ почти всѣхъ уложили. Наши собираются взять Рославль. Въ Кричевѣ троцкій воевода (Александръ Служка) защищается удачно; козаки уже отбиты семь разъ съ большимъ урономъ. Такъ Господь покровительствовалъ литовскому войску.

Іюля 7. Между тѣмъ подъ Берестечкомъ въ пятницу утромъ опять пріѣхали козаки, чтобы получить условія сдачи. Объ нихъ разсуждали на совѣтѣ, о которомъ стыдно и упоминать; до того успѣхъ разслабилъ насъ, что никто и не высказалъ энергическаго предложенія. Имъ предложили слѣдующія условія: выдать начальниковъ, коихъ поименно перечислили 16 человѣкъ, въ качествѣ заложниковъ, но не безъусловно для наказанія ихъ; выдать артиллерію; доставить Хмельницкаго, Тимоша (его сына) и Выговскаго; выдать примкнувшихъ къ козакамъ шляхтичей; чернь отпустить по домамъ; предоставить королевской милости и рѣшенію будущаго сейма дальнѣйшія распоряженія относительно устройства козацкаго войска. Послы козацкіе отвѣтили, что Хмельницкаго они готовы разъискивать; что старшину, артиллерію и шляхтичей выдать трудно, но что они предложатъ условія своей радѣ. Крыса окончательно остался въ нашемъ лагерѣ. Вечеромъ козаки извѣстили, что старшина и козаки находятся внѣ лагеря, на пастбищахъ, а чернь перепилась и потому они не могутъ пока столковаться. Весь этотъ день прошелъ мирно и они допускали нашихъ чуть не внутрь своихъ укрѣпленій.

Іюля 8, въ субботу, козаки отвѣтили на условія, предложенныя имъ королемъ, въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ:

„Милостивый, свѣтлѣйшій король! Умоляя о пощадѣ, мы уповали на милосердіе вашей королевской милости, но намъ предложены условія невозможныя: выдать старшину мы не можемъ и не выдадимъ, такъ рѣшила рада войска и черни; артиллеріи выдать не можемъ; шляхтичей выдать не можемъ и не выдадимъ, такъ какъ по зборовскому договору имъ обѣщано прощеніе вашей королевской милости. Хмельницкаго, его сына и Выговскаго, измѣнившихъ и вашей королевской милости и намъ, мы выдалибы охотно, но ихъ нѣтъ среди насъ; однако мы обѣщаемъ ихъ разъискивать не только въ нашемъ краѣ, но и въ Крыму, и выдать вашей королевской милости, какъ лицъ, сбившихъ насъ, какъ овецъ, съ пути; обѣщаемъ разорвать всякую связь съ татарами; просимъ, чтобы козаки и чернь оставались на такихъ правахъ, какія условлены были по зборовскому договору; паны пусть благополучно возвращаются въ свои помѣстья въ Украйну, но безъ военныхъ хоругвей, ибо въ противномъ случаѣ произойдетъ большой голодъ. Вообще просимъ вашу королевскую милость принять насъ подъ свое покровительство, какъ дѣтей и вѣрныхъ подданныхъ. Симъ окончивъ, подписываемъ: войско вашей королевской милости запорожское со всею чернью“.

Подписи бывшаго у нихъ на тотъ часъ гетманомъ Джеджалія не было. Король, разгнѣванный этимъ отвѣтомъ, приказалъ немедленно палить въ таборъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько большихъ пушекъ уже доставили изъ Бродъ, другія поспѣшно везли изъ Львова.

Іюля 9. Вновь прибыли козацкіе послы, возобновили просьбу о помилованіи и обѣщали выдать 16 старшинъ, но король не хотѣлъ удовлетвориться этимъ и строго пригрозилъ имъ; они писали письма сенаторамъ, постоянно прося прощенія, но вовсе не соглашаясь на предложенныя условія и настаивая на сохраненіи зборовскаго договора. Ихъ отпустили ни съ чѣмъ. Кастелянъ краковскій разорвалъ, не читая, присланное ему письмо и строго сказалъ имъ: „Ступайте, хлопы! вскорѣ вы узнаете, что такое зборовскій договоръ“!

Между тѣмъ наши, лишь-бы что либо дѣлать, среди этихъ колебаній стали устраивать плотины на рѣчкѣ, разсчитывая на то, что если удастся запрудить воду, то большая половина ко-

зацкаго табора, расположенная внизу надъ рѣкою и у болотъ, будетъ потоплена, и что устроенныя ими переправы будутъ наводнены и уничтожены. Сдѣлано это было по совѣту козака Крысы, который добровольно остался у насъ, не смотря на то, что козаки требовали его выдачи, какъ посла. Онъ притомъ указалъ на оплошность нашу въ двухъ обстоятельствахъ: во первыхъ въ томъ, что мы не отправили нѣсколько тысячъ людей въ погоню за татарами, когда они бѣжали объятые страхомъ, и когда ихъ легко можно было разгромить и уничтожить; во вторыхъ въ томъ, что мы понынѣ дозволили козакамъ имѣть свободное сообщеніе съ другимъ берегомъ рѣчки; пока это будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ, по его словамъ, невозможно будетъ смирить ихъ, ибо они будутъ постоянно надѣяться на возможность отступленія. Совѣтамъ его, впрочемъ, послѣдовали слишкомъ поздно, и потому они не имѣли надлежащаго успѣха.

Притомъ въ военномъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы ночью, въ случаѣ если погода будетъ благопріятствовать, предпринять приступъ. Для участія въ немъ предположено было командировать пѣхоту, челядь и мазовецкое ополченіе, которое въ этотъ день подошло; остальные отряды дворянскаго поголовнаго ополченія (за исключеніемъ прусскихъ воеводствъ) должны были поддерживать штурмъ въ качествѣ резерва. Рѣшеніе это было вызвано показаніями волоховъ и козаковъ, перебѣжавшихъ къ намъ въ тотъ день; они утверждали, что козаки рѣшились бѣжать и уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ большимъ усердіемъ подготовляютъ переправы. Все войско получило приказъ быть на готовѣ ночью.

Въ тотъ-же день вновь получено извѣстіе, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца; наши были этимъ сильно встревожены; для того, чтобы собрать точныя извѣстія, отправлено было нѣсколько отрядовъ въ разныя стороны. Съ наступленіемъ ночи полки гетмана польнаго (Калиновскаго), воеводы русскаго (Іереміи Вишневецкаго), воеводы брацлавскаго (Лянцкоронскаго) и хоружія короннаго (Конецпольскаго) должны были выступить противъ орды; въ случаѣ-же, если-бы татаръ не оказалось, имъ приказано было немедленно возвратиться и занять позицію въ тылу козацкаго табора, за рѣчкою, куда наши давно уже собирались. Ночью возвратился изъ разъѣзда панъ Суходольскій и объявилъ, что онъ былъ за нѣсколько миль по ту сторону Вишневца, но нигдѣ нѣтъ и помину о татарахъ. Вслѣд-

ствіе этого предположенная экскурсія была отмѣнена. Приступъ-же и вообще всѣ другія постановленія совѣта не состоялись вслѣдствіе неурядицы и безпорядка. Только воевода брацлавскій дерзнулъ переправиться на ту сторону, въ тылъ непріятельскаго табора, съ отрядомъ въ 2,000 человѣкъ.

Іюля 10, въ понедѣльникъ, чудеснымъ образомъ проявилось покровительство, которымъ Господь постоянно охранялъ короля и Рѣчь Посполитую и соизволилъ даровать намъ новую побѣду. Когда человѣческія предначертанія относительно дальнѣйшей осады и штурма козацкаго табора оказались тщетными, ибо то и другое намѣреніе представляло величайшія трудности и опасности, когда осаждавшіе оказались болѣе павшими духомъ и угнетенными, чѣмъ осажденные, Богъ послалъ на враговъ неисповѣдимое смятеніе, тревогу и паническій страхъ. Въ теченіе всей недѣли непріятели заявляли, что они скорѣе готовы подвергнуться всякой крайности и пробиваться черезъ нашъ лагерь, нежели сдаться или серьезно просить помилованія. Хотя они и обращались въ этомъ смыслѣ нѣсколько разъ къ королю, какъ о томъ выше было разсказано, но они дѣлали это не искренно, имѣя въ виду лишь замедлить и затянуть ходъ военнаго дѣла, надѣясь отсидѣться, не опасаясь вовсе нашихъ нападеній и ожидая помощи, то отъ Тимоша, то отъ возврата Хмельницкаго и хана, въ чемъ старшина обнадеживала толпу. Правда, чернь желала перемирія для того, чтобы поспѣшить домой на защиту женъ и дѣтей, которыхъ татаре захватывали въ плѣнъ на обратномъ пути въ свои кочевья; въ виду этого желанія, Джеджалій, исправлявшій должность гетмана, началъ переговоры, но старшина, зная, что, въ случаѣ заключенія договора, жизни ихъ угрожаетъ опасность, озаботилась заблаговременно о своемъ спасеніи; ночью съ воскресенья на понедѣльникъ они вчали возмущеніе, лишили Джеджалія власти и на его мѣсто избрали Богуна. Послѣдній, освѣдомившись отъ языковъ и перебѣжчиковъ, что брацлавскій воевода съ частью войска отправился черезъ переправу въ тылъ ихъ арміи, и посовѣтовавшись съ старшиною, вышелъ изъ табора на разсвѣтѣ съ нѣсколькими тысячами конницы и съ двумя пушками, намѣреваясь занять и укрѣпить переправу. Чернь, увидѣвъ это движеніе и не зная намѣреній Богуна, встревожилась и стала теряться въ предположеніяхъ и подозрѣніяхъ, полагая, что старшина убѣгаетъ. Въ это время, около 10 часовъ утра, кто-то въ толпѣ, вѣроятно по Божьему допущенію, вскри-

чалъ: „Вотъ старшина уже бѣжитъ“! Немедленно всѣ бросились бѣжать, куда попало, въ большемъ безпорядкѣ, чѣмъ наши подъ Пилявцами; отъ натиска на всѣхъ трехъ переправахъ стали тонуть. Увидѣвъ происходившее, Богунъ тотчасъ возвратился въ таборъ, сталъ ободрять своихъ и уговаривалъ возвратиться въ лагерь и успокоиться, но онъ не былъ въ состояніи удержать бѣглецовъ. Наши хоругви, стоявшіе на стражѣ, лишь только примѣтили это смятеніе, не смотря на свою малочисленность, придвинулись къ табору и переправамъ; тогда хлопы стали еще усиленнѣе толпиться и вязнуть въ топкомъ болотѣ; они бросали лошадей, вьюки, имущество, даже женъ и дѣтей, которыхъ множество находилось въ таборѣ; конница ихъ, стоявшая въ аріергардѣ, пыталась было выстроиться, но вслѣдствіе страха, посланнаго на нихъ Господомъ, она разсѣялась и позорно стала топиться въ болотѣ. Убѣгавшіе бросили таборъ со всѣмъ бывшимъ въ немъ добромъ и оставили въ немъ много скота, лошадей, провіанта, пушекъ, пороху и знаменъ. Когда извѣстіе объ этомъ бѣгствѣ распространилось въ нашемъ войскѣ, наши немедленно бросились въ таборъ, и стали пользоваться добычею; кто не полѣнился, тотъ могъ пріобрѣсти значительную долю имущества. Въ то время другія хоругви бросились въ погоню за убѣгавшими, но онѣ должны были прежде пройти трудныя переправы, весьма узкія и вязкія, такъ что лошади могли по нимъ идти только по одиночкѣ; между тѣмъ козацкая конница, числомъ до 20,000, успѣла сформироваться и направилась вскачь впередъ. Воевода брацлавскій, который перешелъ было на ту сторону съ отрядомъ въ 2000 человѣкъ, какъ было упомянуто, для того, чтобы препятствовать козакамъ пользоваться пастбищами (жаль, что это было предпринято слишкомъ поздно и съ незначительнымъ количествомъ войска, въ противномъ случаѣ всѣ козаки остались-бы въ западнѣ), увидѣвъ такое множество враговъ и полагая, что это нападеніе сдѣлано съ умысломъ противъ него, желая обезпечить себѣ отступленіе, отступилъ къ переправѣ къ Козину. Между тѣмъ огромное количество нашихъ выступило изъ лагеря и отправилось въ погоню за уходившими, убивая всѣхъ запоздавшихъ и отставшихъ на пути. Кажется, что нельзя было найти никого, кому-бы не довелось убить козака. Наконецъ брацлавскій воевода понялъ, что козаки обращены въ бѣгство и, оправившись отъ первоначальнаго испуга, пожелалъ вознаградить потерянное время; онъ немедленно отправился въ погоню

и производилъ ее съ такимъ рвеніемъ, что возвратился назадъ послѣднимъ. Когда онъ впослѣдствіи хвасталъ предъ королемъ, утверждая, что онъ съ своимъ отрядомъ до того сильно билъ враговъ, что у нихъ заболѣли руки, то король насмѣялся надъ нимъ, замѣтивъ, что вѣроятно у нихъ болѣли ноги, намекая на первоначальное его бѣгство къ Козину. Весьма видное участіе въ дѣлѣ выпало на долю ополченія плоцкаго воеводства; въ то время король производилъ ему смотръ и непосредственно со смотра скомандовалъ идти на врага, потому имъ довелось принять дѣятельное участіе въ погонѣ и они били враговъ до пресыщенія въ лѣсу, въ кустарникахъ и въ болотахъ; весь день, пока не стемнѣло, наши, подвигаясь облавою, чинили кровавую бойню, вытаскивая непріятелей изъ кустовъ и болотъ, разстрѣливая ихъ и рубя головы, хотя и они наносили вредъ нашимъ, въ случаѣ ихъ неосмотрительности. Цѣлый день продолжалось убійство и кровопролитіе. Одинъ отрядъ козаковъ, числомъ отъ 200 до 300 человѣкъ, устроилъ засѣку на одномъ островѣ среди болотъ и защищался храбро и отчаянно. Кастелянъ краковскій предложилъ имъ помилованіе, но тѣ принять его не захотѣли; они, въ знакъ своей рѣшимости, высыпали изъ кошельковъ деньги и побросали ихъ въ воду, а затѣмъ стали защищаться и поражать нашихъ; пѣхота должна была пойти на нихъ въ аттаку колонною, и хотя разорвала ихъ и разсѣяла, но они не захотѣли сдаться, бѣжали въ болото и тамъ каждаго по одиночкѣ нужно было доканчивать.—Одинъ изъ нихъ добрался до лодки и на глазахъ у короля и у всего войска представилъ образецъ храбрости далеко не хлопской; онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ отбивался косою, не обращая вниманія на выстрѣлы (не знаю, не попадали-ль стрѣлки, или, можетъ быть, пули его не брали), пока наконецъ какой-то Мазовшанинъ изъ Цѣхановскаго повѣта, раздѣвшись до нага и бродя по шею въ водѣ, не нанесъ ему удара косою и потомъ не пронзилъ копьемъ. Король долго смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ и радостью на это зрѣлище. Многихъ, подобно уткамъ, ловили по болотамъ, вытаскивали и убивали, никого не щадили, даже женъ и дѣтей, но всѣхъ истребляли мечемъ. Не малая добыча досталась нашимъ въ тотъ день, хотя она не можетъ и сравниться съ добычею, взятою у насъ подъ Пилявцами, ибо козаки не употребляли серебрянной посуды и не ѣздили въ каретахъ. Въ числѣ добычи оказалось 18 хорошихъ пушекъ съ лафетами, семь бочекъ пороху, кромѣ того,

что было расхватано солдатами, и до 20 знаменъ, въ томъ числѣ знамя, которое послалъ имъ въ Кіевъ черезъ коммисаровъ король послѣ своего восшествія на престолъ; оно было краснаго цвѣта съ изображеніемъ бѣлаго орла и двухъ русскихъ крестовъ; другое знамя голубое, съ изображеніемъ орла пополамъ бѣлаго и краснаго, которое далъ имъ покойный король Владиславъ въ 1646 году, когда зазывалъ козаковъ въ предполагавшійся турецкій походъ. Оба эти знамена у козаковъ считались важнѣйшими и хранились весьма бережно, теперь-же взяты были королемъ, къ большому его удовольствію. Взятъ былъ живьемъ въ плѣнъ грекъ, прибывшій въ качествѣ посланника отъ патріарха константинопольскаго и привезшій Хмельницкому саблю и благословеніе на войну отъ лица всей греческой церкви. Его поймалъ ротмистръ волошской хоругви князя Вишневецкаго, а послѣдній доставилъ королю. Посолъ былъ одѣтъ весьма нарядно въ собольей мантіи; привезенная имъ сабля и парадный кинжалъ были отданы также королю княземъ Вишневецкимъ. Отнято было также знамя, взятое въ сраженіи, бывшемъ въ четвергъ, козаками у отряда кастеляна краковскаго. Патріархъ іерусалимскій, болѣе всего подстрекавшій Русь къ возмущенію, былъ обезглавленъ среди смятенія; королю было доставлено его облаченіе, т. е. ризы, митра, красная, бархатная, украшенная кругомъ и крестообразно золотыми бляхами, двѣ чаши большія, подсвѣчники, крестъ изъ яшмы и печать; королю отдана также печать войска запорожскаго. Пану Браницкому достался большой серебряный портфель Хмельницкаго со всѣми письмами, полученными имъ отъ султана, хана, царя и Ракочія; письма эти онъ передалъ королю. Войсковая козацкая касса была разграблена солдатами; она состояла изъ двухъ сундуковъ, наполненныхъ талерами, которыхъ было, по словамъ полковника Крысы, 30,000. Деньги эти назначены были на уплату ордѣ; ихъ расхватали тѣ, которые первые нашли кассу: одному товарищу досталось до 1500 червонцевъ, другимъ по нѣскольку сотъ или десятковъ. Одинъ изъ товарищей завладѣлъ бархатною, подбитою соболями мантіею Хмельницкаго и сорокомъ соболей. Найдено огромное количество ружей и самопаловъ, а также, между прочимъ, три колокола: два большіе и одинъ малый. Не было воина, который-бы не захватилъ въ таборѣ провизіи: пшена, сала, муки и т. п., а также разной мелочи: желѣза, возовъ и проч., что было-бы слишкомъ долго перечислять. Наши нашли въ таборѣ пищу, еще варив-

шуюся въ горшкахъ, и жаркое на вертелахъ,—до того бѣгство враговъ случилось неожиданно вслѣдствіе паническаго страха, посланнаго на нихъ Господомъ. Они разсѣялись въ разныя стороны; ихъ истребляли въ лѣсахъ и болотахъ въ одиночку, а семь полковъ нашихъ, подъ предводительствомъ польнаго гетмана (Калиновскаго) и хорунжія короннаго (Конецпольскаго), преслѣдовали ихъ главную массу, дабы не допустить ихъ опять собраться. Важнѣе всего было то, что побѣда, сопряженная съ столь значительною гибелью враговъ, одержана была почти безъ всякой потери съ нашей стороны; ибо убиты были только 5 поляковъ, нѣсколько иностранцевъ и одинъ капитанъ изъ полка князя Радзивила при штурмѣ засѣки, устроенной на островѣ.

Въ числѣ писемъ найдена была султанская грамота, жалующая Хмельницкому княжество русское, а также планъ предполагавшихся дѣйствій, въ которомъ условлено было, что Ракочи овладѣетъ Краковомъ и что ему назначалась польская корона.

Такимъ образомъ по милости и благословенію Божьему, за что да святится имя Его во вѣки, кампанія берестецкая счастливо была завершена въ этотъ день. Но война козацкая не кончилась, потому что слишкомъ много козаковъ и хлоповъ, поднявшихся противъ отчизны нашей, спаслось бѣгствомъ. Тому были разнообразныя причины: первая и важнѣйшая та, что заслуги наши передъ Господомъ не были достаточно усердны и Онъ не благоволилъ окончательно умиротворить Рѣчь Посполитую и истребить враговъ, а сохранилъ ихъ достаточно изъ этой бойни въ наказаніе за грѣхи наши. Другая причина—это была медлительность: вмѣсто того, чтобы ударить на встревоженнаго врага съ рѣшимостью послѣ первоначальной побѣды, мы стали дѣйствовать медленно, будто на досугѣ, дозволили ему опомниться, собраться съ силами и спастись бѣгствомъ. Указывали много причинъ этой медлительности, именно: частыя перемѣны въ рѣшеніяхъ военнаго совѣта, безпорядокъ и отсутствіе дисциплины и притомъ слишкомъ недостаточное количество пѣхоты, необходимой для приступа, ибо невозможно было посылать на штурмъ конницу по причинѣ валовъ, окружавшихъ лагерь и широкихъ и многочисленныхъ рвовъ, защищавшихъ его внутри, вслѣдствіе чего едва пѣхотинцы могли бы управиться, а для всадниковъ являлась положительная невозможность дѣйствовать. Много повліяла на вялое веденіе дѣла и вѣсть о томъ, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца, вызвавшая было у нашего войска совершенный упадокъ

духа, хотя я полагаю, что въ виду этой вѣсти (оказавшейся притомъ ложною) слѣдовало тѣмъ съ большею энергіею идти на приступъ, чтобы предупредить ожидаемое врагами пришествіе новыхъ силъ имъ въ помощь. Тѣ лица, которыя, по видимому, знали тайныя побужденія и намѣренія короля, утверждали, что причина медлительности состояла въ томъ, что какой-то астрологъ, на основаніи своихъ сомнительныхъ исчисленій, увѣрилъ короля, что числа 4, 5, 6, 11 и 12 іюля несчастны для него, и, потому, онъ не долженъ въ эти дни предпринимать ничего важнаго, но что конецъ мѣсяца будетъ для него неимовѣрно счастливъ. Вѣра въ это обманчивое предсказаніе и довѣріе къ его автору до того укоренились въ сердцѣ короля, что онъ рѣшился переждать, пока не минуютъ означенные дни. Между тѣмъ среди праздности, продолжавшейся въ теченіи 10 дней, силы наши ослабѣвали, войско стало испытывать нужду, многіе солдаты въ иностранныхъ и польскихъ региментахъ умирали отъ недостатка пищи, мужество и пылъ улеглись, и среди насъ воцарился такой безпорядокъ и чувствовался такой недостатокъ во всемъ, что, хотя, повидимому, мы осаждали враговъ, но скорѣе сами чувствовали себя въ осадѣ, подобно тому, какъ сказано въ старой, но остроумной поговоркѣ: „я поймалъ татарина, а онъ меня не пускаетъ". Между тѣмъ враги набирались храбрости, усиливались, возвели укрѣпленія и мужественно въ нихъ держались; они безпокоили нашихъ постоянными вылазками днемъ и ночью и не оставляли безъ вниманія ничего того, что могло послужить имъ въ защиту. Наконецъ, когда они выбѣжали изъ табора,—случилось-ли это съ умысломъ или, что гораздо правдоподобнѣе, неожиданно, вслѣдствіе паническаго страха,—то успѣли спастись и ускользнуть изъ рукъ нашихъ, хотя съ большею потерею, вслѣдствіе нашей непредусмотрительности, такъ какъ мы не позаботились загородить имъ пути для бѣгства за рѣкою.

Въ тотъ-же день королю доставлена была копія письма отъ хана, писаннаго подъ Константиновымъ (текстъ его смотри выше), а также письмо отъ султана Кази-аги къ кастеляну краковскому. Султанъ въ письмѣ своемъ удивляется счастью, дарованному намъ Богомъ, и проситъ освободить Нечахъ-мурзу изъ плѣна, въ виду того, что онъ человѣкъ не богатый (слѣдовательно выкупа большого дать не можетъ), утверждая, что впредь до его освобожденія и рѣчи не можетъ быть о замиреніи.

То, что происходило въ нашемъ лагерѣ послѣ этого бѣгства и погрома козаковъ, досадно и стыдно передавать потомству, ибо

опасно, чтобы въ подобномъ случаѣ оно не вздумало подражать позорному примѣру предковъ. Не говоря уже о многочисленныхъ упущеніяхъ, допущенныхъ послѣ сраженія, происходившаго въ пятницу 30 іюня, которыя мы достаточно выяснили выше, какъ-то: что не преслѣдовали разбитыхъ татаръ, что сейчасъ же не окружили растерявшихся и встревоженныхъ козаковъ, что въ теченіи десяти дней безъ всякаго дѣла оставались праздными и что, наконецъ, оставили свободный проходъ для бѣгущихъ козаковъ,—теперь, послѣ побѣды окончательной (какъ тогда казалось), еще болѣе ошибокъ и упущеній было сдѣлано, будто нарочно, къ величайшему стыду нашего народа, что ясно станетъ изъ послѣдующаго разсказа.

Король, слѣдуя совѣту опытныхъ воиновъ, рѣшился тотчасъ двинуться за разсѣявшимися врагами, чтобы докончить съ должною энергіей столь неожиданную побѣду, подавить окончательно врага, ускользнувшаго вслѣдствіе нашей оплошности, и добиться наконецъ прочнаго мира въ пользу нашей вѣры и отечества. Желая обезпечить, какъ можно прочнѣе, успѣхъ этого предпріятія, онъ хотѣлъ увлечь въ дальнѣйшій походъ не только регулярное наемное войско, сильно утомленное и ослабѣвшее отъ постоянныхъ трудовъ, но и дворянское поголовное ополченіе. Но лишь только онъ объявилъ имъ это предложеніе чрезъ посредство сенаторовъ, какъ вся шляхта, составлявшая поголовное ополченіе, подняла вопль, будто она явилась сюда ради преній, а не для военныхъ дѣйствій. Но для того, чтобы всѣ сообща стали причастными общему рѣшенію, зловредному и ошибочному, они испросили позволеніе составить совѣтъ въ „генеральномъ кругѣ“. Здѣсь, основываясь на законѣ, гласящемъ, что дворянское ополченіе обязано защищать отечество только въ продолженіи двухъ недѣль (будто Господь обязанъ въ послѣдствіи все остальное чудомъ довершить, вмѣсто нерадивыхъ гражданъ) и прикрывая собственное нерадѣніе формулою закона, они избрали своимъ маршаломъ Мартына Дембицкаго, подчашія сандомирскаго, человѣка велерѣчиваго и популярнаго, и, подавивъ болѣе благоразумные голоса, даже сенаторамъ угрожая саблями, отправили къ королю свое рѣшеніе, въ которомъ, не обращая вниманія ни на уваженіе къ его величеству, ни на сохраненіе собственной вольности, ни на уронъ Рѣчи Посполитой, заявили такое, будто сеймовое, постановленіе, „что дворяне дальше не намѣрены идти“. Столь не уважительное и богопротивное мнѣніе рѣзко оскорбило королевское сердце. Желая привести ихъ къ бо-

лѣе здравомыслящему рѣшенію, король и сенатъ представляли имъ всевозможныя доказательства, примѣры и андецеденты, просили ихъ и умоляли, чтобы они согласились хотя еще двѣ недѣли оставаться въ походѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, хотя пройти къ Старому Константинову, для того, чтобы устрашить враговъ молвою о томъ, что и король, и дворяне, и всѣ войска двигаются противъ нихъ въ походъ. Но всѣ эти резоны оставались безъ вліянія, падая будто на бездушный камень; дворяне увлекались инстинктивною привязанностью къ домашнему очагу, торопились къ своимъ женамъ и тѣмъ болѣе стремились возвратиться во свояси, чѣмъ болѣе тяготились неудобствами и трудами лагерной, непривычной для нихъ жизни; для того-же, чтобы прикрыть свое малодушіе и холодность къ интересамъ отечества, они стали упрекать короля въ томъ, что онъ съ умысломъ отпустилъ враговъ, взявъ отъ нихъ въ качествѣ выкупа 800,000 (душа содрогается при одной мысли объ этомъ невѣроятномъ подозрѣніи); сверхъ того они разсказывали множество другихъ безстыжихъ выдумокъ, которыя не только писать, но и вспоминать позорно для нашего народа. Королю, въ награду за всѣ его труды и усилія, пришлось лишь испытать справедливость пословицы: „дѣло короля—хорошо работать и дурное выслушивать“ [1]). Тогда подканцлеръ коронный, Іеронимъ Радзеевскій (съ которымъ король помирился въ пятницу во время сраженія, простивъ ему всѣ обиды, о которыхъ выше было сказано), желая услужить королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявить силу своей популярности среди шляхты и въ силу ея занять вліятельное положеніе при дворѣ, предложилъ свои услуги для того, чтобы уговорить шляхту повиноваться королевской волѣ и оставить сопротивленіе, къ которому, какъ многіе утверждали, онъ самъ подстрекалъ ее прежде. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, ибо шляхтичи, услышавъ его усердныя представленія, не только не вняли имъ, но съ большимъ крикомъ стали его упрекать въ равнодушіи къ своимъ интересамъ и въ двоедушіи по отношенію къ себѣ и къ королю; неудача эта усилила нерасположеніе къ нему короля и была поводомъ той окончательной немилости, которой онъ вскорѣ подвергся, какъ я о томъ ниже разскажу.

Наконецъ шляхтичи, страстно желавшіе разъѣхаться по домамъ, послѣ долгихъ совѣщаній, желая прикрыть благовиднымъ

---

[1]) Regium est cum bene feceris, male audire.

предлогомъ свое бѣгство и то обстоятельство, что они бросали короля среди военной компаніи, отправили къ королю депутацію съ заявленіемъ, что въ замѣнъ собственной службы они готовы или уплатить деньги, или снарядить милицію, соразмѣрную съ зажиточностью каждаго изъ нихъ; но король сразу не принялъ этихъ предложеній, ибо деньги безъ войска могутъ послужить лишь въ добычу врагу, а наборъ милиціи разстроитъ только сформированные уже наемные отряды, переманивая изъ нихъ солдатъ въ новые отряды, увеличитъ замѣшательство, но не прибавитъ военныхъ силъ. Впослѣдствіи, однако, въ виду упорства шляхтичей, пришлось принять эту предложенную ими помощь, за невозможностью добиться чего-либо болѣе существеннаго. Разныя воеводства предложили субсидію на различныхъ условіяхъ: такъ сендомирское воеводство предложило сейчасъ-же уплатить деньги въ размѣрѣ удесятеренной подати, но подъ условіемъ, что за эти деньги будетъ немедленно нанята милиція; краковское воеводство обѣщало само сформировать милицію; мазовецкое воеводство и значительная часть Великой Польши предложили деньги безъ всякихъ условій и т. п. Но все это принесло мало пользы, ибо и денегъ всѣхъ они не уплачивали въ дѣйствительности и за уплоченныя негдѣ было навербовать солдатъ, такъ какъ шляхтичи почти всѣ предпочли уѣхать домой, а кварцяные солдаты, хотя, съ вѣдома ротмистровъ, и записывались въ воеводскія милиціи, но потомъ, получивъ часть денегъ и продовольствія, по требованію тѣхъ-же ротмистровъ, должны были возвращаться на службу въ тѣ хоругви, въ которыхъ числились до того времени. Дѣло кончилось тѣмъ, что собранныя деньги были выданы въ качествѣ жалованья болѣе нуждавшимся хоругвямъ регулярнаго войска.

Пока шли эти переговоры, многіе шляхтичи то въ одиночку, то толпами уходили изъ лагеря и даже цѣлые повѣты, никѣмъ не преслѣдуемые, бѣжали за Стырь; трудно предвидѣть, что случилось-бы тогда, если бы враги появились. Въ этомъ случаѣ мы извѣдали, что значитъ вести войну, пользуясь дворянскимъ ополченіемъ. Не дай, Господи, чтобы впредь мы должны были прибѣгать къ нему! Теперь мы постигли, почему всѣ народы чувствуютъ отвращеніе къ подобнаго рода ополченіямъ; его ничтожество и малодушіе вполнѣ обрисовалось. Несчастна наша Рѣчь Посполитая, въ которой безчинства многихъ цѣнятся больше чѣмъ благоразуміе немногихъ избранныхъ. Не захотѣли понять,

что сладость мира добывается военными подвигами и готовностью къ пролитію крови. Мы до того выродились сравнительно съ нашими предками, что не захотѣли пожертвовать двѣ недѣли времени для сохраненія того, что они нѣкогда пріобрѣли, щедро жертвуя кровью; важнѣе-же всего то, что мы бросили на произволъ судьбы короля и отечество съ величайшимъ для себя позоромъ, почитая притомъ добродѣтелью тотъ поступокъ, который всякому покажется лишь величайшимъ посрамленіемъ.

Отряды, отправлявшіеся въ погоню за козаками, возвращались съ разныхъ сторонъ и доставляли свѣдѣнія о томъ, сколько ихъ удалось истребить въ различныхъ мѣстностяхъ. Гарнизонъ, находившійся въ Дубнѣ, съ помощью окрестныхъ крестьянъ, напалъ на отрядъ ихъ, числившійся до 6,000 человѣкъ и стремившійся къ какой-то переправѣ, и почти цѣликомъ истребилъ его. Другіе козаки разбрелись въ разныя стороны: въ Полѣсье и въ Подоліе.

Іюля 14. Постыдное отступленіе дворянъ не отклонило короля отъ мысли энергическаго преслѣдованія бѣгущаго врага; напротивъ того, подавляя печаль въ сердцѣ своемъ, онъ съ непоколебимою твердостью выступилъ въ путь, направляясь отъ Берестечка къ Кіеву, въ сопровожденіи лишь своего двора и наемнаго войска польскаго и иностраннаго. Польный гетманъ (Калиновскій) съ частью войска отправленъ былъ въ качествѣ передоваго отряда. Король не захотѣлъ прощаться съ дворянскими ополченіями. И, дѣйствительно, позорное поведеніе дворянъ не давало имъ права на то, чтобы король милостиво попрощался съ ними; напротивъ того, слѣдовало-бы, по примѣру Болеслава Храбраго, многимъ послать прялки и заячьи мѣха, особенно тѣмъ, которые не были въ битвѣ и опоздали приходомъ, съ умысломъ двигаясь по мѣрѣ возможности медленно, для того, дабы битва безъ нихъ произошла; а между тѣмъ эти то ополченія болѣе всего настаивали на томъ, чтобы возвращаться домой и усерднѣе другихъ спѣшили бѣжать за Стырь, бросая возы и провизію и заботясь лишь о томъ, чтобы не обнаживъ сабли, обезпечить себѣ путь для постыднаго отступленія. Знатные вельможи, особенно изъ Великой Польши, владѣющіе богатыми помѣстьями и и бенефиціями, притомъ придворные чиновники, какъ маршалъ надворный и подканцлеръ коронный, не согласились сопровождать короля даже на разстояніи одной мили. Король, не обращая на это вниманія, въ тотъ-же день выступилъ и остановился на

ночлегъ въ полумили отъ Козина, помѣстья пана Фирлея. Онъ съ грустью увидѣлъ, что количество его войска уменьшилось въ поражающихъ размѣрахъ, ибо вмѣстѣ съ поголовнымъ ополченіемъ дворянъ ушли всѣ охотники, панскія хоругви, надворныя хоругви воеводъ и другихъ сенаторовъ и при нихъ множество товарищей, челяди и пѣхоты, даже изъ числа наемнаго войска, подъ тѣмъ предлогомъ, что они намѣрены поступить въ ряды предполагавшихся новыхъ милицій. Притомъ и оставшіяся наемныя хоругви представляли печальное зрѣлище: онѣ имѣли видъ нищенскій. Пѣхота, блиставшая прежде серебрянными украшеніями мундировъ, теперь была оборвана; регименты весьма малочисленны и нѣмцы безнаказанно бѣжали изъ нихъ, какъ будто война уже совершенно была кончена.

Въ тотъ-же день возвратился изъ разъѣзда Гандза и донесъ, что онъ былъ за Гончарихою, но татаръ не встрѣтилъ, а только видѣлъ слѣды ихъ бѣгства; козаки-же отступили по преимуществу въ Полѣсье, укрываясь въ болотахъ.

(Окончаніе будетъ).

Отрывокъ изъ записокъ анонима (1768 г.)[1].

(Казнь Гонты и усмиреніе „Коліивщины").

.....Когда уже Гонта понесъ заслуженное наказаніе, и россіяне укротили запорожцевъ, для усмиренія-же волнующихся еще хлоповъ приготовлялась военная экспедиція, я также рѣшился возвратиться въ окрестности Смѣлы. Узнавъ, что панъ Стемпковскій, недавно назначенный региментаремъ украинской партіи, собираетъ уже хоругви и намѣренъ съ конницею идти въ Украйну, я поспѣшилъ въ Трояновъ, гдѣ тогда находился региментарь со штабомъ своимъ, желая совершить путь безопасно подъ охраною „народовой кавалеріи"—этимъ именемъ стали теперь называть панцырныя хоругви, которыя разоблачили изъ кольчугъ.

Я былъ хорошо знакомъ съ новымъ региментаремъ въ то еще время, когда онъ носилъ титулъ жарновскаго кастелянича; я встрѣчалъ его тогда въ Ровномъ и въ Дубнѣ и бывалъ въ его домѣ въ Шепетынѣ. Онъ принялъ меня привѣтливо и гостепріимно; жилъ онъ открыто и заискивалъ расположеніе шляхтичей кіевскаго воеводства, стараясь склонить ихъ на сторону короля, которому онъ былъ горячо преданъ; онъ угощалъ постоянно толпу офицеровъ и товарищей. Время у него проводили весело, ибо поляки скоро забываютъ горе; кубки опорожнивали при звукахъ пушечной пальбы и танцовали съ увлеченіемъ. Панъ региментарь выступалъ бойко въ первой парѣ полонеза, выкрикивая: эй! пошло!, а между тѣмъ на берегахъ Тыкича и Тясьмина кровь еще проливалась.

---

[1]) Отрывокъ этотъ, писанный по-польски, былъ намъ сообщенъ въ рукописи покойнымъ М. А. Максимовичемъ. Передаемъ въ точномъ переводѣ эту интересную часть записокъ анонимнаго мемуариста.—В. А.

Госпожа Стемпковская, женщина очень привѣтливая, любезная и почтенная, страстно любила играть въ зернь, но такъ какъ она всегда играла по весьма умѣренному кушу, исключительно ради развлеченія, то настоящіе игроки сторонились отъ ея столика, но за то молодые офицеры и товарищи, съ которыми она обращалась любезно и по матерински, окружали ее и участвовали въ игрѣ, выкладывая золотые и полталеры. Я встрѣтилъ въ Трояновѣ многихъ старыхъ знакомыхъ товарищей моихъ во время барской конфедераціи и, въ томъ числѣ у столика госпожи Стемпковской, я увидѣлъ сына моего друга, чашника Нурскаго, Мартына; онъ бойко встряхивалъ кубокъ и металъ зернь, такъ какъ ему везло въ игрѣ. Онъ радостно меня привѣтствовалъ и, кончивъ игру, подсѣлъ поговорить. Я расспросилъ его про отца; онъ разсказывалъ, что, возвратившись изъ плѣна, отецъ его нашелъ домъ свой совершенно ограбленнымъ и хозяйство въ полномъ разстройствѣ; при томъ, какъ человѣкъ пожилой и привыкшій къ прежнимъ военнымъ порядкамъ, онъ не могъ привыкнуть къ нововведеніямъ, примѣненнымъ къ устройству панцырныхъ хоругвей и, потому, оставилъ военную службу. Самъ-же Мартынъ долженъ былъ явиться къ хоругви по приказанію региментаря и исполнилъ это весьма неохотно, но теперь привыкъ къ военной службѣ и полюбилъ ее.

Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ казни суровой, которой подвергся въ Сербахъ пріобрѣвшій грустную извѣстность атаманъ уманскихъ козаковъ Гонта. Онъ былъ схваченъ посредствомъ хитрости россіянами и выданъ вмѣстѣ со многими другими ловчію коронному (Браницкому). Тогда повѣсили болѣе тысячи гайдамаковъ, нѣсколько сотъ отправили въ Каменецъ, а 200 во Львовъ, гдѣ ихъ подвергли новымъ допросамъ и слѣдствію. Гонта приговоренъ былъ къ тому, чтобы съ его спины вырѣзать 3 полосы кожи и затѣмъ посадить его на колъ. Онъ терпѣливо перенесъ эти мученія, но не страдалъ долго, ибо колъ пронзилъ ему шею и очень быстро причинилъ смерть.

— Правда-ли, спросилъ я пана Мартына, что въ тюрьмѣ передъ казнью, ему отрѣзали языкъ, опасаясь, чтобы онъ не назвалъ лицъ, которыя его подстрекали къ бунту и истребленію шляхты [1])?

---

[1]) Слухи о томъ, что Гонтѣ будто отрѣзали передъ казнью языкъ и правую руку, были распущены шляхтичами, желавшими бросить тѣнь подозрѣнія на короля и Браницкаго въ томъ, будто они вызвали съ умысломъ крестьянское возстаніе для подавленія барской конфедераціи.

— Это подлинно ложь, отвѣтилъ товарищъ, ибо я лично слышалъ насмѣшливый отвѣтъ его одному изъ моихъ товарищей въ то уже время, когда онъ отправлялся на мѣсто казни. Случилось это по слѣдующему поводу. Не смотря на то, что Гонта былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи и что сидѣлъ въ надежной тюрьмѣ, для большей безопасности поручено было одному изъ панцырныхъ товарищей оставаться безотлучно днемъ и ночью въ его темницѣ. Послѣ того, какъ накануне казни прочитанъ былъ ему приговоръ, товарищъ этотъ сказалъ Гонтѣ, пребывавшему въ задумчивости: „Панъ полковникъ! завтра все земное будетъ кончено для васъ; не найдете-ли возможнымъ оставить что-либо на память бѣдному воину, который проводитъ съ вами послѣднія минуты?“—„Охотно, отвѣчалъ атаманъ,—напомните мнѣ завтра, когда меня станутъ вести на мѣсто казни: я вамъ подарю одинъ изъ своихъ поясовъ“. Любостяжательный офицеръ поблагодарилъ за обѣщанный подарокъ, пребывая въ увѣренности, что онъ получитъ богатый поясъ изъ златоглава, вѣроятно похищенный въ какомъ либо шляхецкомъ домѣ въ Украйнѣ. На слѣдующій день, когда Гонту вывели изъ тюрьмы, офицеръ обратился къ нему: „Панъ полковникъ! позвольте вамъ напомнить обѣщанный поясъ!“—„Я не забылъ, отвѣтилъ Гонта съ презрительною улыбкою: первая полоса кожи, которую снимутъ у меня со спины, пусть служитъ вамъ поясомъ“. Товарищъ былъ сконфуженъ и товарищи долго насмѣхались надъ его униженіемъ. Негласно впрочемъ ходили слухи, будто за нѣсколько часовъ до казни Гонты курьеръ привезъ изъ Варшавы приказъ, дабы остановить исполненіе приговора и подвергнуть Гонту новому допросу, но будто Браницкій, догадавшись въ чемъ состоитъ содержаніе пакета, вскрылъ его уже послѣ совершенія казни. Не знаю, вѣренъ-ли этотъ слухъ или основанъ только на предположеніи; не знаю также, слѣдуетъ-ли кого-либо обвинять или подозрѣвать на этомъ основаніи. Говорили также, будто во Львовѣ, когда стали допрашивать отправленныхъ туда 200 человѣкъ гайдамаковъ, вдругъ полученъ былъ приказъ изъ Варшавы, предписывавшій прекратить слѣдствіе, уничтожить всѣ бумаги и казнить безъ различія всѣхъ подсудимыхъ.

Нѣсколько дней спустя конница отправилась налегкѣ въ Украйну. Офицерамъ запрещено было брать съ собою возы и разрѣшено имѣть только вьючныхъ лошадей съ багажемъ. Региментарь ѣхалъ самъ въ крошечныхъ саняхъ и взялъ другія сани, тройкою, для кухни. По дорогѣ къ намъ присоединились отряды

надворныхъ козаковъ, присланные помѣщиками. Такъ какъ у насъ не было артилеріи, то отцы кармелиты изъ Бердичева прислали намъ четыре пушки и своихъ артилеристовъ.

Я также отправился въ путь съ войскомъ. По мѣрѣ того какъ мы подвигались въ глубину Украйны, помѣщики и ихъ прикащики, уцѣлѣвшіе отъ ножа убійцъ, возвращались въ покинутыя ими села. Оказалось, что мое хозяйство въ Матусовѣ и Осотѣ потерпѣло большіе убытки: весь годичный сборъ хлѣба исчезъ, равно какъ и рабочій скотъ. Жилой домъ мой, хотя и былъ ограбленъ, но въ этомъ отношеніи потеря моя была не значительна, ибо тогда въ Украйнѣ мы обходились самою незатѣйливою обстановкою: дубовые столы, скамьи и табуреты, покрытые ковриками и попонами, снятыми съ дорожняго экипажа—составляли всю мебель; посуду мы возили въ дорожныхъ погребцахъ и пользовались оловянными сервизами. Присмотрѣвшись къ хозяйству въ теченіи нѣсколькихъ дней, я сталъ ощущать скуку въ пустынномъ домѣ: дѣла у меня не было, ибо гумно стояло порожнее, и потому я отправился въ главную квартиру региментаря. Панъ Стемпковскій, получая извѣстія о появленіи гайдамаковъ, весьма быстро носился съ мѣста на мѣсто. Помнится, что въ Вязовкѣ мы застали крестьянскую свадьбу, на которой веселились 18 человѣкъ гайдамаковъ; мы окружили село, но они, узнавъ о появленіи войска, удалили изъ хаты свадебную компанію, затворились въ ней и крѣпко защищались, отстрѣливаясь изъ оконъ и изъ подъ крыши. Они рестрѣляли очень метко и убили и ранили нѣсколько солдатъ. Региментарь, не желая терять по пусту людей, приказалъ солдатамъ отступить и, выдвинувъ двѣ кармелитскія пушки, приказалъ разбить имъ ту хату. Но монастырскіе артилеристы оказались на столько неопытными, что, выпустивъ до 20 выстрѣловъ, не попали ни разу въ хижину. Регментарь выругалъ и прогналъ пушкарей и вызвалъ охотниковъ: ротмистръ козацкій изъ Богуслава, Савицкій, вызвался сжечь эту постройку; дѣйствительно, хотя онъ и потерялъ нѣсколько человѣкъ, но успѣлъ обложить стѣны соломою и зажечь ее. Вскорѣ пламя охватило всю крышу, но гайдамаки не переставали стрѣлять, пока крыша не провалилась вмѣстѣ съ потолкомъ; тогда только замолкли ружейные выстрѣлы. Солдаты выломали тогда двери, но, среди горящихъ стѣнъ, нашли только двухъ человѣкъ еще живыхъ, но сильно пострадавшихъ отъ ожоговъ; остальные 16 сгорѣли; трупъ одного найденъ на пылавшей балкѣ, которую онъ охватилъ руками и ногами. Гайдамаки

эти при жизни еще вкусили адскія муки: израсходовавъ всю бывшую въ домѣ воду, они воспользовались двумя бочками квасу, опрокинули ихъ и, погружаясь въ жидкости, дабы хотя на мгновеніе умѣрить несносный жаръ, продолжали стрѣлять до послѣдняго издыханія. Удивительная выносливость! Жаль, что она не была примѣнена къ лучшему дѣлу.

Въ Лысянкѣ мы нашли на одной висѣлицѣ трупы: ксендза, шляхтича, еврея и собаки съ надписью: „все одна віра". Въ Кальниболотѣ схватили до двухъ десятковъ гайдамаковъ; панъ региментарь приказалъ повѣсить всю эту шайку на стропилахъ стараго кирпичнаго завода. Передъ исполненіемъ этого приговора, подошелъ товарищъ съ докладомъ, что одинъ изъ плѣнныхъ заявляетъ, что онъ шляхтичъ. „Какъ! шляхтичъ среди гайдамаковъ! вскричалъ панъ Стемпковскій: нужно отдать подобающую честь его званію. Повѣсить его крайнимъ съ правой стороны"!

Такимъ образомъ, истребивъ по частямъ грабителей, возстановлено было спокойствіе и нѣкоторая безопасность въ этой несчастной сторонѣ. Хоругви народовой кавалеріи расположились постоемъ въ Украйнѣ, дабы сдерживать разнузданную чернь. Нѣсколько сотъ человѣкъ, обвиненныхъ въ участіи въ рѣзнѣ, были арестованы и отправлены въ Кодню, гдѣ панъ региментарь основалъ главную квартиру и учредилъ военный судъ; они почти всѣ были казнены, въ томъ числѣ и нѣсколько духовныхъ лицъ, обвиненныхъ въ подстрекательствѣ къ бунту.

Библіографія.

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неоффиціальной части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", А. А. Кіевъ. 1882.

Почтенный редакторъ „К. Губ. Вѣд." г. Андріевскій неутомимо продолжаетъ свою дѣятельность по разбору и изданію старыхъ дѣлъ изъ архива губ. правленія: еще не прошло года со времени выхода перваго выпуска, а теперь предъ нами уже третій, въ которомъ издатель нашелъ возможнымъ ввести весьма существенное улучшеніе, именно систематизацію матеріала. Настоящій выпускъ посвященъ исключительно Кіеву, хотя документы и касаются разныхъ сторонъ жизни нашего города. Четыре помѣщенныхъ здѣсь обширныхъ дѣла о городскихъ предмѣстьяхъ содержатъ очень много важныхъ указаній для мѣстной исторіи, особенно же для исторической топографіи; далѣе слѣдуетъ, довольно впрочемъ безцвѣтное, въ виду описанія Новгородцева, описаніе Кіева 1760 года; переписка о шелководствѣ въ Кіевѣ; о кіевской питейной конторѣ; о заготовленіи для царскаго двора варенья и, наконецъ, мелкія замѣтки о городскомъ хозяйствѣ и управленіи. Въ виду разнообразія матеріала, мы остановимся здѣсь лишь на разборѣ данныхъ по исторической топографіи города и его окрестностей.

Первое дѣло, 1753 года, касается городскихъ земель на Сырцѣ, Кореніовщинѣ и Преворкѣ и было первоначально возбуждено откупщиками войсковыхъ доходовъ, отрицавшими право жителей этихъ урочищъ имѣть на Преворкѣ виновурные котлы безъ платежа *показанщины*, а также вести здѣсь оптовую торговлю

горѣлкою и дегтемъ, не платя *покуховного.* Магистратъ защищалъ права живущихъ на его земляхъ, и потому явилась необходимость въ историческомъ разслѣдованіи этихъ правъ, тѣмъ болѣе, что и старшина кіевскаго полка выступила противъ магистрата. Въ сущности здѣсь о правѣ собственности не было и спора; мѣщане настаивали только на томъ, что Преорка и „Подгорье", упоминаемое въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ,—синонимы, а потому на нее должны быть распространяемы правила о земляхъ въ городской чертѣ; полковникъ же, и совершенно справедливо, указывалъ, что поселенія на Сырцѣ, Кореніовщинѣ и Преоркѣ отдѣлены отъ города владѣніями кирилловскаго монастыря, *селомъ Плоскимъ*, съ котораго отбываются войсковыя повинности, а потому должны считаться лежащими уже внутри „полка" и тоже платить повинности. Мѣщане, дѣйствительно, дѣлали топографическую передёржку: въ грамотахъ, на которыя они ссылались, имъ подтверждаются, между прочимъ, право владѣнія „и Оболонемъ, *и* Подгородьемъ, *и* Кожемяками, *и* Преворкою". Изъ нѣкоторыхъ другихъ указаній можно заключать, что Подгородьемъ называлось поселеніе между городскою оградою и кирилловскими землями, которыя начинались за юрковицкимъ ручьемъ. На третьемъ и четвертомъ листахъ атласа Закревскаго городская ограда и находившіяся съ этой стороны „бискупскія" ворота, придвинуты къ самому ручью; но съ правильностью такого указанія нельзя согласиться. Въ разграниченіи городскихъ и кирилловскихъ земель, 1701 года, прямо говорится, что „Подгорье горы Шкавицы", ближе юркового потока, должно принадлежать магистрату,—очевидно, оно находилось *внѣ* городской ограды. Въ настоящихъ же „Матеріалахъ" (14) находимъ и болѣе точное указаніе, гдѣ именно находились бискупскія ворота: полковая канцелярія указывала, что „отъ башты бискупской кіевской, Подгородья кіевского, дорога находится саженей маховыхъ двѣсти девяносто три, а отъ рогатокъ (т. е. на юрковицкомъ ручьѣ) село Плоски монастыря кіево-кирилловскаго". Указаніемъ этимъ опредѣляется линія городской ограды и положеніе бискупской проѣзжей башни—у нынѣшней Константиновской церкви, согласно чему и должны быть исправлены планы Закревскаго, тѣмъ болѣе, что въ этомъ мѣстѣ они противорѣчатъ его собственному тексту, опредѣляющему правильнѣе положеніе этой башни (Описаніе Кіева, стр. 388).

Помимо этого указанія, дѣло о Преоркѣ, вновь возбужденное магистратомъ въ 1784 г., даетъ намъ цифру магистратскихъ

подданныхъ на спорныхъ урочищахъ: кромѣ урядовыхъ, мѣщанскихъ и ихъ подсусѣдковъ, въ селѣ Преворкѣ въ 1752 г. состояло дворовъ посполитыхъ, подданныхъ ратушѣ кіевской, 110 и бездворныхъ хатъ 7; въ деревнѣ Сырцѣ—дворовъ 17, бездворная хатка одна; въ деревнѣ Куреневщинѣ дворовъ 49, бездворныхъ хатъ 5 (стр. 9 и 22). Очень значительная часть земель всѣхъ этихъ урочищъ была занята хуторами различныхъ лицъ, въ числѣ 84, съ которыхъ узуфрукторы платили въ городской доходъ по полушкѣ отъ аршина *окружности*, и то только за одну усадебную землю, находившіеся же внѣ усадебъ лѣсъ, покосы, пасѣки и т. под. были свободны отъ платежа вовсе. Составленная въ 1782 г. подробная опись всѣхъ этихъ хуторовъ (стр. 39—81) интересна преимущественно въ бытовомъ отношеніи, указывая сословный составъ хуторянъ, переходы владѣній и внѣшній порядокъ ихъ хозяйственнаго устройства. Она могла бы, вѣроятно, служить также практическимъ пособіемъ при повѣркѣ городскихъ земель въ настоящее время, если еще не поздно, т. е. если есть еще что̀ повѣрять.

Третье дѣло, 1781 года, касается „заднѣпровской воскресенской Слободки, почему оная во владѣніи губернаторовъ состоитъ". Въ этомъ дѣлѣ находимъ любопытное указаніе, что земля эта была первоначально надана воскресенской церкви Евстафіемъ Дашкевичемъ, запись котораго подтверждена, 24 августа 1577 г., *зятемъ* Дашкевича, княземъ Евстафіемъ Ружинскимъ, почему и носила названіе земли Евстафьевской, а въ церкви устроенъ былъ придѣлъ во имя св. Евстафія Плакиды,—онъ существуетъ и въ настоящее время. По вѣдомости кіево-подольской протопопіи 1784 г. это была сначала отдѣльная церковь, а соединена съ воскресенскою при постройкѣ, вмѣсто двухъ деревянныхъ, одной каменной, въ 1670 году (Закревскій, стр. 221). Этимъ указаніемъ объясняется переселеніе Ружинскихъ съ Волыни въ Кіевщину, а начало связи ихъ съ козачествомъ отодвигается въ первую половину XVI вѣка. Образовавшееся впослѣдствіи на Евстафіевской землѣ поселеніе получило названіе воскресенской слободки, противъ которой находился и перевозъ изъ Кіева; а здѣсь раздѣлялись дороги на востокъ—Басанская, и на юговостокъ—Остролуцкая. Очевидно, это тотъ самый, древній, перевозъ, о которомъ упоминаетъ ипатская лѣтопись подъ 1146 годомъ по поводу битвы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами; одинъ изъ послѣднихъ, Святославъ, „бѣжа на устье Десны за Днѣпръ", послѣ чего по-

бѣдители „идоша до нихъ до Вышегорода, и до Днѣпра, до устья Десны, *и до перевоза до кіевского,* сѣкуще я“ (П. С. Р. Л., т. II, стр. 24). „Во время же турецкихъ походовъ прописанной слободки обыватели, имѣя свое селеніе на берегу, *при самомъ перевозѣ* чрезъ рѣку Днѣпръ, и отъ переходящихъ командъ претерпѣвая разныя обиды и разоренія, для охраненія отъ оныхъ себя просили у бывшаго тогда кіевскаго губернатора, кн. Димитрія Мих. Голицына (1715—1719 г.), залоги (т. е. караула), какова какъ отъ его с—ва, такъ и отъ бывшихъ по немъ губернаторовъ кіевскихъ давана была“. Постепенно защита губернаторами воскресенцевъ превратилась въ завладѣніе, такъ что и самая слободка получила уже названіе „Губернаторской“, пока въ 1781 г. причтъ и прихожане воскресенской церкви не стали хлопотать у гр. Румянцева о возвратѣ церковнаго имѣнія. На соотвѣтственный запросъ, кіевская губ. канцелярія не могла отыскать никакого основанія къ такому завладѣнію, и слободка, вѣроятно, была возвращена церкви, съ тѣмъ, конечно, чтобы вскорѣ совсѣмъ отойти въ казну.

Въ дѣлѣ этомъ упоминается, между прочимъ, что „въ 1577 году ноября 17 дня за нѣкоторую часть оного Евстафіевского грунту Станиславъ Колантай, дѣтей Ивана Вигуры опекунъ, имѣлъ споръ“. Вигуры были владѣльцами сосѣдняго села, носящаго и теперь ихъ имя—Вигуровщина. Такъ какъ это поселеніе весьма древнее, то мы воспользуемся случаемъ возстановить настоящее его имя. Въ житомірской актовой книгѣ 1664 г., по списку центральнаго архива № 21, на листѣ 8, записана жалованная королевская грамота 1653 г. Льву Тышѣ-Быковскому на селище *Витославское,* alias *Вигуровщину,* въ кіевскомъ воеводствѣ, надъ Днѣпромъ. Актъ этотъ, внесенный уже по выписи изъ коронной метрики, возбудилъ въ насъ сомнѣніе: не исказили-ль многократные переписчики буквы *M* въ *W* и *ł* въ *t*, т. е. не слѣдуетъ-ли здѣсь читать „Miłosławskie“. Въ справедливости этой догадки насъ убѣждаютъ слѣдующія обстоятельства: 1) Милославичи лежали за Днѣпромъ противъ Кіева: по лѣтописи Быховца, князь Скиргайло, въ 1396 г., былъ на пиру на митрополичьемъ дворѣ, у святой Софіи, откуда поѣхалъ на ловы за Днѣпръ къ Милославичамъ, тамъ заболѣлъ, и немедленно вернулся въ городъ,—очевидно, разстояніе очень недалекое; 2) въ описаніи кіевскаго замка 1545 г., въ числѣ замковыхъ селъ, Милославцы упомянуты вмѣстѣ съ Погребами, лежащими по сосѣдству съ Вигуровщиной и 3) по люстраціямъ 1616 и 1622 г., замковымъ

селомъ Милославичами владѣетъ кіевскій городничій Станиславъ Вигура [1]). Отнюдь, однако, не слѣдуетъ смѣшивать этихъ Милославичъ съ лѣтописнымъ (1151 г.) Мирославскимъ сельцомъ: то находилось гораздо ниже, у Витичевскаго брода.

Намъ остается разсмотрѣть въ „Матеріалахъ" еще одно дѣло—о крещатицкой землѣ. Дѣло это заключалось въ спорѣ михайловскаго монастыря о захватѣ принадлежащихъ ему земель и постройкѣ на нихъ „казенной австеріи, провара, солодовни и погреба съ анбарами", тогда какъ монастырь встрѣтилъ со стороны генералъ-губернаторской канцеляріи препятствіе въ постройкѣ на той-же собственной его землѣ „провара, воскобойни и винокурни". По указу сената, куда обращался съ жалобой архимандритъ, губернская канцелярія должна была разслѣдовать о принадлежности земли, на которой находились означенныя постройки, и нѣтъ-ли о ней спора со стороны магистрата, питейная монополія котораго могла подвергнуться нарушенію со стороны монастыря. Магистратъ, или, вѣрнѣе говоря, писарь его Николай Родуцкій, поспѣшилъ воспользоваться случаемъ и заявилъ, что указываемая архимандритомъ какъ монастырская земля— на самомъ дѣлѣ есть городская, а въ собственность принадлежитъ ему, Родуцкому. Оказывается, что споръ шелъ о той землѣ, владѣніе которою подтверждено было монастырю Жигимонтомъ I въ 1523 г., въ такихъ границахъ: „земли къ тому монастырю.... по самый валъ, и по лядскіи ворота, и по Евсейкову долину, по старую дорогу, по михайловскій взвозъ". Точное опредѣленіе упоминаемыхъ здѣсь урочищъ было-бы очень интересно для уясненія топографіи древняго Кіева. Настоящее спорное дѣло даетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній, которыми мы и намѣрены воспользоваться.

Конечно, мѣстность эта подверглась въ настоящее время такимъ измѣненіямъ, что возстановленіе ея древней урочищной терминологіи очень затруднительно и всегда можетъ возбуждать возраженія. Остановимся, однако, на слѣдующихъ указаніяхъ: монастырь представилъ изъ приказной избы отъ 9 февраля 207 (1699) года, что „по досмотру и по мѣрѣ... въ дачѣ по урочищамъ отъ долины Евсейковой, которая сошлась того мѣста *къ берегу рѣки Почайны, съ крещатицкимъ взвозомъ обще*, идучи старою набережною

---

[1]) Опись актовой книги, № 21, стр. 3. Матеріалы для историч. топографіи Кіева, отд. I, стр. 34 и отд. III, стр. 31. Jabłonowsci, Źródła dziejowe, т. V, стр. 101 и 131.

дорогою отъ крещатицкой башни и сквозь крещатицкую башню, по конецъ мосту, что нынѣ вновь построенъ былъ къ церкви Рождества Христова, противъ михайловскаго взвоза, что нынѣ противъ михайловской калитки, въ длину 203 сажени, а поперегъ, отъ того крещатицкаго мосту прямо на гору къ михайловской-же калиткѣ 164 сажени". Отсюда видно, во-первыхъ, что Евсейкова долина спускалась къ Днѣпру, соединившись съ крещатицкой; Крещатикомъ-же, какъ видно по другимъ древнимъ источникамъ, называлось мѣсто, гдѣ нынѣ нижній памятникъ св. Владиміра; во вторыхъ, взвозъ пересѣкалъ соединенныя долины, черезъ которыя и былъ устроенъ мостъ; въ-третьихъ, у нижняго конца этого моста начинался нѣкогда михайловскій взвозъ, въ 1699 г. уже не существовавшій, „прямо на гору къ михайловской калиткѣ". Начнемъ съ послѣдняго. Существующія пѣшеходныя тропинки идутъ и теперь еще въ направленіи древняго спуска, который начинался между михайловской оградой и церковью Трехъ Святителей (вершина его засыпана очень недавно), противъ лежащаго отрога горы, у котораго онъ развѣтлялся: влѣво шелъ боричевъ взвозъ, а вправо, гдѣ нынѣ оканчивается Александровская гора, сейчасъ за верхнимъ памятникомъ св. Владиміра, это и есть древній михайловскій взвозъ. Опредѣливъ одну границу монастырской земли, отправимся отсюда вверхъ вдоль соединенныхъ долинъ крещатицкой и Евсейковой. Такъ какъ граница монастырской земли шла далѣе къ лядскимъ воротамъ, т. е. къ *верхнему* городу, то очевидно, что, идя снизу, крещатицкая долина оставалась *влѣво*, а Евсейкова *вправо*. Очертанія мѣстности показываютъ, что первою изъ нихъ можетъ быть только долина между институтской горою и нынѣшней Александровской улицей. То-же, что мы нынѣ называемъ Крещатикомъ, на самомъ дѣлѣ и есть Евсейкова долина. Вершина-же ея, повернувъ также влѣво, между нынѣшними улицами институтской и лютеранской, засыпана на нашихъ глазахъ подъ новую банковскую улицу. Михайловскій намѣстникъ такъ и опредѣлялъ ея направленіе: „выѣхавъ изъ города Верхнего Кіева въ ворота къ Печерскому, на праву сторону по за *Кловомъ* у яръ, у якого яру, гдѣ теперь навозъ скидаютъ, оная Евсейкова долина окончалась". Граница-же монастырской земли сворачивала вправо, къ лядскимъ воротамъ, т. е. вдоль нынѣшняго козьеболотнаго переулка, отсюда упиралась въ валъ, гдѣ теперь присутственныя мѣста, и оканчивалась у сѣверо-западнаго угла михайловской ограды, т. е. начала михайловскаго взвоза.

Судить о степени основательности нашихъ соображеній предоставляемъ спеціалистамъ. Мы-же закончимъ свою замѣтку пожеланіемъ заслуженнаго успѣха трудамъ почтенной редакціи „Губ. Вѣдомостей", продолженія которыхъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

Ив. Новицкій.

E. Chantre. Recherches paleoethnologiques dans la Russie méridionale et spècialement au Caucase et en Crimée. Lyon. 1881.

Э. Шантръ. Палеоэтнологическія изслѣдованія въ южной Руси, особенно-же на Кавказѣ и въ Крыму, Ліонъ. 1881 г.

Извѣстный французскій археологъ, снискавшій себѣ прочную репутацію серьезнаго ученаго многочисленными трудами по археологіи и этнологіи, особенно же капитальною работою о бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Роны, г. Эрнестъ Шантръ, посвятилъ книжку, заглавіе которой мы выписываемъ, доисторической археологіи и этнологіи южной Россіи. Книжка эта явилась вслѣдствіе путешествія, предпринятаго г. Шантромъ на московскую антропологическую выставку; на обратномъ пути г. Шантръ посѣтилъ Кавказъ, Крымъ и Одессу; собранные имъ наблюденія на мѣстѣ и осмотръ музеевъ на югѣ Россіи доставили ему матеріалъ для очерка, изданнаго подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Г. Шантръ говоритъ, что онъ поставилъ цѣлью своего путешествія собрать данные по слѣдующимъ четыремъ вопросамъ: 1) констатировать существованіе бронзоваго вѣка въ южной Россіи и указать его связь съ аналогическимъ періодомъ въ западной Европѣ и передней Азіи, 2) изслѣдовать могильники Осетіи и Грузіи, содержащіе деформированные (макроцефалическіе) черепа, 3) прослѣдить оставшіеся до настоящаго времени у туземцевъ Кавказа пріемы деформаціи череповъ и 4) опредѣлить расположеніе и время постановки мегалитическихъ памятниковъ на Кавказѣ и въ Крыму. Недостатокъ времени заставилъ г. Шантра отказаться отъ послѣдней задачи. Наблюденія его надъ могильниками и черепами Грузіи и Осетіи имѣютъ характеръ строго мѣстный кавказскій, такъ, что мы уже упомянемъ только о рѣшеніи г. Шантромъ перваго изъ постановленныхъ имъ вопросовъ, какъ относящагося вообще къ южной Руси. Къ несчастью для рѣшенія этого вопроса наблюденій и свѣдѣній г. Шантръ успѣлъ

собрать слишкомъ мало, и потому рѣшаетъ его весьма поверхностно и по предвзятой впередъ мысли. Притомъ, какъ намъ кажется, г. Шантръ не даетъ себѣ яснаго отчета о томъ, какой районъ онъ разумѣетъ подъ названіемъ „южной Россіи" и вслѣдствіе этого частнымъ фактамъ даетъ слишкомъ широкое примѣненіе, подтверждая свои выводы весьма неопредѣленными и неточными ссылками.

Г. Шантръ утверждаетъ, что онъ убѣдился въ существованіи бронзоваго вѣка въ южной Россіи и что предметы бронзовые, найденные у подножія Кавказа и на берегахъ Чернаго моря, должны быть отнесены къ начальному періоду металлургіи и указываютъ путь распространенія древнѣйшаго металлоплавительнаго искусства изъ Индіи въ Европу (стр. 8--11). Въ доказательство своего положенія авторъ приводитъ указанія на предметы бронзовые, найденные въ бассейнѣ Днѣпра; но при этомъ г. Шантръ не указываетъ, откуда онъ заимствовалъ свѣдѣнія о приводимыхъ находкахъ, и мѣстности называетъ до того неточно, что мы не можемъ дать себѣ о нихъ никакого отчета. Вотъ его перечень: „въ деревнѣ князя Григорьева на берегахъ Конки (не должно-ли разумѣть село Григорьевку, днѣпровскаго уѣзда, таврической губ.?) не вдалекѣ отъ Днѣпра нашли 50 топоровъ (?) и слитки бронзы. Въ Гилеи (sic!) у села Малые Копани, въ Херсонскомъ (sic) на берегахъ Шуты и въ Пултанѣ (sic) на Днѣпрѣ найдены топоры, копья и стрѣлы вмѣстѣ съ отливными формами" (стр. 10). Вотъ и всѣ данныя о южной Руси, на основаніи которыхъ авторъ дѣлаетъ вышеуказанный выводъ. Конечно, ни въ географическихъ терминахъ г. Шантра разобраться не возможно, ни въ точности его указаній нельзя быть увѣреннымъ, такъ какъ онъ не объясняетъ, кѣмъ сообщены ему были приведенныя свѣдѣнія. Но допустивъ даже, что въ небольшомъ районѣ у устья Днѣпра (въ днѣпровскомъ уѣздѣ) и найдены были указанные предметы, то во всякомъ случаѣ они не даютъ права дѣлать заключеній о существованіи бронзоваго вѣка во всей южной Россіи.

Между тѣмъ всѣ понынѣ собранныя коллекціи и научно произведенныя раскопки заставляютъ насъ предполагать, что первобытные жители южно-русскаго края пользовались каменными исключительно орудіями до того времени, пока колонизація новыхъ пришельцевъ, двигавшихся отъ береговъ Чернаго моря, не познакомила ихъ съ металлическимъ производствомъ. Но пришельцы эти появились уже вооруженные желѣзомъ и потому

бронзовый вѣкъ не только не могъ развиться, но и вовсе не существовалъ въ южно-русскомъ краѣ. Если отстранить тѣ бронзовые предметы, которые продолжали существовать совмѣстно съ желѣзомъ и которые обыкновенно вмѣстѣ съ нимъ и встрѣчаются въ курганахъ (украшенія, зеркала, наконечники стрѣлъ и булавы), то понынѣ, на сколько намъ извѣстно, найдены были только два характерные экземпляра бронзовыхъ предметовъ на всемъ пространствѣ семи южно-русскихъ губерній днѣпровскаго бассейна; это два цельта: одинъ найденъ въ черкасскомъ уѣздѣ (коллекція Волошинскаго) и одинъ въ васильковскомъ (коллекція г. Витковскаго). Конечно столь рѣдкія находки должны быть сочтены случайно попавшими извнѣ на территорію южно-русскаго края, и пока новыя точныя данныя не явятся въ подтвержденіе теоріи, высказанной г. Шантромъ, мы будемъ въ правѣ считать эту теорію гипотезою, основанною лишь на поверхностномъ и неточномъ наблюденіи, и будемъ сомнѣваться въ существованіи бронзоваго вѣка въ южной Руси вообще и въ бассейнѣ Днѣпра въ особенности. **В. А.**

---

1) Бердичевъ. Сост. командиромъ 1 батал. 32 артил. бриг. полк. Петроковымъ. стр. II + 57, 2) Шпола. Сост. рыльскаго полка штабъ-капит. Шмидтомъ въ апрѣлѣ 1882 г. Стр. 10. 3) Каменецъ-Подольскъ. Сост. каменецъ-под. уѣзднымъ воин. нач. полковн. Н. Л. Островерховымъ. Стр. 37.

Брошюры эти составляютъ начало цѣлаго ряда подобныхъ описаній городовъ и главнѣйшихъ мѣстечекъ юго-западнаго края, изданіе которыхъ предпринято мѣстнымъ окружнымъ штабомъ, съ тѣмъ, чтобы они послужили впослѣдствіи матеріаломъ для составленія общаго военно-статистическаго описанія губерній кіевскаго военнаго округа. Не касаясь этихъ описаній, по ихъ спеціальной цѣли и содержанію, во всемъ ихъ объемѣ, скажемъ нѣсколько словъ лишь о той ихъ части, которая отвѣчаетъ первому вопросу составленной окружнымъ штабомъ программы: „Краткая исторія, основаніе города или мѣстечка и дальнѣйшее его развитіе“.

Въ описаніи Бердичева находимъ очень много неточностей. Здѣсь говорится, будто Бердичевъ упоминается впервые въ 1546 г., подъ именемъ села Беричикова, въ актѣ разграниченія

между Литвою и Украйною (sic), настоящимъ-же своимъ именемъ названъ первый разъ въ 1627 г., въ актѣ фундаціи кіевскимъ воеводою Янушемъ Тышкевичемъ бердичевскаго кармелитскаго монастыря. Не имѣя въ настоящую минуту подъ рукою разграниченія 1546 г., ни въ его первомъ, отдѣльномъ изданіи 1758 г., подъ заглавіемъ: „Dukt granic“ и т. д., ни въ первомъ томѣ виленскаго „Археографическаго сборника“, затрудняемся опредѣлить упоминаемое тамъ Беричиково, но во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть Бердичевомъ. Разграниченіе производилось между Литвою и Польшею, т. е. въ данной мѣстности между Волынью, а далѣе Украйною, воеводствами кіевскимъ и позднѣйшимъ брацлавскимъ, какъ составными частями Литвы, съ одной стороны, и принадлежавшимъ Польшѣ воеводствомъ подольскимъ, съ другой; Бердичевъ не прилегалъ къ границамъ Подоліи, проходившимъ далѣе къ юго западу; даже и брацлавская граница проходила гораздо южнѣе, около Махновки и Пиковца, такъ что авторъ ошибается и тамъ, гдѣ утверждаетъ, будто „до раздѣла Польши Бердичевъ числился въ брацлавскомъ воеводствѣ“: городъ этотъ всегда принадлежалъ къ житомірскому повѣту кіевскаго воеводства. Въ числѣ источниковъ описанія упомянуты „Акты, изд. кіевской археологической (sic) коммисіей“, — а въ одномъ изъ этихъ изданій, именно въ 1-мъ томѣ 6-й части, снабженномъ алфавитнымъ указателемъ, Бердичевъ упоминается гораздо ранѣе 1627 года: въ 1611 г. этотъ *городъ*, съ селами Быстрикомъ и Жидовцами, былъ отдаваемъ Фридр. Тышкевичемъ въ аренду Григорію Чернику; еще ранѣе, въ инвентарѣ города Слободищъ 1593 г., упоминается, „miasto nowoosiadłe Berdyczow, w„ którym podymja osiadłego sto czterdzieści“; въ 1627 г. Янушъ Тышкевичъ кіевскимъ воеводою еще не былъ, а сталъ имъ только съ 1630 г. Упоминаніе о разореніи Бердичева козаками въ 1647 г. мы считаемъ за опечатку вмѣсто 1648 г., но и самый фактъ не вѣренъ,—напротивъ, козаки хотя и взяли тогда Бердичевъ, но даже оберегли его и окрестности отъ татаръ: Жолкевскій писалъ къ канцлеру Оссолинскому, 8-го іюня 1648 г., объ Ордѣ: „stali pod Berdyczowem, a nie wzięli nic..., w Bystrzyku y naymnieyszey rzeczy nie wzięli“. Нельзя считать за такую-же опечатку нѣсколько разъ повтореннаго искаженія фамиліи „Завишъ“ вмѣсто „Завиша“. Преданіе, будто въ раздорахъ кармелитовъ съ Тышкевичами, въ 1660-хъ годахъ, козаки принимали сторону первыхъ, не выдерживаетъ никакой критики; ни одинъ козацкій полков-

никъ того времени не могъ говорить, что католическіе монахи „противъ козаковъ ничѣмъ не провинились“, — наоборотъ, монаховъ этихъ козаки считали одними изъ злѣйшихъ своихъ враговъ, а истребленіе ихъ—дѣломъ полезнымъ и даже богоугоднымъ. Замѣтимъ еще, что въ перечнѣ печатныхъ источниковъ по Бердичеву встрѣчаемъ изданія едва-ли существующія, какъ напримѣръ „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, Драгоманова, а особенно „Piesnia o Kiowi“, Скальковскаго. Сколько мы знаемъ, оба извѣстные писателя Скальковскіе, отецъ и сынъ, писали всегда по-русски и никто изъ нихъ не сочинялъ на хорватскомъ или сербско-далматскомъ нарѣчіи „Пѣсни о Кіевѣ“.

Историческія свѣдѣнія о Шполѣ чрезмѣрно скудны. Авторъ не упомянулъ даже владѣльцевъ мѣстечка между кн. Потемкинымъ и Ив. Ал. Орловымъ, какими послѣдовательно были: ген. Высоцкій, Н. Лопухинъ и ген. Скородули. Вообще, объ этомъ мѣстечкѣ нужно замѣтить, что оно должно было существовать прежде подъ другимъ именемъ; въ документахъ оно появляется внезапно, во второй половинѣ прошлаго вѣка, уже въ качествѣ города, съ двумя церквями, построенными въ 1780-хъ годахъ на мѣстѣ древнѣйшихъ,—слѣдовательно, поселеніе существовало гораздо раньше.

Что касается историческаго очерка Каменца, то онъ не подлежитъ нашему разбору, такъ какъ авторъ съ похвальной скромностью заявилъ, что свѣдѣнія имъ заимствованы изъ статьи г. Сементовскаго, и только напрасно послѣдній, по корректурному недосмотру, превращенъ въ Симантовскаго.

Говоря вообще, мы считаемъ въ высшей степени полезнымъ и интереснымъ изданіе описаній отдѣльныхъ городовъ, мѣстечекъ и даже селеній, въ которыхъ-бы найболѣе новымъ и точнымъ статистическимъ даннымъ предпосылались обстоятельные историческіе очерки. Но при этомъ историческому элементу должно быть отводимо самостоятельное мѣсто, объемъ его долженъ быть достаточно обширенъ, и обработка произведена лицами, спеціально занимающимися мѣстнымъ историческимъ изученіемъ Какъ образецъ подобной обработки, можемъ указать статью В. Б. Антоновича о м. Ходорковѣ въ „Кіев. Губ. Вѣд.“ 1870 года. Конечно, подобная задача никоимъ образомъ не можетъ входить въ кругъ дѣятельности учрежденій вѣдомства военнаго. Намъ кажется, что органамъ послѣдняго достаточно ограничиться, по 1-му пункту программы, собраніемъ, если представится случай,

историческаго матеріала, который можетъ быть утилизованъ при составленіи общаго описанія края, или-же изданъ отдѣльно. Въ самыя-же описанія вполнѣ достаточно включать краткія заимствованія изъ спеціальныхъ изслѣдованій, какъ это сдѣлалъ г. Островерховъ, и вообще приводить только факты, уже установленные. Пользованіе-же случайными и непровѣренными указаніями не только безполезно, ничего не внося въ науку, но даже вредно, сообщая офицерскому корпусу, для котораго изданіе преимущественно предназначено, ошибочныя историческія свѣдѣнія. Требовать исторической критики отъ составителей, спеціалистовъ по совершенно иному дѣлу,—невозможно. И невозможно имъ ни въ какомъ случаѣ ставить въ вину невольныхъ въ чуждой области промаховъ и ошибокъ.

Ив. Н.

Сборники малорусской орнаментики. (Украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; Сборники „украинскаго орнамента" А. Лисенко, Махно, Квитко и др.).

Орнаментика всякаго народа представляетъ очень значительную и характерную часть этнографіи; въ желаніи и способности украшать извѣстнымъ образомъ предметы своей ближайшей обстановки сказывается степень культуры даннаго народа, культуры, въ которой могутъ быть отысканы какъ элементы чуждые, внесенные путемъ заимствованія и подражанія, такъ и элементы самобытные. Съ этой точки зрѣнія орнаментика можетъ быть изучаема и исторически, такъ какъ, зарождаясь вмѣстѣ съ самыми примитивными зачатками культуры, орнаментика сопутствуетъ и всё дальнѣйшее развитіе ея, идя отъ дѣтскихъ, наивныхъ способовъ украшенія первичнаго періода до изысканности стиля у народа вполнѣ цивилизованнаго.

Археологу, этнографу-историку хорошо извѣстно значеніе орнаментики, которая нерѣдко служитъ цѣннымъ подспорьемъ въ научныхъ изысканіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, весьма часты случаи, когда одна орнаментная отдѣлка, подобно краснорѣчивымъ письменамъ, проливаетъ свѣтъ на объясненіе загадочнаго памятника прошлаго.

Что касается до орнаментики малорусской, то приходится сказать, что широкое изученіе ея принадлежитъ лишь будущему; до сихъ поръ не собраны и не изданы даже матеріалы этой отрасли нашей этнографіи, не собраны въ такой полнотѣ, какъ это выпало на долю напримѣръ нашимъ памятникамъ устнаго народнаго творчества.

А между тѣмъ матеріаловъ этихъ имѣется такъ много. Желающіе могли-бы встрѣтить и въ настоящее время массу предметовъ, носящихъ на себѣ слѣды народнаго орнаментнаго стиля. Кромѣ того, сколько еще остается въ забвеніи старинныхъ вещей съ весьма интересной и характерной отдѣлкой. Въ этомъ отношеніи и наши церкви могли-бы дать богатѣйшій матеріалъ для изслѣдователя орнаментики, такъ много могъ-бы онъ найти въ нихъ интереснаго по части орнаментныхъ изображеній, церковной утвари, ковровъ и разныхъ другихъ вещей, носящихъ на себѣ отпечатокъ мѣстнаго искусства.

Подобнаго обширнаго изданія, конечно, остается ждать лишь въ будущемъ.

Пока обратимся къ тѣмъ сборникамъ украинской орнаментики, какіе явились путемъ предпріимчивости отдѣльныхъ частныхъ лицъ, которымъ, пожалуй, и не подъ силу было бы издательство въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, о которыхъ говорилось выше.

Въ вышедшихъ сборникахъ малорусской орнаментики наиболѣе посчастливилось вышивкамъ, которыя, впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ представляютъ весьма видную сторону нашей народной орнаментики.

Первымъ сборникомъ этого рода явился сборникъ г-жи Косачъ „Украинскій орнаментъ", который и до сихъ поръ остается наиболѣе полнымъ и разнообразнымъ, такъ какъ въ него включено очень много образцовъ вышивокъ, съ прибавленіемъ характерныхъ образцовъ тканья и писанокъ. Матеріалъ этого сборника расположенъ въ систематическомъ порядкѣ, объясненномъ въ предисловіи, приложенномъ къ сборнику и представляющемъ собою нѣкотораго рода этнографическое изслѣдованіе. Не вдаваясь, за неимѣніемъ мѣста, въ разборъ этого изслѣдованія, скажемъ, что какъ оно, такъ и предисловіе г-на Волкова ко 2-му сборнику въ этомъ-же родѣ („Южно русскій орнаментъ", приложеніе къ трудамъ 3 го археолог. съѣзда)—представляютъ собою начало научно-этнографической разработки малорусской орнаментики.

Можно было-бы надѣяться, что послѣдующіе труды въ этомъ родѣ будутъ разработывать дальше интересную область. И въ самомъ дѣлѣ вслѣдъ за этими сборниками появляются одинъ за другимъ, включительно до послѣднихъ дней, изданія малорусскаго орнамента: сборники А. Лисенко, Квитко, Махно, г-жи Литвиновой, Макаровой и др.

Къ сожалѣнію, сборники эти вовсе не служатъ продолженіемъ тѣхъ началъ, на которыхъ были изданы два первые упомянутые сборника: новѣйшія изданія не имѣютъ ровно ничего общаго съ какой-бы-то ни было наукой. Еще сборникъ г-жи Литвиновой обнаруживаетъ попытку издательницы придать своему сборнику этнографическій характеръ, по крайней мѣрѣ матеріалъ собранъ въ извѣстной мѣстности и снабженъ нѣсколькими страницами текста, хотя бѣгло поясняющаго нѣкоторыя частности матеріала. Что же касается до остальныхъ названныхъ сборниковъ, то они кажется и не имѣютъ никакой претензіи считаться этнографическими изданіями. Содержаніе ихъ представляетъ собою совершенно случайный сборъ образцовъ, который было-бы даже мудрено подвести подъ какую нибудь систему; издательницы и издатели словно задались цѣлью издать сборники какихъ нибудь узоровъ, пригодныхъ для практическаго употребленія (и при томъ исключительно узоровъ вышиванья). Неразборчивость издателей при наполненіи сборника доходитъ до того, что для нихъ даже безразлично, имѣетъ-ли издаваемый матеріалъ по крайней мѣрѣ интересъ новизны, такъ напримѣръ очень многіе образцы сборника А. Лисенко уже были въ изданіи г-жи Косачъ и являются у А. Лисенко какъ-бы одной перепечаткой. Такія совпаденія въ новѣйшихъ сборникахъ „Орнаментовъ" даже не поясняются, такъ какъ и вообще какой-бы то ни было пояснительный текстъ при нихъ не существуетъ.

Конечно, и эти сборники имѣютъ свой raison d'être, такъ какъ находятъ свою публику, которая можетъ удовольствоваться любымъ сборникомъ „узоровъ"; но съ научной стороны изданія эти, не скажемъ, что роняютъ этнографическую науку, а просто имѣютъ съ нею столь-же мало общаго, какъ напримѣръ иной „самый модный пѣсенникъ" съ этнографическимъ изданіемъ народныхъ пѣсенъ.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ ПЕРЕВОЗЪ НА ДНѢПРѢ И ЕГО НЕЖДАННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ главный перевозъ черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ существовалъ не на мѣстѣ теперешнихъ мостовъ, а ниже ихъ, именно противъ устья р. Лыбеди. Еще въ начальной лѣтописи упоминается, что въ 1097 г. „приде Василко (Ростиславовичъ) въ 4-е ноября и перевезеся на Выдобичь, иде поклонитися къ святому Михаилу въ манастырь". Съ половины XVII в. перевозъ этотъ находился въ рукахъ честныхъ отцевъ выдубицкаго монастыря, которые содержали два парома и построили за Днѣпромъ мостъ „у Толбина". Тогдашній выдубицкій игуменъ Климентій Старушичъ былъ практическаго ума человѣкъ и усердный радѣтель объ умноженіи монастырскихъ доходовъ. На устьѣ Лыбеди, у самаго перевоза, онъ построилъ мельницу, а при ней корчму съ продажею „горелки, пива и меду". Такую-же корчму онъ поставилъ и на другомъ концѣ перевоза, въ с. Осокоркахъ, принадлежавшемъ тогда выдубицкому монастырю; а третья корчма находилась на Звѣринцѣ, который также лежалъ въ чертѣ владѣній того-же монастыря. Наконецъ тотъ-же смѣтливый игуменъ построилъ „на футорѣ выдубицкомъ винницу горѣлчаную", т. е. винокуренный заводъ. Все это—и перевозъ, и винокурню, и три корчмы, Старушичъ сталъ отдавать въ аренду кіевскимъ мѣщанамъ, и не простакамъ какимъ-либо, а все „славетнымъ дукамъ и богатырямъ": райцамъ, лавникамъ и другимъ урядникамъ ратуша кіев-

скаго. И платили „славетные мѣщане и купци“ кіевскіе хорошую арендную плату инокамъ выдубицкимъ: въ 1653 г. она равнялась 2,000 злотыхъ польскихъ, сверхъ того арендаторъ обязался „на кождый рокъ на потребу монастырскую“ отпускать „горелки доброи 500 квартъ справедливыхъ“, пять каменей воску, двѣ мажи соли и наконецъ—даромъ перевозить братію и челядь монастырскую. За то арендаторъ получалъ право брать со всякаго за перевозъ извѣстную плату — деньгами или товаромъ, кромѣ того ему дозволено было „выбиране соли отъ коломыйцовъ и приходъ отъ глины гончарской на Зверинцу“. Завидно стало инокамъ печерскимъ, что выдубляне имѣютъ богатый доходъ съ перевозу, и вотъ они въ 1656 г. затѣяли съ ними процессъ о незаконномъ якобы присвоеніи печерскихъ монастырскихъ земель на устьѣ р. Лыбеди и права содержать перевозъ на Днѣпрѣ. Для разслѣдованія этого дѣла гетманъ Б. Хмельницкій назначилъ комиссію изъ генеральнаго войскового судьи Антона Ждановича и пана Өедора Выговскаго. Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, въ подтвержденіе своихъ претензій, сослался лишь на свидѣтельство мѣстныхъ старожиловъ, показавшихъ, будто въ старину лыбедскій перевозъ принадлежалъ печерскому монастырю; относительно-же документальныхъ доказательствъ онъ заявилъ, что такіе документы были, да погибли: одни сгорѣли въ 1649 г. въ „вежѣ васильковской“, другіе еще раньше панъ Прокопъ Верещака съ собою на Волынь завезъ. За то противная сторона, Старушичъ и его братія, кромѣ такихъ-же свидѣтельствъ старыхъ людей, представили еще цѣлый рядъ письменныхъ доказательствъ въ пользу того, что лыбедскій перевозъ издавна принадлежалъ выдубицкому монастырю, и прежде всего сослались на вышеприведенное лѣтописное свидѣтельство о перевозѣ Василька Ростиславовича, „беручи“ этотъ „доводъ Несторомъ, кройникаромъ або лятописцомъ печарскимъ, киевскимъ, за фундаментъ справы своея“. Въ концѣ концовъ войсковый судъ, въ виду непреложности этихъ архаическихъ свидѣтельствъ, склонился на сторону выдубицкихъ иноковъ и рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу. Съ тѣхъ поръ лыбедско-днѣпровскій перевозъ, съ прилегавшими къ нему землями и угодьями, надолго оставался во владѣніи выдубицкаго монастыря и каждый годъ обогащалъ его казну громадными доходами, на зависть братіи сосѣдней печерской обители.

Всякій годъ доставлялъ выдубицкимъ перевозчикамъ не мало работы, но послѣдняя четверть XVII столѣтія дала имъ особенно много дѣла. То была для Малороссіи своего рода эпоха великаго переселенія народовъ. Въ печальную пору „руины", въ гетманство Дорошенка и послѣ него, населеніе правобережной Украйны, разоряемое и истребляемое со стороны разгуливавшихъ по краю турецкихъ полчищъ, татарскихъ ордъ и польскихъ жолнеровъ, вынуждено было бросать землю своихъ отцевъ и искать убѣжища въ лѣвобережной Малороссіи; кто не рѣшался на это добровольно, тѣхъ силой сгоняли козаки гетмана Самойловича, для котораго эта насильственная колонизація подвластнаго ему края была весьма на руку, потому что она лучше всего могла содѣйствовать его соціально-политическимъ видамъ—образованія въ Малороссіи класса крупныхъ землевладѣльцевъ и подчиненія имъ массы посполитаго народонаселенія. Сотнями тысячъ перешли эти несчастные переселенцы на лѣвый берегъ Днѣпра и, конечно, немалая часть ихъ прослѣдовала черезъ Кіевъ и была перевезена монастырскими паромами. Но съ 1680-хъ годовъ начинается обратное движеніе. Около того времени правобережная Малороссія была очищена отъ нашествія иноплеменниковъ, а тогдашній польскій король Янъ Собѣскій, задумавшій грандіозный планъ войны съ турками для освобожденія осажденной ими Вѣны, нуждался въ военныхъ людяхъ и предпринялъ проэктъ возстановленія въ Украйнѣ козачества. Въ этихъ видахъ онъ хотѣлъ прежде всего вызвать въ опустѣлый край народонаселеніе и въ 1684 г. издалъ универсалъ, которымъ уступилъ козакамъ для поселенія земли между Тясминомъ, Тыкичемъ и границами кіевскаго Полѣсья. Мѣра Собѣскаго имѣла громадный успѣхъ. Въ короткое время въ кіевской Украйнѣ одно за другимъ возникли села и мѣстечки, образовались козацкіе сотни и даже полки, а во главѣ ихъ появились такіе талантливые вожди, какъ знаменитый Семенъ Палій, полковникъ бѣлоцерковскій, Самусь—богуславскій, Захарій Искра—корсунскій и др. Между тѣмъ въ лѣвобережной Малороссіи, вслѣдствіе искусственно созданной густоты населенія, народу приходилось поневолѣ вступать въ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ-землевладѣльцамъ и вообще жилось плохо. Можно представить, поэтому, съ какою охотою онъ бросился къ возвращенію на свои старыя пепелища, гдѣ заводи-

лись старые козацкіе порядки, гдѣ не было (по крайней мѣрѣ на первое время) помѣщиковъ и гдѣ дѣйствовалъ и всѣмъ управлялъ его любимецъ—Палій. Но такая эмиграція въ конецъ разрушала планы гетмана Мазепы, еще болѣе яраго поборника шляхетско-крѣпостническихъ порядковъ, чѣмъ былъ его предшественникъ, и потому онъ задумалъ силой удержать на своихъ мѣстахъ бѣжавшее населеніе. Въ этихъ видахъ онъ разставилъ почти вдоль всего днѣпровскаго берега охочіе козацкіе полки и строго приказалъ имъ не пропускать бѣглецовъ за границу. Но трудно было справиться ему съ массовымъ движеніемъ взволнованнаго моря народнаго: бѣглецы или уходили черезъ южную, степную границу Малороссіи, или силою прорывались сквозь разставленную береговую цѣпь стражниковъ, или прибѣгали къ мѣрамъ обмана и хитрости, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорится въ приводимомъ ниже документѣ. Главное вниманіе гетмана естественно было обращено на существовавшія въ то время переправы черезъ Днѣпръ. Но лица, содержавшія эти переправы, болѣе склонны были заботиться о пріумноженіи собственныхъ выгодъ и доходовъ отъ перевозовъ, чѣмъ о государственныхъ интересахъ, и потому неохотно подчинялись гетманскимъ универсаламъ, запрещавшимъ перевозить переселенцевъ. Особенно слабо исполнялись эти запрещенія въ Кіевѣ, куда, вѣроятно, направлялась главная струя переселенческаго движенія. Оба здѣшніе перевоза, городской и монастырскій, конкуррируя одинъ съ другимъ, день и ночь перевозили „прочанъ“ и клали въ карманы хорошіе барыши. Этимъ и было вызвано въ 1702 г. нижеслѣдующее письмо гетмана Мазепы къ тогдашнему игумену выдубицкаго монастыря Варлааму Страховскому.

„Превелебный въ Богу мосцѣ отче ігумене монастира кіево-выдубицкого, мой велце ласковій господине, отче и пріятелю!

По преможному его царского пресвѣтлого величества указу, не поеднокротъ чрезъ монаршіи грамоти выразне до насъ писаному, абы нихто з тутешнихъ малороссійскихъ жителей з сее стороны Днѣпра, з Богомъ хранимои его великого государя державы, на тамтую сторону в заграничній край на жите не былъ пропущанъ, не разъ уже по всѣхъ рейменту нашого полкахъ, а особно по надбережнихъ днѣпровыхъ городахъ (яко и в самій Кіевѣ), срокгіи и суровіи посилалисмо унѣверсали, пилно и грозно приказуючи, абы на перевозахъ и переправахъ на сегобочныхъ

людей, в прочку заграницу утекомъ идучихъ, пилная была сторожа и жадного чоловѣка на тамтую сторону Днѣпра жадными мѣрами не пропущано, але жебы кождого такого утѣкача гамовано и назадъ завертано. А теперь донеслося намъ вѣдати, же въ Кіевѣ на перевозахъ мѣскихъ и монастирскихъ, на Днѣпрѣ будучихъ, прочане перевозятся и безъ жадного удержаня з сеей стороны на тамтую сторону Днѣпра переездять и такъ заграницю на жите перебираются. Що яко дѣется противко преможного монархи нашого указу и противко захованюся благопотребнои отчизнѣ нашои народа полности, кгдижъ чрезъ таковый прочаномъ волвій переездъ малороссійского народу умаленіе чинится и в городахъ и селахъ значное жителей показуется оскудѣніе, такъ через сей листъ нашъ пилно вашу превелебность упоминаемъ, а тимъ-же монаршимъ указомъ и горливостю о цѣлости и добру посполитомъ обовязуемъ, абысь ваша превелебность на перевозахъ своихъ монастирскихъ сурово приказалъ тымъ, которіи ихъ дозыраютъ, жебы сегобочніе люде, в прочку на тамтую сторону Днѣпра уходячіи, жадимъ способомъ черезъ Днѣпръ не были пропущаны, але овшемъ задержуваны и назадъ заворочуваны. А того пилно нехай постерегаютъ и доглядуются, жебы в мажахъ и возахъ подъ шкурами жонъ и дѣтей своихъ вмѣсто товаровъ якихъ не вывозили и на перевозахъ такимъ способомъ тыи утѣкачѣ утѣчки своеи не утаили, бо такъ они людей ошукивати звыкли. Абы теды на перевозахъ вашое превелебности монастырскихъ о прочанахъ неоплошная была пилность и остодолжность, жебы жадними мѣрами черезъ Днѣпръ не мѣли переезду, и повторе вашое превелебности пилное о тое жадаемъ и упоминаемъ; кгдыжъ еслибы на которого з дозорцовъ у перевозахъ будучихъ мѣло напотомъ то перевестися, жебы кого з прочанъ на тамтую сторону Днѣпра имѣлъ перепустити, теди тое его дерзновеніе указови монаршому и волѣ нашои гетманской противное, до горлового ему караня стягатися будетъ.

При семъ молитвамъ святымъ вашои превелебности отдаемся.

Вашои превелебности зичливий пріятель Иванъ Мазепа, гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского".

З Батурина.

Мая 23, року 1702.

(Изъ рукописнаго сборника документовъ кіево-выдубицкаго монастыря).

О. Л.

ЗАМѢТКА НА ЗАМѢТКУ О ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРѢ.

Въ октябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, извѣстный нашъ беллетристъ г. Лѣсковъ въ *замѣткѣ* своей: „Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ“, написанной по поводу статьи кн. Н. С. Голицына: „Почаевская Лавра въ концѣ іюля 1855 г.“, напечатанной въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“, касается и помѣщенныхъ нами въ сентябрской книжкѣ того-же журнала двухъ документовъ, относящихся къ дѣйствіямъ коммисіи, принимавшей почаевскую лавру отъ уніатскихъ монаховъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства. Сдѣланные имъ, на основаніи этихъ документовъ и съ помощью другихъ, доступныхъ ему свѣдѣній, выводы кажутся намъ недостаточно подкрѣпленными и вѣрными, и мы хотимъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ.

Не будемъ повторять извѣстныхъ уже обстоятелствъ передачи почаевской лавры изъ рукъ уніатскихъ монаховъ въ вѣдомство православное, а равно производившагося по повелѣнію императора Николая слѣдствія о расхищеніи имущества лавры базиліанскими монахами; замѣтимъ только, что ближайшимъ поводомъ къ возвращенію древней лавры въ нѣдра православія послужилъ радушный пріемъ почаевскими иноками отряда польскихъ повстанцевъ 1831 г. подъ предводительствомъ Дверницкаго, другими словами—явное ихъ сочувствіе возстанію, а слѣдствіе о расхищеніи лаврскаго имущества вызвано распущенными, вскорѣ послѣ передачи лавры, польско-католическою партіею слухами о томъ, что почаевская святыня (чудотворная икова и стопа Богородицы) унесена базиліанами изъ лавры за границу, что на мѣстѣ стопы нѣтъ болѣе стопы, подлинная стопа выдолблена базиліанами, а на мѣсто иконы поставлена и сдана православнымъ подлѣльная икона, равно ходившими въ православной средѣ толками о пропажѣ значительной части имущества, накопленнаго въ теченіе долгихъ лѣтъ базиліанами, причемъ уніатско-католическая партія твердила, что члены пріемной коммисіи сильно нагрѣли руки при пріемѣ лаврскаго имущества, а въ средѣ православныхъ толковали, что базиліане выдали значительную часть суммъ и драгоцѣнностей мятежному отряду, а многое скрыли для себя лично про чорный день въ длинный промежутокъ между арестомъ базиліанскаго начальства и прибытіемъ

пріемной коммисіи, когда уніаты имѣли достаточно времени, чтобы развѣдать объ угрожающей базиліанамъ опасности.

Само собою разумѣется, что такъ какъ всѣ эти толки сохранили всю свою силу и въ настоящее время, на что указываетъ и г. Лѣсковъ, то для насъ было-бы весьма важно добыть и привести въ извѣстность производившееся въ ту пору слѣдственное дѣло, которое одно могло-бы опредѣлить дѣйствительное значеніе ходившихъ и оставшихся толковъ насчетъ подлинности почаевской святыни. Но, пока намъ извѣстны только два документа изъ дѣла военно-судной коммисіи по этому слѣдствію, мы по необходимости должны воздержаться отъ выводовъ опредѣленныхъ и рѣшительныхъ. Одинъ изъ этихъ документовъ представляетъ запросъ военно-судной коммисіи, обращенной ко всѣмъ б. членамъ пріемной коммисіи, съ подробнымъ изложеніемъ показаній базиліанъ относительно наличности монастырскаго имущества и способа передачи его православнымъ пріемщикамъ, другой составляетъ показанія одного изъ 12-ти членовъ пріемной коммисіи, іеромонаха Іоанникія. Базиліаны разсказываютъ обстоятельно, съ удивительною точностью относительно даже мелкихъ подробностей, причемъ стараются совершенно обѣлить себя и бросить тѣнь на дѣйствія членовъ пріемной коммисіи. Показаніе іеромонаха Іоанникія скудно фактами, такъ какъ ему порученъ былъ пріемъ такихъ хозяйственныхъ предметовъ, которые держали его вдали отъ всякихъ занятій коммисіи и отъ дѣйствій другихъ, главныхъ членовъ ея. Тѣмъ не менѣе это показаніе уже обнаруживаетъ значительныя противурѣчія въ объясненіяхъ базиліанъ. Вообще-же сами по себѣ эти два документа, открывая широкій просторъ догадкамъ, еще ничего положительнаго не выясняютъ и только прочнѣе устанавливаютъ интересъ къ дѣлу, правильное сужденіе о которомъ возможно будетъ только тогда, когда напечатаны будутъ показанія остальныхъ одинадцати пріемщиковъ, по крайней мѣрѣ главныхъ изъ нихъ, и описи принятаго имущества.

Тѣмъ болѣе насъ удивила и та подозрительность, съ которою г. Лѣсковъ отнесся къ помѣщеннымъ нами документамъ, и та поспѣшность, съ которою онъ приступилъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ, не имѣя для того достаточно твердыхъ, какъ намъ кажется, данныхъ. Такъ скудныя показанія Іоанникія, хотя изъ нихъ ясно видно, что нельзя довѣряться показаніямъ базиліанъ,

г. Лѣсковъ, по видимому, старается еще болѣе съузить и унизить достоинство ихъ, признавая этого свидѣтеля „какимъ-то совсѣмъ безпамятнымъ“, хотя нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ свидѣтель, давая свои показанія спустя полтора года послѣ событія и находясь на службѣ вдали отъ Почаева, забылъ про нѣкоторые мелкіе случаи во время пріема лавры, напр. въ который день оконченъ пріемъ лаврскаго имущества. Отказавши въ довѣріи этому пока единственному свидѣтелю со стороны православныхъ пріемщиковъ, г. Лѣсковъ сомнѣвается въ томъ, чтобы „допрошены были другіе—памятливые“ (пріемщики), хотя изъ отношенія военно-судной коммисіи въ волынскую духовную консисторію (первый изъ напечатанныхъ документовъ) ясно видно, что запросъ обращенъ къ каждому изъ духовныхъ членовъ пріемной коммисіи (всѣхъ шесть), значитъ такой-же запросъ посланъ былъ и свѣтскимъ членамъ этой коммисіи. Въ то-же время г. Лѣсковъ ни словомъ не задѣваетъ показаній базиліанъ, точно въ нихъ нѣтъ никакихъ слабыхъ сторонъ, а открывается одна правда. Не диво, что послѣ этого онъ дошелъ и до огульнаго осужденія дѣйствій пріемной коммисіи. Онъ прізнаетъ все поведеніе ея „страннымъ и срамнымъ дѣломъ“—утверждаетъ, что „пріемщики были заняты совсѣмъ другимъ и объ иконѣ и стопѣ нигдѣ ничего не отмѣтили“, что „пока православные пріемщики справлялись съ пріемомъ казны, утвари, буфета съ погребами, причемъ не умѣли освободить себя отъ скандалезныхъ (?) исторій, сдатчики базиліаны, кажется, дѣйствительно вынесли предметы, казавшіеся имъ болѣе драгоцѣнными и имѣющими такое значеніе, при коемъ къ нимъ слова притекутъ деньги“. „Покрайней мѣрѣ, говоритъ онъ, стаканчикъ отъ стопы не у насъ, а образъ и стопа такъ приняты, какъ будто и не приняты, или словно для обозначенія ихъ у пріемщиковъ не нашлось ни минуты времени и ни одного слова“. „Это теперь, заявляетъ наконецъ г. Лѣсковъ, уже конечно не оспоримо и навсегда оставитъ извѣстную долю вѣроподобія за сказаніями, въ которыхъ передается, „якъ разумни базиляне дурныхъ москалей ошукали и усе святэ до себе заграницю въ кляшторъ забрали“. Намъ кажется однако, что ничего подобнаго не вытекаетъ изъ напечатанныхъ нами документовъ. Прочитавъ ихъ, всякій, конечно, согласится, что до напечатанія прочихъ документовъ нельзя еще ничего сказать какъ о количе-

ствѣ пропавшаго имущества, такъ и о степени виновности въ этомъ дѣлѣ со стороны членовъ пріемной коммисіи, хотя послѣдніе повидимому гарантированы отъ обвиненія за поступки отъ базиліанъ, имѣвшихъ всю возможность растаскать имущество въ трехмѣсячный промежутокъ отъ ареста монастырскаго начальства до прибытія пріемной коммисіи. Мы готовы допустить, что еслибы открыто было подлинное слѣдственное дѣло, то могли-бы открыться нѣкоторыя мелочи изъ дѣйствій пріемщиковъ, въ родѣ того, что становой или засѣдатель стащили по боченку старой водки, поживились рублями изъ разорваннаго мѣшка, исправникъ заполучилъ корову или лошадь, духовнымъ лицамъ досталось по куску матеріи на рясы и под., но можетъ открыться и то, что они вполнѣ добросовѣстно относились къ порученному имъ дѣлу и что если дѣйствительно многое изъ имущества утащено базиліанами, то не на глазахъ ихъ. Во всякомъ случаѣ напечатанные документы ничего еще рѣшительнаго по этому предмету не даютъ и только побуждаютъ къ розысканію и обнародованію остальныхъ документовъ.

Г. Лѣсковъ источникъ своихъ сомнѣній въ этомъ дѣлѣ, какъ кажется, нашелъ въ собранныхъ имъ въ мѣстномъ населеніи сказаніяхъ о томъ, какъ „разумни базиляне дурныхъ москалей опукали и усе святе до себе заграницю въ кляшторъ забрали"; сверхъ того онъ самъ осматривалъ почаевскую святыню, причемъ не нашелъ въ иконѣ древности, а въ „стопѣ"—стопы. Первая оказалась подновленною настолько, что въ настоящемъ видѣ ничто не говоритъ о ея древности, а на мѣстѣ стопы онъ нашелъ только простое углубленіе въ камнѣ, увеличившееся отъ постояннаго тренія въ немъ серебреннымъ черпакомъ. Вотъ что мы можемъ сказать по этому поводу.

Кому приходилось подолгу проживать въ средѣ того населенія, въ которомъ православіе постепенно возрождалось и замѣняло собою унію, или обратно получало католическіе костелы и чтимые въ народѣ предметы, захваченные нѣкогда католиками и уніатами, тотъ хорошо знакомъ съ обычнымъ католическимъ пріемомъ считать всякую народную святыню пропавшею изъ костела или церкви, обращенной въ православный храмъ. „Матерь Божія (икона) ушла отъ схизматиковъ... видѣли ее тамъ и тамъ... тайкомъ увезена до передачи костела православнымъ"... и т. д. Обыкновенно

при этомъ распускаются въ народѣ цѣлыя исторіи объ обстоятельствахъ перехода иконы или другой святыни въ другіе пріюты—католическіе. Наглядѣлись мы этихъ случаевъ и наслушались этихъ толковъ въ холмской епархіи при обращеніи мѣстныхъ уніатовъ въ православіе. Ни одинъ чтимый уніатами предметъ не оставленъ въ этихъ толкахъ на своемъ мѣстѣ, всѣ они католическою молвою переселены то въ католическіе костелы, то въ невѣдомыя мѣста, временно останавливались то въ такомъ-то лѣсу, то на такомъ-то придорожномъ крестѣ, то въ какомъ-либо домѣ, видали ее такіе-то, народъ толпами собирали для поклоненія мѣсту временной остановки святыни, оказывались лица, получившія на этихъ мѣстахъ видѣнія, исцѣленія отъ болѣзней и т. д. То же происходило и во время обращенія бѣлорусскихъ уніатовъ въ 1839 году, и гораздо раньше, при всѣхъ такихъ-же случаяхъ на Волыни, Подольи и Украйнѣ. Попробуйте теперь напримѣръ передать въ руки православныхъ виленскую остробрамскую икону Божіей Матери или старорусскую икону ея — ченстоховскую (говоримъ для примѣра, не видя въ такой передачѣ никакой надобности), обставьте эту передачу всѣми возможными предосторожностями, и тотчасъ появится молва, что икона или подмѣнена католическимъ духовенствомъ, а москалямъ досталась только копія ея, или икона сама ушла отъ нихъ и москали вынуждены были замѣнить ее поддѣльнымъ изображеніемъ. Третируя православіе, какъ схизму, отверженную небомъ, католическое духовенство не можетъ допустить и мысли, чтобы чудотворная икона пожелала остаться въ схизматической церкви. Это было-бы настоящимъ скандаломъ въ глазахъ истыхъ католиковъ, и они во что-бы-то ни стало перемѣщаютъ такую святыню, въ свои, католическіе пріюты, конечно, только въ молвѣ, на словахъ, потому что на дѣлѣ это не легко и ни къ чему не привело-бы.

Если-бы базиліане дѣйствительно увезли икону и стопу изъ почаевской лавры, то неужели они досслѣ скрывали-бы эту святыню и неужели можно было-бы скрыть ее такъ, что доселѣ о ней нигдѣ ничего не слышно? Въ простонародномъ воображеніи „заграница“ дѣйствительно—нѣчто таинственное и всемогущее, „ушелъ заграницу“—точно пропалъ. Но очевидно, что „заграница не такова, чтобы нельзя было узнать о существованіи почаевской святыни,

если-бы послѣдняя дѣйствительно гдѣ либо въ ней скрывалась. Скрывать святыню такъ, чтобы о ней никто не вѣдалъ—не прямо-ли это противурѣчитъ цѣли, для которой она увезена, и самому значенію святыни? Если-бы почаевская святыня находилась въ рукахъ католиковъ и уніатовъ, то развѣ поляки промолчали-бы о ней въ то время, когда они подготовляли возстаніе на Волыни, Подольи и т. д., когда они открывали и торжественно показывали народу *мощи* Іосафата Кунцевича, откопали и торжественно перенесли на Подлясье кости св. Виктора, „поляка IV вѣка", манифестировали со всѣми предметами, имѣвшими для народа значеніе во времена уніи? Отчего не объявятъ этой святыни, если она гдѣ либо скрывается, въ Галиціи, гдѣ въ настоящую пору такъ возбуждена польско-католическая энергія къ охраненію русскаго народа отъ вліянія православія и гдѣ опекуны народа такъ тревожно смотрятъ на пилигримство его въ Почаевъ. Вѣдь она сослужила-бы тамъ теперь такую службу, какъ никогда болѣе. Поляки не давали никакого повода подозрѣвать ихъ въ такой осторожности и сдержанности, чтобы они могли цѣлое полстолѣтіе хранить глубокое молчаніе о предметѣ, способномъ сослужить для видовъ ихъ великую службу...

Думаемъ также, что если-бы существовали какія либо подозрѣнія относительно пропажи почаевской святыни, то императоръ Николай Павловичъ, лично посѣтившій впослѣдствіи Римъ и папу и заключившій конкордатъ съ римскимъ дворомъ, непремѣнно изслѣдовалъ-бы этотъ вопросъ на мѣстѣ и настоялъ-бы на полномъ раскрытіи истины. Но очевидно, что къ такимъ настояніямъ не было никакого повода. Такой знатокъ польско-католическаго міра, какимъ былъ одинъ изъ членовъ пріемной коммисіи, протоіерей Рафальскій, вслѣдъ затѣмъ первый намѣстникъ православной почаевской лавры, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій Антоній, самъ вѣроятно бывавшій въ лаврѣ при господствѣ въ ней базиліанъ, какъ вѣроятно бывали въ ней при базиліанахъ и другіе члены коммисіи, что въ то время обычнымъ и повсюднымъ было на Волыни въ средѣ православныхъ, могъ вполнѣ узнать подмѣнъ и собрать о немъ всѣ свѣдѣнія и если онъ не давалъ никакой цѣны базиліанскимъ и бабьимъ толкамъ по этому предмету, то значитъ, что эти толки не имѣютъ основанія. Сама военно-судная коммисія, въ своемъ отзывѣ

въ волынскую духовную консисторію, не выражаетъ никакихъ подозрѣній на счетъ иконы и стопы. Если даже, какъ почему-то полагаетъ г. Лѣсковъ, окажется по обнародованіи прочихъ документовъ, что пріемщики недостаточно подробно описали принимаемую икону и стопу, то и въ этомъ обстоятельствѣ не можетъ быть дѣйствительной пищи для подозрѣній.

Вопросъ о подновкѣ, найденной г. Лѣсковымъ на иконѣ, очевидно, относится къ художественному вкусу монастырскаго начальства и къ степени разумѣнія имъ значенія церковной древности и едва-ли можетъ что либо прибавить для рѣшенія дѣла о подлинности почаевской иконы. Равнымъ образомъ ничего не доказываетъ относительно подлинности „стопы“ заявленіе г. Лѣскова о настоящемъ видѣ ея. *Gutta cavat lapidem*, черпакъ также дѣлалъ свое дѣло въ теченіе вѣковъ, и не благоразумно было-бы желать, чтобы для поддержанія нашей слабой вѣры ежеминутно „побѣждались естества уставы“...

Отъ почаевской святыни г. Лѣсковъ переходитъ къ значенію почаевской лавры въ настоящее время и по поводу высказанныхъ нами въ предисловіи къ упоминаемымъ документамъ замѣчаній о необходимости поднять лавру до ея прежней высоты, говоритъ, что лавра „сдѣлала свое историческое дѣло“, что „благополучное время для нее прошло“, что „поднять этотъ монастырь до того значенія, какое онъ имѣлъ въ періодъ уніатскій, теперь, кажется, напрасно и мечтать. Этому, по его мнѣнію, много помѣхъ не въ одинхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, но и въ общемъ складѣ житейскихъ условій и въ самомъ духѣ времени, который, чтобы противъ него ни дѣлали, самъ сильнѣе всѣхъ дѣятелей и всѣхъ передѣлываетъ“. На какія именно „помѣхи“ указываетъ онъ въ „мѣстныхъ обстоятельствахъ“ и „въ складѣ житейскихъ условій“, про какой всемогущій духъ, способный „всѣхъ передѣлать“, говоритъ онъ, этого мы не знаемъ, а потому и прямаго отвѣта дать не можемъ. Но не можемъ не сказать слѣдующее.

Духовъ у нашего времени много. Всѣ эти *духи* борются между собою, мечтаютъ о побѣдѣ другъ надъ другомъ, употребляютъ разнообразныя къ тому средства, но въ концѣ концовъ побѣда достанется тому изъ нихъ, подъ знаменемъ котораго окажется наиболѣе искренности, энергіи и правды. Церковь Божія на землѣ

называется *воинствующею*, потому что она борется и должна бороться съ разными другими духами во имя высшихъ непреходящихъ интересовъ народа, во имя правильнаго и здороваго роста внутренняго человѣка. На этомъ полѣ ее и врата адовы не одолѣютъ, не то что неясный „духъ времени". Страшиться тутъ нечего, нужно только дѣлать дѣло Божіе чистыми руками. Но таковъ-ли въ самомъ дѣлѣ духъ нашего времени, чтобы онъ способенъ былъ серьезно противиться возрожденію стариннаго народно-религіознаго центра? Напротивъ, не самъ-ли онъ вопіетъ противъ мертвенности его, не самъ-ли онъ поэтому усиленно зоветъ его къ оживленію и къ энергической дѣятельности на пользу народа? *Не всякому духу вѣруйте, но испытывайте духа.* Не нужно однако великой проницательности и долгихъ усилій, чтобы понять, что духъ настоящаго времени въ религіозномъ отношеніи не удовлетворяется одними общими формами богослуженія, но, при значительномъ подъемѣ личности въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи, настойчиво требуетъ отъ церкви и личнаго руководства во всѣхъ частныхъ положеніяхъ и духовныхъ нуждахъ христіанина, не удовлетворяется подчиненіемъ общимъ требованіямъ и уставамъ церкви, но ищетъ пособія личному религіозному чувству. Для удовлетворенія этого внутренняго, личнаго чувства, люди бѣгутъ то въ штунду, то въ разнообразныя секты, секретная сила которыхъ состоитъ единственно въ отзывчивости на внутреннія, личныя потребы души, въ щедрости христіанскихъ наставленій и утѣшеній (о достоинствѣ ихъ не говоримъ), въ удовлетвореніи христіански эстетической потребности. Многіе обращаются за этимъ живительнымъ источникомъ къ латинству и, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, даже въ кіево-печерской лаврѣ (не тѣмъ-бы поминать ее!) монахъ пренаивно продаетъ, а крестьянинъ еще наивнѣе покупаетъ варшавскія религіозныя картинки съ польскими подписями. А что сказать о милліонной массѣ православнаго населенія, помнящаго еще времена уніи и величіе почаевской лавры, во множествѣ снабжавшей народъ изданіями по этому предмету, хотя далеко менѣе нынѣшняго развитому въ то время въ народѣ? Послѣ обращенія этой массы въ православіе, у нее отняли почаевскія базиліанскія изданія: духовныя пѣсни, стихи, разсказы, молитвы, частные обряды, обычаи и даже церковные обряды на освященіе домашнихъ и хозяйственныхъ предметовъ, на

разныя положенія и случаи въ домашнемъ быту, въ замѣнъ всего этого ничего не дали, оставивъ народъ при одномъ общественномъ богослуженіи и при небольшомъ выборѣ частныхъ молитвъ. Что-же вышло? Народъ, вмѣсто почаевскихъ изданій, бросился на подобныя-же польскія... Сколько разъ приходилось намъ, проживая въ средѣ б. уніатскаго населенія холмской епархіи, видѣть по вечерамъ въ воскресенья и праздники кучки мущинъ и женщинъ, расположенныхъ подъ хатами и заунывно тянущихъ польскіе молитвенные стихи! Но не разъ приходилось видѣть и стариковъ, владѣющихъ то тою, то другою „почаевскою книжечкою"; бережно хранятъ они эту книжечку, какъ драгоцѣнность, въ сундукѣ, завернутою въ платокъ, и съ восторгомъ читаютъ по ней: „О, Мати, Мати, Царице русского краю"... и т. п.

Поглядите, читатель, съ аналогической точки на окружающее почаевскую лавру, помнящее базиліанъ населеніе, вникните безъ предубѣжденія въ причины и характеръ разсказовъ о томъ, какъ „разумни базиліане дурныхъ москалей ошукали", и подумайте, чѣмъ не удовлетворяется „духъ времени" въ почаевской лаврѣ, куда зоветъ онъ ее, какой дѣятельности проситъ отъ нее... Думаемъ, что никто не заподозритъ насъ въ томъ, будто мы хлопочемъ объ оживленіи почаевской лавры посредствомъ изданія „Богогласника".

Что касается житейскихъ условій и мѣстныхъ обстоятельствъ, препятствующихъ оживленію почаевской лаврѣ, то намъ представляются болѣе другихъ серьезными только два слѣдующія.

1) Близость почаевской лавры къ галиційской границѣ. Извѣстно, какъ придирчива Австрія ко всему, что предпринимается у насъ по сосѣдству съ Галичиной для оживленія православія и народности. Прислушиваясь къ голосу опекуновъ галицко-русскаго народа, намъ слѣдовало-бы парализовать всякую живую дѣятельность на этой границѣ, дабы не подвергнуться рѣзкому упреку въ агитаціи въ средѣ галицкаго народа во имя православія и русской народности. Императоръ Николай Павловичъ нашелся вынужденнымъ заплатить эту дань австрійской придирчивости,—политика между прочимъ требовала, чтобы православные монахи въ почаевской лаврѣ, отстоящей отъ границъ Галичины всего на 8 верстъ, сидѣли молча, тихо, чуть дыша. Кому неизвѣстно, какъ подозрительно

смотрятъ въ Галичинѣ на пилигримство народа въ эту тихую, мертвенно-молчаливую лавру! Кто знакомъ съ исторіей нашей пограничной съ Австріей политики, тому понятно, что мертвенная тишина въ лаврѣ, наступившая вслѣдъ за обращеніемъ ея въ православіе, не вольная, вынужденная. Но очевидно, что это условіе не абсолютное; времена перемѣняются и нынѣ нѣтъ причины смущаться слишкомъ своекорыстною придирчивостью сосѣда, отдавшаго притомъ русскую Галичину во владѣніе той партіи, которая не останавливается ни предъ какими способами агитаціи въ нашихъ предѣлахъ во имя уніи и полонизма.

2) Въ соотвѣтствіе съ вынужденнымъ бездѣйствіемъ почаевской лавры, организованъ былъ и составъ братіи ея. Полная случайность въ этомъ составѣ, крайняя простота, отрѣшенность отъ духовныхъ потребъ края, отсутствіе предпріимчивости на пользу общественную и другія подобныя свойства поражаютъ богомольца въ этой монастырской братіи, тихо и безучастно двигающейся въ виду величественнаго зданія церкви, напоминающаго костелъ и былыя времена лавры... Но, очевидно, и это условіе не непреложное...

Въ заключеніе, повторяя сдѣланное г. Лѣсковымъ заявленіе о томъ, что „святыни почаевской лавры не надо прятать отъ глазъ подъ спудомъ, что возбуждаетъ недоумѣніе и говоръ, а надо-бы сдѣлать ихъ видимыми и объяснить въ толково составленныхъ описаніяхъ ихъ видъ, значеніе и естественныя перемѣны, которымъ они подвергались отъ времени и отъ прикосновеній“, не можемъ не пожелать, чтобы такими описаніями руководило полное уваженіе къ религіозному чувству народа и его исторической святынѣ.

Е. Крыжановскій.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЭПОХИ УНИЧТОЖЕНІЯ КОЗАЧЕСТВА.

Эпоха уничтоженія козачества и постепеннаго введенія общероссійскихъ порядковъ въ разныхъ мѣстностяхъ южной Руси еще очень мало изслѣдована, по крайней мѣрѣ мало извѣстна читающей публикѣ, которая не можетъ ознакомиться съ нею непосредственно по архивнымъ источникамъ: только устное преданіе, какой-нибудь характерный разсказъ старожила или какой-нибудь старинный документъ, случайно избѣгнувшій участи превратиться въ ружейный

пыжъ или покрышку на горшокъ съ сметаной, могутъ иногда воскресить передъ вами какую-нибудь черту этого интереснаго времени. Столкновеніе двухъ началъ: единодержавія, шедшаго съ сѣвера, и вольныхъ козацкихъ общинъ на югѣ въ теченіе полутора вѣковъ вызывало непрерывную борьбу, въ которой поперемѣнно одерживала верхъ то одна, то другая сторона, дѣлались взаимныя временныя уступки, пока, наконецъ, не наступило время окончательной ломки вѣками укоренившагося въ южно-русскомъ народѣ козацкаго строя, отъ котораго остались нынѣ только черноморскіе козаки на Кубани, постепенно все болѣе и болѣе утрачивающіе старинное самобытное устройство, затѣмъ возвращающіяся въ разныя времена изъ-за Дуная партіи запорожцевъ (часть которыхъ и до сихъ поръ еще живетъ въ предѣлахъ Турціи), да имя „козака" въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Эпоха этой ломки, взбудоражившей все общественное сознаніе нашего юга, вызвала на сцену множество интересныхъ явленій и своеобразныхъ типовъ: съ одной стороны реформаторы изъ великороссіянъ, которымъ по секретному наказу Екатерины велѣно было имѣть „волчій ротъ и лисій хвостъ", съ другой—малороссійскіе паны: одни, готовые, ради увеличенія своихъ правъ, служить какому угодно правительству, другіе, хотя и сжившіеся съ своимъ панствомъ, которому, повидимому, должны были благопріятствовать новые порядки (напр. введеніе крѣпостнаго права въ концѣ прошлаго вѣка), но тѣмъ не менѣе возмущавшіеся тѣмъ духомъ: „безъ разсужденія!", который эти порядки вносили съ собой,—каковъ напр. старый Чернышъ въ повѣсти Кулиша, оплакивающій со своимъ „джурою"—бандуристомъ прежнее козацкое житье и не согласный ни на какіе компромиссы съ новымъ духомъ канцелярщины. Среди тѣхъ и другихъ проходитъ масса безличныхъ людей, которые инстинктивно отдавались новому теченію жизни и непримѣтно для собственнаго сознанія проникались инымъ духомъ, сохраняя въ тоже время нѣкоторыя неизгладимыя черты прежняго духа и быта и представляя собою крайнюю пестроту во всемъ, отъ взглядовъ и понятій до мелочныхъ привычекъ будничной жизни. Особою статьею, позади всѣхъ ихъ, стоитъ протестъ народа, въ которомъ еще живы были идеалы запорожской равноправности, противъ всякаго панства и поддерживавшей его казенщины, протестъ, выразившійся въ лицѣ такихъ людей, какъ

Гаркуша въ слободской Украйнѣ (харьк. губ.) и въ болѣе позднее время Кармелюкъ (въ Подоліи).

Къ числу панскихъ типовъ той эпохи съ характеромъ смѣшаннымъ, безличнымъ принадлежалъ мой *дѣдушка Василь Павловичъ Григоровичъ*, котораго немудрая личность живо выступаетъ въ нѣкоторыхъ несвязныхъ *его воспоминаніяхъ* и разсказахъ, съ которыми я намѣренъ познакомить читателя для характеристики намѣченной мною эпохи.

Года три тому назадъ я гостилъ у него, въ с. Сиволожи, борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи. Григоровичи были когда-то одними изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ этой мѣстности, но раздѣлы имѣнія между наслѣдниками и различныя неудачи разстроили окончательно ихъ состояніе и теперь только старинной постройки конюшни да большой (въ 12 десятинъ) запущенный садъ съ затянутыми тиной „сáжалками" и бесѣдкой изъ гигантскихъ липъ, насаженныхъ еще рукою сотника Дмитра Григоровича, и далеко виднымъ среди ровной мѣстности, напоминаютъ о томъ, что здѣсь когда-то широко развертывалась жизнь богатаго малороссійскаго пана. Старый большой домъ сгорѣлъ, земли почти всѣ проданы по частямъ и въ небольшомъ деревянномъ домикѣ 30 лѣтъ безвыѣздно жилъ одинъ только отставной артиллеріи полковникъ, Василь Павловичъ Григоровичъ, со второй женой.

Старикъ Василь Павловичъ, теперь уже покойникъ, любилъ по временамъ тряхнуть стариной и, такъ какъ онъ умѣлъ хорошо говорить и кстати вставить красное словце, то всѣ любили послушать его разсказы про 1813-й годъ, за который онъ получилъ Георгія, про Оренбургъ, гдѣ онъ былъ комендантомъ, про осаду Данцига, который теперь никому не придетъ въ голову осаждать, про то, какъ одинъ его товарищъ, молодой офицеръ, подвыпивши, велѣлъ стрѣлять по этому городу брандскугелями (которыми теперь уже никто не стрѣляетъ), не смотря на то, что онъ, Василь Павловичъ, и отговаривалъ его отъ этого, и какъ въ этой-же перестрѣлкѣ этотъ молодой офицеръ былъ убитъ, не успѣвши получить только что присланной ему отъ невѣсты вышитой сорочки. Однажды я сидѣлъ за столомъ, съ жадностью антикварія перебирая толстую рукописную книгу, „одаренную переплетомъ изъ древа, облеченнаго въ ременіе", которую я только что случайно напелъ въ ам-

барѣ, гдѣ она валялась между папушами табаку и ломаной мебелью, предназначаясь по всѣмъ вѣроятіямъ на прочтеніе мышамъ, когда въ комнату вошелъ дѣдушка Василь Павловичъ... Но дѣдушка Василь Павловичъ самъ по себѣ не менѣе интересенъ для антикварія, чѣмъ и его разсказъ: теперь уже мало осталось такихъ людей, поэтому остановлюсь сначала нѣсколько времени на немъ.

Военная выправка и нѣкоторая рѣзкость стараго служаки соединялись въ немъ съ природнымъ малороссійскимъ юморомъ и добродушіемъ; къ этому присоединялась еще порядочная доля стараго барства, не терпящаго противурѣчій. По своему времени онъ былъ очень хорошо образованъ, хорошо зналъ языки и чрезвычайно уважалъ ученость и вообще ученье. Съ прислугой и крестьянами онъ обращался по-старому,—любилъ прикрикнуть и иногда казалось, что вотъ-вотъ онъ пуститъ въ ходъ аргументы временъ крѣпостнаго права: „за волосное правленіе“ да „въ нижній земскій судъ“,—но этого не случалось, и не знаю, что именно удерживало его: нежеланіе-ли ронять собственное достоинство, боязнь-ли новыхъ порядковъ, гуманность людей александровскаго времени, или природное добродушіе. Прислуга только улыбалась втихомолку, и крестьяне, для которыхъ этотъ характеръ представлялъ уже анахронизмъ, относились съ добродушной шутливостью къ „старому пану“: „зовсімъ—бакъ старенький и головка облізла геть, якъ коліно“. У кухарки былъ маленькій сынъ, съ которымъ онъ любилъ забавляться и называлъ его своей собакой; утромъ, когда онъ выходилъ пить чай, мальчикъ долженъ былъ всегда быть тутъ-же. „Собака!“ крикнетъ В. П., держа въ рукѣ сладкій сухарь; мальчуганъ, подражая собачьей воркотнѣ, подскакиваетъ къ нему и вырываетъ зубами сухарь, потомъ В. П. беретъ его на колѣни и гладитъ по головкѣ: въ насъ, людяхъ конца XIX в., такое обращеніе способно возбудить отвращеніе, но В. П., какъ человѣкъ начала этого вѣка, смотрѣлъ на вещи другими глазами и никакъ не могъ предположить въ этомъ чего-нибудь оскорбительнаго для „мужицкаго мальчишки“. Похоронивъ жену, братьевъ, сестеръ, дочь и сына съ женой, онъ остался одинъ представителемъ старины; кругомъ его выросли новые люди съ непонятными ему новыми требованіями и понятіями, новыя отношенія и взгляды, и онъ иногда съ удивленіемъ озирался кругомъ, не понимая, что такое дѣлается

теперь на свѣтѣ... По цѣлымъ часамъ сидитъ онъ бывало на крыльцѣ съ длиннымъ чубукомъ и смотритъ на садъ и на бѣгущую мимо него проселочную дорогу. „Когда-то все отъ Нѣжина до Борзны принадлежало Григоровичамъ", говаривалъ онъ. „Старъ уже сталъ, совсѣмъ старъ... и глупъ... а всебъ еще пожить хотѣлось... *та ба!*" Иногда въ немъ вспыхивалъ шляхетскій гоноръ, когда кто-нибудь начиналъ говорить объ одномъ богатомъ помѣщикѣ, котораго онъ не любилъ. „Что такое X?"—говорилъ онъ тогда, „X. былъ погонщикомъ, когда Григоровичъ былъ сотникомъ".

По временамъ въ немъ заговаривалъ старинный украинскій патріотизмъ, изъ рода въ родъ дошедшій до него отъ временъ самобытности гетманщины. Когда я показалъ ему свой альбомъ южно-русскихъ дѣятелей, онъ вооружился очками, усѣлся по-лучше въ своемъ креслѣ и долго и внимательно разсматривалъ его. Надъ Б. Хмельницкимъ онъ остановился и сказалъ: „Вѣдь онъ былъ простой мужикъ, ты знаешь? А голова! задалъ панамъ-ляхамъ! Вѣдь они шельмы, имъ никогда нельзя повѣрить"... „Ты читалъ нашу исторію?"—спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. „Да, дѣдушка, я прочелъ исторію Бантыша-*Кàменскаго*", отвѣтилъ я. „Бантышъ-*Камѣнскій!*" поправилъ онъ. На Полуботкѣ онъ вновь меня поправилъ: „*Полýботокъ*". Кулиша онъ долго и со вниманіемъ молча разсматривалъ.

Онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ и всегда старался доставить гостямъ всевозможныя удобства; при этомъ въ немъ иногда сказывались старыя барскія замашки; такъ, однажды онъ сильно разсердился и раскричался на прислугу за то, что вечеромъ, когда были гости, не было свѣчей въ пустой передней, что по его тогдашней обстановкѣ жизни было совсѣмъ лишнимъ. Я цѣликомъ занесъ нѣсколько характерныхъ эпизодовъ въ записную книжку.

— Дѣвка! А что-же тамъ свѣту нѣтъ?

— Та тамъ никого нема!

— Что я тебя бить долженъ? морду тебѣ разбить? у насъ за это палками дули, за такіе отвѣты, а её сѣчь надо или чортъ её душу знаетъ.

Ищетъ табакерки; въ это время рядомъ съ нимъ на диванъ садится барышня, пришедшая изъ другой комнаты; „ишь, вотъ она присосѣживается,—понюхать хочетъ"!

— Нѣтъ, Василь Павловичъ, разскажите, что такое женщина! пристаетъ къ нему молодежь.

— Что-жъ? женщина не настоящій человѣкъ! говоритъ онъ, конфузя барышень; вотъ женщина должна за курами смотрѣть, тогда у нее и курочка и пѣтушокъ будетъ..., а ей не до того (сѣтуетъ онъ на современныхъ женщинъ)... и теленокъ, и ребенокъ, да! А старыхъ дѣвъ и на тотъ свѣтъ не принимаютъ. Это большое несчастіе для дѣвушки... Дѣвица должна непремѣнно стараться выйти замужъ.

Послѣ ужина В. П. любилъ долго сидѣть за чаркой и разсказывать что-нибудь или слушать чужія розсказни; но, такъ какъ онъ былъ нѣсколько глухъ, то часто перебивалъ говорящаго словами: „говорите громче и я хочу слышать; говорятъ себѣ что-то, ничего не слышно"!

— Наташа, что онъ говоритъ? спрашивалъ онъ жену, и жена его (къ голосу которой онъ привыкъ, такъ что понималъ ее даже, когда она говорила не громко) повторяла ему слова разсказывавшаго; но иногда, недослышавъ, онъ говорилъ только: „чѣмъ чортъ знаетъ что говорить, такъ лучше выпить!" и наливалъ себѣ новую чарку. Вопросъ со стороны младшаго (а всѣ были моложе его) онъ считалъ невѣжествомъ и иногда, если отвѣтъ затруднялъ его, говорилъ, указывая на большаго желто-бѣлаго кота, который всегда помѣщался рядомъ съ нимъ на диванѣ: „ну, объ этомъ мы спросимъ вотъ у кого!" Послѣ нѣсколькихъ чарокъ онъ начиналъ отпускать такія остроты, что дамы не знали, куда дѣваться; при этомъ онъ говорилъ какъ-бы про себя по-французски или по-нѣмецки, какъ-бы разсчитывая на то, что его не поймутъ. Я помню, какъ однажды я прохохоталъ цѣлый вечеръ до спазмовъ въ бокахъ, такъ какъ смѣхъ тѣмъ больше разбираетъ, чѣмъ больше удерживаешься. Но въ то время, о которомъ я буду говорить, В. П. уже сильно одряхлѣлъ (ему было тогда около 90 лѣтъ), къ гостямъ выходилъ въ халатѣ и рѣдко уже пускался въ длинные разговоры. Исторія семейства Григоровичей представляетъ много интересныхъ характерныхъ эпизодовъ, которыми я современемъ, быть можетъ, подѣлюсь съ читателями, теперь-же ограничиваюсь бѣглымъ очеркомъ этого типа, который я самъ могъ наблюдать, и закончу мой разсказъ нѣсколькими о немъ словами.

Итакъ, я перелистывалъ старинную рукопись, когда въ комнату вошелъ дѣдушка Василь Павловичъ. Выписываю изъ записной книжки его разсказъ дословно, со всѣми украинизмами его рѣчи.

— Что ты читаешь? спросилъ онъ меня.

— О запорожской Сѣчи, отвѣтилъ я.

— Аа! запорожская Сѣчь! давно это было... очень давно. За-порòж-ская Сѣчь! торжественно и медленно отчеканилъ онъ, какъ-бы собираясь съ мыслями. Мой дѣдъ былъ запорожецъ! Дмытрó Сэмэновичъ Григоровычъ! Это его книга. Онъ былъ прохорскимъ сотникомъ [1]) и *коллежскимъ ассесоромъ: Екатерина подавала имъ кромѣ того еще гражданскіе чины*... Старый былъ... Бутыли были такія громадныя и въ нихъ вишни и сливы (отъ наливки?). Вотъ онъ выспится и зоветъ меня доставать ему вишни оттуда, я и достаю рученками маленькими: я еще тогда ребенкомъ былъ... Дмытрó Сэмэновычъ Гры-го-ровычъ!

— А въ сотники его вѣрно выбрали?

— Хто его знаетъ, вѣрно по выбору... А какъ Екатерина на престолъ вступила, то запорожцы отправились её поздравлять и сказали ей: „будь здорова, якъ корова, а богата, якъ земля!" и ничего... дала имъ ручку поцѣловать, благодарила... Будь здорова, якъ корова...

— Да перестаньте уже, перебила его Наталья Романовна, вошедшая передъ тѣмъ въ комнату.

— А какъ-же? Это отличное желаніе! И вѣрно какой - нибудь профессоръ былъ,—сочинилъ вѣдь такъ (обращается ко мнѣ): будь здорова, каже, якъ корова... оно совершенно вѣрно!

— А скажите, дѣдушка, ходилъ сотникъ на войну?

— Какъ-же! Они стояли на границѣ—тамъ служили... Екатерина баба была, а при ней хорошо было; царствованіе ея очень счастливое, благополучное... всего было много: денегъ, хлѣба... и турокъ славно били... Е-ка-те-рйна!... Оо! то была ба-ба!...

— *Н. Р.* Ахъ, что это вы право говорите!

— А шо-жъ... конечно такъ было! Да, было когда-то давно... очень давно...

---

[1]) Село Прохоры, борзенск. уѣзда.

— Да, простота была, необразованность! вставила *Н. Р.;* онъ въ острогѣ сидѣлъ, дѣдъ Василя Павловича, прибавила она, очевидно желая прекратить надоѣвшій ей разговоръ.

— Што?... Да! Это когда Екатерина вступила на престолъ... писала запорожцамъ... *спрашивала на какомъ положеніи они хотятъ, чтобы оставить Малороссію: на прежнемъ или перемѣнить, такъ онъ* (дѣдъ В. П.) *самъ своей рукой написалъ: „якъ було, нехай такъ и буде!" такъ его въ тюрьму посадили.* Цѣлый годъ сидѣлъ въ тюрьмѣ! въ Глуховѣ.,. Екатерина! оо, то баба була!

— *Н. Р.* Да будетъ уже право!

— Нѣтъ, да посуди сама, Наташа, (съ одушевленіемъ) цѣ-лый же годъ въ темницѣ томился! Вѣдь спрашиваешь-же! Вѣдь цѣлый годъ сидѣлъ! цѣлый годъ! А сотнички ѣздятъ и понятное дѣло курей возятъ и разныя разности... просятъ... нельзя-же такъ, безъ этого... Сотничка это почетное званіе было! Да, имъ тогда лучше жилось, легче. Сотникъ ѣдетъ: ему лошадей приготовятъ, сала натолкутъ... всего много было... Подумать только, какъ все перемѣнилось! какъ-будто и люди не тѣ. А современемъ еще больше перемѣнится и опять нельзя будетъ узнать... чортъ его знаетъ, можетъ быть такъ еще сдѣлаютъ, что и жить будетъ негдѣ.

СВѢДѢНІЕ О БУГСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Исторію Малороссіи обыкновенно оканчиваютъ вмѣстѣ съ концемъ гетманщины, не описывая самого процесса превращенія козаковъ съ одной стороны въ гусаръ и др. регулярныя войска, а съ другой стороны въ россійскихъ дворянъ—помѣщиковъ, крѣпостныхъ и казенныхъ крестьянъ. Между тѣмъ и самый послѣдній актъ окончательнаго уничтоженія козачества произошелъ не сразу, а представляетъ нѣсколько колебаній и возвратовъ къ прошлому. Зная расположеніе южно-русскаго народа къ козачеству, правительство въ годину внѣшней войны не разъ прибѣгало къ вызову козаковъ изъ населенія южныхъ губерній (таковы напр. „малороссійскіе козаки" временъ крымской компаніи). Однимъ изъ такихъ явленій представляются, вѣроятно, и такъ называемые бугскіе козаки,

нѣкогда существовавшіе въ нынѣшней херсонской губерніи. Такъ какъ объ нихъ вообще очень мало писано, то я считаю не лишнимъ привести нижеслѣдующую выписку изъ одного стараго указа объ отставкѣ.

Лабенскіе переселились въ ю. Россію во времена Потемкина изъ Галиціи; они были православные (русины), „хотя грамота на дворянство и писана по-польски", какъ объяснилъ мнѣ Н. С. Лабенскій. Въ то время Сѣчь запорожская была уже уничтожена, запорожцы разбѣжались кто-куда и въ огромныхъ пустопорожнихъ пространствахъ нынѣшней херсонской губерніи земля распродавалась отъ казны *по нѣсколько копѣекъ за десятину*. Переселившійся изъ Гальціи Тимофей Лабенскій купилъ большое имѣніе по р. Бугу; земли эти впослѣдствіи перешли къ его племянникамъ Любимскимъ (которые вмѣстѣ съ Лабенскими пришли изъ Галиціи). Сынъ его, Степ. Тимоф. Л—скій служилъ въ бугскихъ козакахъ; вотъ выписка изъ его указа объ отставкѣ, который представляетъ интересъ по самой формѣ своей.

„Господинъ маіоръ Степанъ Тимофѣевъ сынъ Лабенскій. Въ службу вступилъ козакомъ 1805 г. сентября 13 въ бывшее *бугское войско; урядникомъ*—806 г. мая 9; *хорунжимъ*—1814 г. апр. 5-го; отъ роду имѣлъ онъ тогда 25 лѣтъ. *Переименованъ въ корнеты 818 г. генваря 22 въ 1-й бугскій* (что нынѣ бугскій) *уланскій полкъ;* поручикомъ 820 г. „etc." Въ походахъ и сраженіяхъ находился: *Въ войну съ турками 808 года въ Молдавіи у содержанія на австрійской и турецкой и княжества варшавскаго границахъ кордонной стражи* [1]*, потомъ съ начала съ французами второй войны 812 года...* (оторванъ уголъ)... *2-го, и до окончанія оныхъ во всѣхъ случавшихся съ непріятелемъ дѣлахъ*, etc... былъ казначеемъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроповъ съ 821 по 824 годъ etc... *Имѣетъ серебряныя медали въ память 812 года и за взятіе г. Парижа 19 марта 814 года установленные*. Россійской грамотѣ читать и писать умѣетъ и ариѳметикѣ знаетъ. 1837 года". Подпись: графъ Витте и пр.

Курсивомъ я написалъ все то, что относится къ бугскимъ козакамъ, изъ чего мы видимъ, что они участвовали въ турецкой

---

[1]) Слѣд. еще козакомъ.

кампаніи 1808 года, при чемъ содержали пограничную стражу и пр. и въ кампаніи 12-го и 14 года, при чемъ участвовали во взятіи Парижа и, наконецъ, что они расформированы въ 1818 г. и обращены въ „Бугскіе“ уланскіе полки, изъ которыхъ теперь только одинъ сохранилъ названіе „Бугскаго“ (въ 9-й кавалерійской дивизіи).

А. Рудковскій.

О ДИКИХЪ ЛОШАДЯХЪ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Обыкновенно считаютъ дикихъ коней, о которыхъ говоритъ Гоголь въ своемъ знаменитомъ описаніи украинской степи, давнымъ давно вымершими и нѣкоторые относятъ ихъ чуть не въ область вымысловъ. Между тѣмъ мнѣ пришлось слышать отъ очевидца, заслуживающаго полнаго довѣрія, совершенно противное. О дикихъ коняхъ въ нашихъ южныхъ степяхъ была когда-то помѣщена большая статья „Про тарпанівъ (дикихъ коней)“ въ журналѣ „Основа“ (на украинскомъ языкѣ), затѣмъ (на томъ-же языкѣ) писалъ о нихъ черноморскій козакъ генер. Кухаренко; помнится, что онъ говоритъ о нихъ (въ концѣ 50-хъ годовъ), какъ о существующемъ еще въ степяхъ Черноморіи видѣ животныхъ. Дядя мой, отставной ротмистръ Ник. Степ. Лабенскій (сынъ упомянутаго выше), сообщилъ мнѣ, какъ очевидецъ, интересныя свѣдѣнія о недавнемъ еще существованіи дикихъ коней въ степяхъ херсонской губерніи. Вотъ его разсказъ. „Дикія лошади водились въ херсонской губ. еще лѣтъ 40 тому назадъ; когда мнѣ было лѣтъ 10 (слѣд. въ 30-хъ годахъ), то я не разъ ѣздилъ съ отцемъ на охоту за ними. Это было за Вознесенскомъ около сс. Привольнаго и Полтавки херс. губ. на рр. Бугѣ и Мертводѣ. Отецъ мой, бывшій тогда волостнымъ командиромъ въ новороссійскомъ военномъ поселеніи, собиралъ облаву человѣкъ въ 30, 40, иногда и 100; иногда съ собой на охоту возили столбы, которые легко можно было-бы вкопать въ землю, чтобы привязывать къ нимъ пойманныхъ коней, пока они приручатся; но послѣ этотъ способъ оставили; однажды случилось—я самъ это видѣлъ и хорошо помню, хотя мнѣ тогда было всего лѣтъ девять, что одна лошадь, будучи привязана къ столбу, рвалась до тѣхъ поръ, пока не разбила себѣ совершенно голову и не задушилась. Ростъ этихъ лошадей малый: 2 арш. безъ вершка или полу-вершка, масть—мышастая съ черной полосой на спинѣ; сло-

жены пропорціонально и довольно красиво; головы небольшія и ноги совсѣмъ не мохнатыя, какъ пишутъ о другихъ породахъ дикихъ коней. Всѣ они были очень жирные, хотя сами себѣ промышляли кормъ: травы большія, зимою пробиваютъ снѣгъ ногами и достаютъ траву. Тогда въ херсонской губерніи и табуны (ручныхъ лошадей) паслись зимою такимъ образомъ. Дикія лошади чрезвычайно боязливы: такъ и дрожитъ вся, когда поймаютъ; изъ числа пойманныхъ нѣсколько умирало, но остальныя, будучи приручены съ большимъ трудомъ, представляли чрезвычайно хорошихъ и выносливыхъ лошадей: они могли легко скакать подрядъ десять верстъ, не уставая, и притомъ очень быстро. Ихъ постоянно вылавливали и теперь едва-ли они уже существуютъ гдѣ нибудь. Они ходили табунами не болѣе 20 штукъ и охотиться за ними было чрезвычайно трудно, такъ какъ они въ высшей степени сторожки: если мѣстность ровная, то уже за 5 верстъ удаляются, и нужно не меньше 30-ти, 40-ка человѣкъ на хорошихъ лошадяхъ (напр. тѣхъже дикихъ прирученныхъ); они съ разными хитростями и охотничьими сноровками объѣзжали ихъ и окружали съ разныхъ сторонъ. Тогда сѣдоки, которые по-крѣпче сидѣли въ сѣдлахъ, бросались на нихъ, подскакавъ шаговъ на тридцать, забрасывали арканъ и пускались вслѣдъ за убѣгавшей лошадью, не выпуская аркана, пока она не утомится; это былъ обыкновенный способъ первоначальнаго прирученія—вмѣсто привязыванія къ столбу. Ѣдетъ бывало на охоту человѣкъ 30 и поймаютъ 3, 4 лошади.

Кромѣ настоящихъ дикихъ лошадей были еще и одичалыя. Отобьетъ напр. волкъ отъ табуна лошенка (а то и большую лошадь), а онъ и пристанетъ къ дикимъ—одичаетъ. Одинъ разъ между дикими поймали *пѣгую* лошадь (слѣд. очевидно не дикую) и она легко приручилась. Это была кобыла, тоже небольшая; ей было лѣтъ 5 и она была очень хороша подъ верхъ; даже я ѣздилъ на ней—мнѣ было тогда лѣтъ двѣнадцать—такъ хорошо приручилась. Когда мнѣ было лѣтъ 9, я уже ѣздилъ верхомъ сначала на „турчинѣ“, котораго моей матери братъ привелъ изъ турецкой кампаніи 29-го года, а потомъ на этой пѣгой, пойманной. Она была чрезвычайно вынослива; бывало на охотѣ за волками отецъ—на казенной лошади, и всѣ устанутъ и отстанутъ, а моя все впереди, пока волка не поймаютъ“.

Я помню, какъ однажды (лѣтъ восемь тому назадъ), проѣзжая по Херсонской губерніи, мнѣ пришлось разговориться съ однимъ табунщикомъ гг. Скаржинскихъ, громадныя имѣнія которыхъ простираются отъ днѣпровскихъ пороговъ къ верховьямъ Ингула. Оглядываясь по сторонамъ, онъ сообщилъ мнѣ, какъ великую тайну, что у нихъ въ заповѣдномъ мѣстечкѣ *живетъ еще теперь нѣсколько штукъ настоящихъ дикихъ коней...* Разсказъ этотъ совсѣмъ было вышелъ у меня изъ памяти и я вспомнилъ его, только услыхавъ разсказъ Н. С. Л—скаго и привожу его здѣсь въ pendant къ предъидущему. Интересно было-бы имѣть свѣдѣніе отъ самихъ гг. Скаржинскихъ, дѣйствительно-ли еще существуетъ эта живая эмблема легендарнаго запорожскаго герба?...

А. Рудновскій.

ПОПРАВКА КЪ РАЗСКАЗУ О БОНДАРЕНКѢ.

Въ мартовской книжкѣ „Кіевской Старины“, въ статьѣ *о Бондаренкѣ*, между прочимъ сказано, что онъ казненъ въ м. Чернобилѣ, гдѣ и нынѣ старожилы указываютъ *„Бондаренкову могилу“—по дорогѣ изъ Чернобиля въ с. Залѣсье у выѣзда изъ мѣстечка.* Считаю долгомъ, по поводу сего и въ возстановленіе исторической истины, сказать нѣсколько словъ.

Какъ уроженецъ м. Чернобиля, гдѣ отецъ мой, воспитанникъ еще старой академіи, священствовалъ слишкомъ 34 года и, будучи самъ знатокомъ историческихъ мѣстностей, окружающихъ м. Чернобиль, съ таковыми, въ часы досуга и при случаѣ, знакомилъ и меня, смѣло скажу, что таковой могилы *у выѣзда изъ мѣстечка, по дорогѣ въ с. Залѣсье* нѣтъ. У выѣзда изъ мѣстечка, съ южной его стороны, по дорогѣ въ *Залѣсье* есть не *одинъ* курганъ, а *два*, и таковые курганы носятъ въ народѣ названіе: *„могилы воиновъ“* какого-то ополченія 1812 г. [1]), умершихъ отъ эпидемическаго (кро-

---

[1]) Кажется, смоленскаго, отъ береговъ Березины, по р. Припяти, чрезъ Днѣпръ возвращавшихся на родину. Не знаю, какъ теперь, а во время оно, лѣтъ 35 назадъ, на такъ называемые *проводы* совершалась бывало торжественная на сихъ курганахъ панихида всѣми священниками м. Чернобыля *«о православныхъ здѣ почивающихъ воинахъ»*.

ваваго) поноса въ м. Чернобилѣ и погребенныхъ, во избѣжаніе распространенія дальнѣйшей заразы, за кладбищемъ, совершенно уже внѣ мѣстечка. Есть, правда, еще третій курганъ у выѣзда, но съ западной его стороны, по дорогѣ въ *с. Корогодъ*, гдѣ я когда-то священствовалъ. Курганъ этотъ носитъ названіе *„татарскаго колодезя“*, гдѣ, по преданію, зарыты тѣла татаръ, дѣлавшихъ часто, хотя не всегда удачно, набѣги и на эту глухую мѣстность. Въ этомъ послѣднемъ курганѣ, по разсказу козацкаго сотника (изъ войска графа Ходкевича) Степана Чуры, переданному моему покойному отцу, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по распоряженію самаго генерала польскихъ войскъ Александра Ходкевича (владѣльца м. Чернобиля), производились даже раскопки, причемъ найдено довольно татарскаго оружія, сбруи и проч.

Но гдѣ-же возлѣ Чернобиля могила Бондаренка?

Есть она, но не у выѣзда изъ мѣстечка, и не по дорогѣ въ с. Залѣсье, *а по дорогѣ изъ Залѣсья въ дер. Заполье, между дер. Гапоновичами и Запольемъ* (Гапоновичи—между Залѣсьемъ и Запольемъ). Здѣсь, на нѣсколько возвышенной мѣстности, совершенно песчаной и почти обнаженной отъ всякой растительности, указываетъ преданіе мѣсто казни и могилы Бондаренки, безъ всякаго, какъ живо помню я, особаго тамъ кургана. Не разъ, проѣзжая съ покойнымъ моимъ отцемъ мимо сего мѣста, я слышалъ отъ него: „смотри, Гриша, вотъ мѣсто, гдѣ четвертовали Бондаренка“ [1]). И пошли, конечно, послѣ сего съ моей стороны распросы: кто, что, какъ, когда, гдѣ и проч. Нужно замѣтить, что покойный мой отецъ по окончаніи курса въ старой кіевской академіи и послѣ учительства въ кіево-подольскомъ духовномъ училищѣ, поступилъ на чернобильскій ильинскій приходъ еще въ 1821 г., слѣдовательно могъ легко бесѣдовать съ людьми живо помнившими многое изъ жизни прошлаго столѣтія, а по своей любви къ историческимъ преданіямъ, все слышанное имъ могъ правильно и точно удержать въ своей, довольно счастливой памяти. Въ отношеніи къ изслѣдуемому вопросу я и самъ, даже теперь, помню еще въ дѣтствѣ слышанную мною пѣсенку чернобильскихъ дѣвчатъ:

---

[1]) По обычаю тѣхъ варварскихъ временъ Бондаренка казнили *«четвертованьемъ»*.

Ой у місті Чорнобили
Роковее свято,
Знать у місті Макарові
Бондаренка взято...
Ой и вы—козаки
Славни гайдамаки,..
Чомъ не вберегли пана
Свого атамана... и проч.

Свящ. **Гр. Шиманскій.**

ПѢСНЯ ПРО ФИЛИППА ОРЛИКА *)

Ой изъ-за горы, изъ-за Дніпра
Витерець повивае,
Ой якійсь-то човникъ
Филя до берега прибивае.

* * *

Ой прибила филя човникъ
Човникъ лебедочку,
Ой выскочивъ зъ неи Орликъ
Тай почавъ беседочку.

* * *

Пугу, браця, пугу,
Пугу, запорожци!
Стоить козакъ въ лугу,—
Кажуть ему хлопци.

* * *

*) Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» помѣщено было замѣчательное письмо б. писаря Мазепы и вице-гетмана, Филиппа Орлика, къ запорожцамъ и еще болѣе замѣчательный отвѣтъ запорожцевъ, съ предисловіемъ А. А. Скальковскаго. Помѣщаемая пѣсня служить иллюстраціею къ этой перепискѣ. Выдержки изъ нея приводятся въ «Исторіи Новой Сѣчи Запорожской»; но такъ какъ это сочиненіе стало теперь библіогртфическою рѣдкостію, то мы не видимъ причины не помѣстить ее въ нашемъ изданіи, тѣмъ болѣе въ полномъ видѣ, съ того давняго оригинала, который сообщенъ намъ тѣмъ-же многоуважаемымъ историкомъ «Сѣчи».—Ред.

Эй, браця, ходимъ до Кошового,
Будемъ радити раду;
Зизвимъ малого и старого
На цюю важную пораду.

* * *

Ой пишовъ Орликъ до Кошового
Та въ поясъ поклонився,
Та начавъ изъ діла Карлового,
Що зъ нашимъ царемъ не помирився.

* * *

Ой батьку, Иване,
Отакая-то річь:
Кажить, Малюшевиче пане,
Чи станете намъ въ помічъ?

* * *

Ой надъ Украиною гетьманською
Громовая хмара стоить,
Ой прийшовъ царь съ армію руською
Та хоче іи та разорить.

* * *

Чому-жъ не помогати,
Коли просять браты сосіди,
Чому-жъ намъ татаръ не рубати,
Коли руки начали свербіти?

* * *

Та то не татаръ рубати;
Мазепа просить до насъ пристати,
Наши Вкраині помічъ дати,

* * *

А вписля до шведина привернуця
И видъ царя руського одвернуця:
Оттогди мы будемъ на волі,
Такъ якъ птахъ підъ небомъ въ полі!

* * *

О що-жъ, батьку Иване,
Прошу-жъ мині казати,

Чи зъ твоихъ слівъ буде що гарне,
Бо я хочу Мазепі звісточку послати.

* * *

А ты-жъ те и забувъ,
Що мы цареви присягнули,
Мазепа того и не розжувъ,
Що мы въ прощеніе взули.

* * *

О що-жъ тобі казати;
Ты бачипъ діло самъ,
Намъ не можно присяги ламати,
Намъ не можно помочи дати вамъ.

* * *

Запорожецъ не бувъ бісовымъ сыномъ,
Коли присягу вінъ давъ;
Наменують его еретичимъ чиномъ,
Коли й христиця забувавъ.

* * *

Бо вінъ забувавъ христиця,
Коли врага въ шію гнавъ,
А впислля знавъ и помолиця,
Та все присяги не ламавъ.

* * *

Отце, Орлику брате,
Одвези Мазепі цей отвітъ;
Нехай вінъ луче начне жати,
Отце буде нашъ совітъ.

* * *

Ой искра мала, та може світъ спалити
И сама счезне, пропаде.
Ой хоче Мазепа народа згубити;
Чого вінъ хоче, того тамъ не найде.

* * *

Ну, батьку Иване, прощай!
Що будемъ съ тобою робити.
Та батьку памятай,
Якъ мы будемъ тебе и Січъ голити.

* * *

Ой Орлику, мій брате,
Не копай ты яму для насъ;
Постой, жевжику, хвате,
Бо въ ту яму та посадять васъ!

* * *

Ой повивае витерець
Та відъ моря холодный;
Ой поіхавъ нашъ брехунець,
Якъ собака голодный.

ВИРША НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Чи чули вы, панове, зъ роду,
Що Богъ прійшовъ до насъ ажъ самъ?—
Чого-жъ?
Бо старший чортъ хотівъ зривнятьця зъ Богомъ,
Надувсь, ажъ очі лізуть рогомъ...
А Богъ ему сказавъ: а вонъ, а зась!
Нема тобі тутъ місьця въ насъ!
Зайшовъ зъ иншого чортъ краю:
Адама въ гості попросивъ,
А цей гукнувъ ёго до гаю,
Тай яблука изъ нимъ вкусивъ.
Проснувсь на другий день, ажъ лихо:
Товаришъ и сорочку знявъ.
Адамъ питае Еву тихо:
А съ кимъ я вчора такъ гулявъ?
Не знаю, що були за гості,
А вже чогось у насъ нема...
О, буде намъ, старый, похлостя—
Не выкупимся мы відъ сорома̀!
Задумався Адамъ, сівъ, тай труситця въ куточку,
А Богъ прийшовъ, пита его:
А де ты дівъ сорочку?
Не знаю, десь вчора загубивъ...

Пішовъ-же вонъ, поганый, зъ раю!
Объівся яблукъ, ажъ сопешь...
Отъ такъ ты доглядаешь гаю,
Безъ поспиту що хочешь, те и рвешь?!
И ты иди, небого, прясти,
Адамъ тебе щобъ доглядавъ;
А щобъ не сміла яблукъ красти,
Такъ я Адамові нагайку давъ.
А ну, ходи сюди, прокляте!
Ты що Адаму тамъ зробивъ?
Зайшовъ у гості погуляти,
На вікъ хозяина згубивъ.
Пишовъ-же вонъ, поганый, зъ миру
У пекло, де огонь горить;
Ось я тобі намилю гирю,
Щобъ не вчивсь людей дурить!
Загувъ проклятий чортъ у смолу,
Тай на вікъ зоставсь тамъ...
А щобъ Адама й Еву голу
Одягнути, родився Самъ...
Родивсь Христосъ: Адамъ гуляе,
Е нова свита и кожухъ,
И Ева въ плахті похожае,
И знову радіе духъ.
Теперъ и въ васъ жупани нові,
Бо вы Адамова рідня...
Такъ будьте-жъ зъ празничкомъ здорові,
Гуляйте, пийте, хочь що дня!

Вирша эта сообщена намъ уважаемымъ П. И. Ивановымъ и, по словамъ его, записана бывшимъ учителемъ купянскаго духовнаго училища, В. Лавровскимъ, но, къ сожалѣнію, безъ означенія мѣста, времени и обстоятельствъ записи. Г. Ивановъ сопровождаетъ присылку Вирши слѣд. словами:

«Въ словесныхъ произведеніяхъ народнаго творчества, съ появленіемъ письменности и съ постепеннымъ развитіемъ гражданственности, отличительныя особенности народнаго духа мало по малу теряютъ свои рѣзкія черты: сглаживается въ

нихъ все грубо характерное, смягчаются мѣстныя краски и придаются имъ тоны, принятые цивилизованными народами, но вмѣстѣ съ тѣмъ стираются отпечатки старинныхъ вѣрованій, воззрѣній, нравовъ, обычаевъ, столь цѣнные для полнаго изученія національнаго характера. Широко распространенный еще въ началѣ настоящаго столѣтія обычай виршеваній постепенно исчезаетъ даже въ деревняхъ, унося съ собою много оригинальныхъ произведеній народной фантазіи».

Тѣмъ необходимѣе, скажемъ мы, спѣшить записывать эти произведенія и дѣлать ихъ достояніемъ науки, какъ одинъ изъ самыхъ дорогихъ для нея матеріаловъ. Настоящая вирша тѣмъ особенно дорога, что представляетъ крайне оригинально, въ самой простой и образной формѣ, высокія истины паденія и искупленія человѣчества. Всегдашняя наклонность малорусскаго народа къ популяризаціи священныхъ истинъ, къ низведенію такъ сказать божества въ кругъ обыденной жизни и облеченію его дѣйствій въ самыя простыя формы, отразилась здѣсь съ особою силою, а ради праздничнаго веселія всѣ изображенія пересыпаны глубокимъ малороссійскимъ юморомъ.—Ред.

Опечатка.

Въ октябрьской книжкѣ «Кіев. Старины» въ отдѣлѣ Библіографіи, на стр. 153-й напечатано *Днѣпръ* вм. *Днѣстръ*, что не только измѣняетъ сущность дѣла, но незаслуженно могло-бы быть относимо къ винѣ автора разбираемой книги.—Ред.

Кухаренко Я. Збірникъ творівъ. К. 1860 г. Цѣна 75 к.
Лука, Украиньськый Альманахъ на 1881 г. Цѣна 50 к.
Левицкій И. С. Повісті. К. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.
——— Дві Московки. Повість. К. 1882 г. Ц. 40 к.
——— Не можна бабі Парасці вдержатись на селі. Изд. 3-е. К. 1882 г. Ц. 5 к.
——— Благословить бабі Палажці скоропостижно вмерти. Изд. 3-е. К. 1882 г. Ц. 5 к. Бурлачка. Пов. Ц. 75 к.
——— На Кожумякахъ. Комедія. К. 1876 г. Ц. 25 к.
——— Перші Кієвскі князі. К. 1876 г. Ц. 10 к.
——— Татари и Литва на Україні. К. 1876 г. Ц. 10 к.
——— Унія и Петро Могила. К. 1875 г. Ц. 6 к.
Левченко М. Опытъ Русско-Украинскаго словаря. К. 1874 г. Ц. 1 р. 30 к.
Лисенко. Южно-Русскій Орнаментъ. Изд. 2-е. К. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
Листы съ Хутора листъ III. Чого стоить Шевченко якъ поэтъ народный. С.-ПБ. 1881 г. Цѣна 5 к.
——— листъ 5-й. Хто такій хуторянинъ. С.-ПБ. 1862 г. Ц. 3 к.
Ластивка. Ганна. Поэма. К. 1881 г. Ц. 10 к.
М—ычъ. Про обкладкы, яка це болість і якъ одъ неі рятуватысь. К. 1881 г. Ц. 10 к.
Маляревській. Лира (сборникъ стихотвореній.) К. 1876 г. Ц. 20 к.
Мельникъ. Подарунокъ (поэтъ-самоучка). Од. 1875 г. Ц. 25 к.
Максимовичъ. Псалмы переложенные на украинское нарѣчіе. М. 1859 г. Цѣна 30 к.
Номисъ. Украински приказки. С.-ПБ. 1864 г. Ц. 2 р.
Опатовичъ С. Оповидання зъ святого писання. К. 1874 г. Ц. 10 к.
Основа. Южно-Русскій журналъ за 1861 г. 12 кн. С.-ПБ. 1861 г. Ц. 10 р.
Осташевскій. Пивъ сотни казокъ для веселыхъ людей. К. 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
Пискуновъ. Словниця украінськоі (або Юговоі-Руськоі) мовы. Ц. 1 р. 50 к.
——— Чайка. Украинській альбомъ пісень, думъ, казокъ, баекъ и віршей. К. 1876 г. Цѣна 30 к.
——— Т. Г. Шевченко, его жизнь и произведенія. К. 1879 г. Ц. 75 к.
Пчілка О. Переклады зъ Гоголя. К. 1881 г. Ц. 35 к.
——— Сужена не огужена. Жартъ-водевиль. К. 1881 г. Ц. 50 к.
——— Украиньскимъ дитямъ, переклады зъ Лермонтова. К. 1882 г. Ц. 25 к.
Про козакивъ, татаръ и туркивъ. К. 1875 г. Ц. 10 к.
Про хворобы и якъ имъ запомогты. К. 1874 г. Ц. 6 к.
Про холеру. К. 1875 г. Ц. 7 к.
Про кари, до якихъ присуждають мирові судді. К. 1876 г. Ц. 12 к.
Праады. Козакъ и Гаппуся. Украинськіе очерки. К. 1862 г. Ц. 60 к.
Поминки Т. Г. Шевченко въ Одессѣ 25 февраля 1879 г. Од. 1879 г. Ц. 30 к.
Раевскій. Сцены изъ малорусскаго народнаго быта. К. 1882 г. Ц. 1 р.
Рудченко. Чумацкія народныя пѣсни. К. 1874 г. Ц. 1 р. 30 к.
——— Южно-русскія народныя сказки, т. 2-й. К. 1873 г. Ц. 1 р.
Старыцькый М. Сербські народні пісні і думы. К. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
——— Чорноморці. Оперета по Кухаренку. К. 1878 г. Ц. 20 к.
——— Музыка къ ней Н. Лысенка. К. 1878 г. Ц. 1 р.
——— Зъ давнього зшитку. Пісьні и думи. К. 1881 г. Ц. 50 к.
——— Гамлетъ Принцъ Данській. Трагедія въ 5 діяхъ, В. Шекспіра. Пер. на Українську мову. Музыка Лисенка. К. 1882 г. Ц. 1 р.
——— Пісня про Ивана Васильевича Грознаго. Ц. 5 к.
——— Сорочинскій ярмарокъ. 2-е видання К. 1882. г. Ц. 10 к.
——— Байки по Крылову. 2-е видання. 1882 г. Ц. 10 к.
Стороженко О. Марко проклятый. Поэма. Од. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к.
Степовикъ О. Оповідання про комахъ, яка одъ ихъ користь, або шкода въ господарстві (зъ 45 рис.). К. 1882 г. Ц. 50 к.

Федьковычъ. Повісті съ переднимъ словомъ про Галицько-руське письменство. К 1876 г. Ц. 1 р.

Хвидоровській. Про Дифтеритъ або обкладкы для селянъ и хуторянъ на Украйни. Х 1882 г. Ц. 10 к.

Чалый. Біографія Шевченка. К. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к.

Шевченко. Наймычка. Поэма. К. 1875 г. Ц. 5 к.

——— Катерына. Поэма, Перебендя, дума. К. 1882 г. Ц. 10 к.

——— Музыкантъ Пов. на рус. языкѣ. К. 1882 г Ц. 50 к.

Що робытця у воздусі і що зъ того треба знаты землеробу. К. 1875 г. Ц. 10 к.

Якъ роспізнаты грунтъ і які бувають грунты. К. 1875 г. Ц. 10 к.

Яструбець. Про звірі по Брему. Ведмеди. К. 1876 г. Ц. 10 к.

М. Кропивніцького.—Збірныкъ творівъ (Деї драмы—„Дай серцю волю, заведе въ неволю" і „Глытай", драматычні картыны.- „Невольныкъ" і жартъ водевиль—„Помырылысь)." К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Записки Юго-западнаго отдѣла географическаго общества. Т. 1. Ц 1 р. 80 к. Т. II. Ц. 2 р. 25 к.

Печатаются и въ непродолжительномъ времени выйдутъ въ свѣтъ:

КОБЗАРЬ Т. Г. Шевченко, съ портретами его. Настоящее изданіе будетъ полнѣе изданій Кожанчикова, Пражскаго и др. но цѣнѣ доступнѣе прежнихъ изданій.

Рада. Українська збірна на 1882 рікъ. Содержаніе: Повія—романъ Мирного, повість Левицкого, два оповидання Бабенка, два оповидання Д. Мордовцева, оповидання Садовского, Лопуха, драма Старицкого, стихотворенія: Щоголева, Старицкого. Бабенка, Гринєнка, Мовы, Грищенка, Хруща и др. и научныя статьи на малорус. и рус. яз. Отъ 25 30 печатныхъ листовъ большого формата.

Старицкого М.--Різдвяна нічъ. Опера. 3-е изд.

——— Думы и Пісні. Выпускъ 2-й.

Де що про світъ Божий. Изд. 4-е. К. 1882 г. Ц. 20 к.

Українська Граматка.

Готовятся къ изданію:

Луна, Украиньськый Альманахъ, вып. II.

Чытанна.—Перша кныжка після азбукы.

Левицького И.—Кайдашева сімъя. Повість.

Здѣсь-же можно достать всѣ вновь выходящія книги, какъ на Малорусскомъ языкѣ, такъ и на Русскомъ по Исторіи и Этнографіи Южно-Русскаго края.

На пересылку прилагается 10 к. на 1 руб. Здѣсь же находится складъ всѣхъ находящихся въ продажѣ малорусскихъ книгъ.

Требованіе г г. иногородныхъ за всѣми вообще книгами исполняются съ первою почтою.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый въ г. Кіевѣ.

1883-й годъ (второй годъ изданія).

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, *ежемѣсячно*, по той же программѣ, при участіи кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала—двѣнадцать книгъ, въ 12 и болѣе листовъ каждая. Книги выходятъ непремѣнно 1-го числа и одновременно разсылаются подписчикамъ.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣд. статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.*, обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей*, проф. В. Б. Антоновича, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), *Дневникъ М. Ханенка*, *Дневникъ св. Фоки Струтинскаго*, *Разновидности „Марцѣпанъ и Ганнусковой горѣлки*,“ рукопись XVIII в., старод. полк. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ «Кіевской Старины,» съ приложеніями и доставкою на домъ или пересылкою внутри Россіи *десять рублей*, безъ пересылки и доставки *восемь руб. пятьдесятъ коп.*

Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію «Кіевской Старины»: *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой*, и лишь при этомъ условіи редакція отвѣчаетъ за своевременную высылку изданія.

Подписка на 1882 г. продолжается по тому же адресу и цѣнѣ. Въ ноябрьской книжкѣ—біографія и портретъ Гонты.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Дозв. ценз. Кіевъ, 20-го Октября 1882 г. Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Для поясненія текста, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы: портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія древнихъ украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и пр.

„**КІЕВСКАЯ СТАРИНА**", по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ" примутъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Барсуковъ А. П., Барсуковъ Н. П., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Θ., Вороновъ А. Д., Воскресенскій А. М., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Θ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Дашкевичъ Н. П., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Θ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Лазаревскій А. М., Лашкаревъ П. А., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Маркевичъ А. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Стрижкевичъ Н. В., Терновскій Ф. А., Фортинскій Θ. Я., Чалый М. К. и другіе.
